

АНО ВО «МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Осин Роман Сергеевич

**СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО: СУЩНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ И
ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ.**

Специальность: 09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук

**Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Р.И. Косолапов**

Москва – 2015

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования феномена социализма и советского общества.....	3
§1. Социально-философское измерение советского общества в современной общественной мысли.....	3
§ 2. Частная собственность и отчуждение как социально-философские категории.....	43
§3. Теоретико-методологические подходы к пониманию социализма.....	64
Глава 2. Основные проблемы становления социализма в СССР и их значение для социально-философского осмысления советского общества	87
§1. Советское общество как переходное от капитализма к социализму.....	87
§2. Особенности отчуждения в советском обществе в контексте диалектики формального и реального обобществления.....	3
§ 3. Развития социально-классовых отношений и государства в советском обществе: тенденции и противоречия.....	3
Заключение.....	3
Список литературы.....	3

Введение

Актуальность исследования. Окончание XX века было ознаменовано завершением опыта строительства социалистического общества в СССР и странах мировой социалистической системы. Существует множество трактовок сущности советского общества и причин прекращения его существования, но то, что это событие явилось социально-экономической, социально-политической и геополитической катастрофой, признают многие - как сторонники, так и противники того строя, который сложился в Советском Союзе. В современных условиях, когда в России предпринимаются попытки осуществить модернизацию в условиях ожесточившейся конкуренции со странами Западного мира, опыт СССР и противоречия, с которыми столкнулась данная система, представляются познавательно полезным и актуальным.

К сожалению, наряду с провозглашением эффективных посылок модернизации экономики, по-прежнему остается проблема социального неравенства, социальной несправедливости, что подрывает поступательное прогрессивное развитие современного российского общества, во многом обесценивая возможные достижения модернизации. В этой связи, несмотря на то, что со времени прекращения существования Советского Союза прошло более 20 лет, споры о советской истории по-прежнему не оставляют равнодушными не только людей, живших в СССР, но и представителей молодого поколения, родившихся во второй половине 1980-х-1990-е гг. Советский Союз интересен во многих отношениях.

Во-первых, это этап российской истории, когда страна достигла заметных геополитических успехов, став по некоторым показателям одной из двух сверхдержав в мире. Сегодня этот опыт актуален, так как Россия впервые за долгие годы, снова стала позиционировать себя как равноправный игрок на мировой арене, имеющий свои национально-государственные интересы.

Во-вторых, сам по себе опыт быстрого экономического роста, пусть не во всем, но в значительной степени осуществлявшийся за счет внутренних резервов и в условиях геополитического противостояния с развитыми государствами Запада, актуален и сегодня в связи с геополитическим противостоянием России и Запада. В этих условиях российскому государству все больше приходится рассчитывать на внутренние силы в проведении модернизации.

В-третьих, советское общество – это пример попытки строительства принципиально новой социально-экономической и социально-политической системы, основанной на господстве общественной собственности, отсутствии эксплуатации человека человеком, построения в перспективе бесклассового общества, планировании экономического развития в масштабах всего государства, политики массового вовлечения трудящихся в управление. Конечно, далеко не все из этих задач были реализованы, но сама попытка на практике реализовать смелые и радикальные идеи переустройства общества представляет существенный интерес.

В-четвертых, советский опыт показывает, что трудящиеся могут учиться государственному управлению, могут поднимать самостоятельно экономику. Несмотря на то, что в значительной степени достижения советской демократии были утрачены, в ряды государственных руководителей, а также деятелей культуры входило огромное число выходцев из широких, до недавнего времени, забытых социальных слоев. И они смогли доказать, что умеют не только разрушать старые социальные структуры, но и создавать новый тип общества.

В-пятых, советский опыт - это опыт быстрого интеллектуально-культурного роста. В советском обществе была одна из лучших в мире система образования. Неоднозначные реформы современного образования заставляют обращаться к советскому историческому опыту, но для его осмысления необходимо осмысление общественных отношений советского общества.

В советском обществе, так или иначе, решались социально-экономические, политические и геополитические задачи, с которыми Россия сталкивается сегодня. Тем не менее, советское общество прекратило свое существование. Возникает потребность в выявлении внутренних причин отказа от социалистического пути развития. Эту задачу невозможно решить без определения социального типа общественных отношений, которые сложились в советском обществе, а именно их сущности, тенденций и противоречий развития.

Социально-философские, политологические и исторические исследования советского общества часто носили и носят политически предвзятый характер. В советское время было немислимо публиковать выводы научных исследований в области общественных наук, которые бы противоречили официальным партийным документам КПСС. Аналогично и в 1990-е годы подвергались жесткой обструкции исследования, носящие просоветский марксистский характер. В настоящее время ситуация начинает меняться, делаются попытки переосмыслить советский период российской истории, но единства в понимании социального типа отношений, сложившихся в советском обществе и причин перехода от них к рыночным отношениям в современной научной мысли пока не сложилось.

Таким образом, проблема исследования состоит в необходимости определения типа социальных отношений, сложившихся в советском обществе, их сущности, тенденций и противоречий развития.

Степень научной разработанности. Исследование сущности противоречий советского общества носит во многом междисциплинарный характер, затрагивая комплекс общественных наук (политическую экономию, социологию, политологию, философию, право, культурологию). В советское время социально-философским осмыслением советского общества, так или иначе, занимались такие политические деятели исторического масштаба как В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий. Из наиболее заметных представителей научной мысли того

времени можно выделить таких исследователей как: А. Ю. Айхенвальд, Л. Н. Юровский, М. М. Розенталь, Ц. А. Степанян, П. Н. Федосеев, О. Шик, Э. В. Ильенков, Р. И. Косолапов, А. П. Бутенко, М. Н. Руткевич, В. А. Печенев, А. С. Ципко, В. Я. Ельмеев, Б. Р. Рященко, Н. И. Удовенко, Н. К. Водомеров, А. К. Козин, А. И. Титаренко, А. М. Конов, Г. Л. Смирнов, Г. Х. Шахназаров, В. И. Мишин, В. М. Глушков, Е. Г. Куделин, В. П. Макаренко, Ю. С. Новопашин, М. И. Пискотин, К. К. Вавилов, С. Д. Валентей, М. В. Попов, Н. Н. Михайлов.

Большой вклад в разработку проблемы внесли экономические дискуссии относительно совместимости социализма с товарным производством, которые проходили в 1960-70-х годах. Большое значение имеет исследование экономических законов социализма такими учеными-политэкономами, как Я. А. Кронрод, Н. А. Цаголов, И. И. Кузьминов, Б. М. Мочалов, Л. И. Абалкин, Д. Т. Шепилов, А. К. Покрытан, Г. М. Сорокин, В. Н. Черковец, М. И. Кротов и другие.

Многие из указанных выше исследователей относятся и к современным представителям общественной мысли, продолжая изучение сущности и противоречий развития советского общества (М. В. Попов, Р. И. Косолапов, А. С. Ципко, Л. И. Абалкин).

В эмигрантской и зарубежной литературе советское общество (преимущественно с социально-политической стороны) исследовалось такими учеными, как М. С. Восленский, М. Джилас, Э. Фромм, Г. Маркузе, Р. Дунаевская, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, Мао Цзэдун, В. Диккут, Т. Клиф, И. Дойчер, К. Каутский, К. Поппер, Д. Белл, З. Бжежинский, Ш. Бетельхей, Л. Люкс и др.

Начиная с 1990-х годов и по сегодняшний день советское общество в социально-философском аспекте рассматривается в работах таких авторов, как: Б. Ю. Кагарлицкий, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Л. А. Булавка, Р. С. Дзарасов, Б. Ф. Славин, М. И. Воейков, Ф. Н. Клоцвог, В. А. Ацюковский, Е. Т. Гайдар, А. И. Фурсов, Е. Ф. Солопов, Г. А. Завалько, В. С. Семенов,

Ю. И. Семенов, А. С. Казенов, В. И. Галко, И. М. Герасимов, В. П. Огородников, В.Д. Пихорович, Ф.И. Долгих, А.В. Матюхин, В. А. Босенко, А. В. Золотов, В. А. Сапрыкин, Н. О. Архангельская, Б. В. Ракитский, Г. Я. Ракитская, Н. Я. Лактионова, Д. Е. Сорокин, А. А. Зиновьев, А. Н. Тарасов, Ю. К. Плетников, В. Н. Ембулаев, С. Н. Мареев, И. М. Братищев, В. А. Сахаров, В. М. Межуев, А. А. Здоров, В. М. Сапега, В. К. Дяченко, С. Г. Кара-Мурза, Т. М. Хабарова, В. Г. Долгов, И. М. Ильинский, А. В. Соловьев, М. В. Попов, Л. Г. Антипенко, Р. И. Косолапов.

В Московском гуманитарном университете (МосГУ) реализуется проект «Демифологизация истории России», руководителем которого является ректор МосГУ И.М. Ильинский. В рамках реализации данного проекта издано несколько монографий. Кроме этого, вопросам социально-философского осмысления советского общества в контексте современного состояния и перспектив развития коммунистической идеи было посвящено одиннадцатое заседание Русского интеллектуального клуба, прошедшего 28 октября 2004 года в стенах университета. Вопросами, так или иначе связанными с социально-философским осмыслением сущности советского общества в разных аспектах теоретико-методологических подходов занимаются такие исследователи, как А.Э. Воскобойников, В.И. Буренко, А.Г. Караткевич, А.К. Сковиков, В.Г. Ледяев, А.В. Костина, Т.М. Гудима, О.Ф. Шабров, Г.П. Хорина и др.

Объект исследования – советское общество в период становления, эволюции и демонтажа социализма.

Предмет исследования – сущность, основные тенденции и противоречия развития советского общества в аспекте современной российской действительности.

Цель исследования – раскрытие проблем становления социалистических отношений в советском обществе, выявление внутренних противоречий, способствующих разрушению советской системы.

Задачи исследования:

- определить временные границы, критерии и особенности переходного от капитализма к социализму периода, показать его отличие от социализма как низшей фазы коммунизма;
- раскрыть понятие социализма как общественной системы и различные подходы к его трактовке;
- рассмотреть феномен отчуждения, его виды и стороны, а также специфику проявления в советском обществе;
- проанализировать диалектику формального и реального обобществления труда и производства в советском обществе;
- определить формационную принадлежность советского общества, его основные противоречия, особенности и тенденции развития.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена диалектико-материалистическим пониманием истории, изложенным в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Из более современных авторов большое концептуальное влияние на работу оказали идеи Э. В. Ильенкова и Р. И. Косолапова. Также в исследовании использовались концептуальные идеи, содержащиеся в трудах М. В. Попова, А. С. Казеннова, А. В. Золотова; критически осмыслены в диссертации отдельные теоретические положения представителей школы «критического марксизма» (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов и др.). Автор использует формационный подход к типологизации исторического процесса при рассмотрении сущности и противоречий советского общества.

Соискателем применяются общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический, системный, функциональный, метод аналогии, статистический и др.), философские методы (философско-диалектический принцип универсального развития и всеобщей связи). Автор использует сочетание «исторического» и «логического» подходов, что позволяет исследовать, как фактические обстоятельства становления социализма в

советском обществе, так и производить обобщения тенденций и противоречий этого процесса.

Эмпирическую базу исследования составляют данные из статистических сборников, специальных социологических, экономических и исторических исследований. В работе также используются материалы съездов КПСС разных лет.

Гипотеза исследования. Становление социализма в СССР происходило в условиях недостаточно развитых технико-технологических предпосылок для утверждения социалистических отношений, сопровождалось непростой геополитической обстановкой. Это привело к тому, что новые производственные отношения стали формироваться на неадекватной им технико-технологической основе, что неизбежно приводило к их становлению в усеченном виде. Этот процесс сопровождался сохранением отдельных форм социального отчуждения человека. Социализм как система методов управления хозяйством в основном был реализован, но социализма как низшей фазы коммунизма построено не было. В связи с этим советское общество может рассматриваться как «ранний социализм», не до конца вышедший за рамки переходного от капитализма к социализму периода, что обусловило неустойчивый характер социалистических производственных отношений в Советском Союзе. В конце концов, эта неустойчивость привела к разрушению данной системы и реставрации капиталистических производственных отношений.

Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящей работе анализируются в единой связке два комплекса вопросов. Первый из них связан с рассмотрением сущности, тенденций и противоречий развития советского общества, второй – с рассмотрением феномена отчуждения, специфики его проявления в советском обществе и современной России.

Это позволило получить следующие результаты:

1. Предложена новая трактовка переходного от капитализма к социализму периода. Переходный период от капитализма к социализму не

оканчивается огосударствлением экономики и коллективизацией сельского хозяйства, а распространяется вплоть до создания адекватного социализму экономического технико-технологического базиса, а также достижения политической и духовной свободы, всестороннего развития личности.

2. Обосновано теоретическое разграничение понимания социализма как низшей фазы коммунизма и как системы управления народным хозяйством.

3. Предложена новая классификация сторон отчуждения. В явлении «отчуждение» можно выделить три тесно связанные между собой его стороны: технико-технологическую сторону (далее мы будем использовать термин «техническое отчуждение»), социальную (социально-экономическую, социально-классовую, социально-политическую) и психологическую (отчуждение человека от самого себя, от достижений духовной культуры, религиозное отчуждение и пр.). Особенность отчуждения в советском обществе состояла в том, что главным его источником была не капиталистическая эксплуатация, а недостаточно развитая технико-технологическая база (техническое отчуждение) и отсутствие на практике развитых институтов советской демократии.

4. Обосновано, что диалектика формального и реального обобществления в советском обществе приводила к развитию двух противоположных тенденций: тенденцию продвижения к низшей (а в перспективе и высшей) фазе коммунизма и тенденцию реставрации капиталистических частнособственнических отношений.

5. Сформулирована система противоречий советского общества. Главным представляется противоречие между тенденцией отмирания частнособственнических отношений и тенденцией их реставрации. Это базовое противоречие выражалось в системе противоречий, распространяемых по различным сферам жизни общества (экономической, социальной, политической, культурной).

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что

обозначенная в диссертации проблема рассматривается с использованием многообразного научного аппарата, большого количества источников и литературы. В научный оборот введено новое толкование таких категорий как «отчуждение», «обобществление», «собственность», «социализм», «переходный от капитализма к социализму период». Это имеет важное теоретическое и практическое значение не только для социально-философского осмысления сущности и противоречий в советском обществе, но и проблем становления современного российского общества, которое вышло из советского периода и неизбежно испытывает на себе его последствия.

Область диссертационного исследования соответствует пунктам, относящимся к Паспорту специальности 09.00.11 – социальная философия: 20.«Философия политики»; 21. «Общественные отношения как проблема социально-философского анализа»; 22. «Социально-философские аспекты анализа дифференциации и стратификации социальных групп»; 23. «Солидарность и конфликт как проблема социальной философии»; 30. «Власть и собственность как факторы исторической эволюции»; 34. «Исторические судьбы России, перспективы ее развития в XX веке», которые рассматриваются автором во взаимосвязи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Переходный период от капитализма к социализму не оканчивается огосударствлением экономики и коллективизацией сельского хозяйства. Его правомерно рассматривать как период, проходящий два этапа: первый этап означает экономическое устранение бывших привилегированных классов, установление государственной собственности на средства производства и коллективизацию сельского хозяйства; в задачу второго этапа переходного периода входит создание адекватных социализму производительных сил (преодоление ручного, низко квалифицированного труда), подготовку условий для реального массового вовлечения населения в управление

государством, создание необходимых экономических и политических условий для всестороннего развития и освобождения личности.

2. Социализм как система общественных отношений может выступать в двух качествах: как особая система управления народным хозяйством и как низшая фаза коммунизма. Социализм как систему управления народным хозяйством можно определить как *совокупность мер по управлению и организации экономической системы, направленных на построение низшей и высшей фаз коммунизма*. Социализм как система управления народным хозяйством достигается благодаря победе социалистического уклада над остальными укладами, но победа социалистической системы хозяйства не всегда означает победу низшей фазы коммунизма. Отличие социализма как низшей фазы коммунизма от социализма как системы управления народным хозяйством состоит в том, что для социализма как низшей фазы коммунизма необходим определенный, более высокий, уровень развития производительных сил, а также реально функционирующие институты советской демократии. Эти условия позволяют реализовать общественную собственность не только формально (опосредованно через государственный аппарат), но и как реально функционирующую собственность всех членов общества. Без достижения этих условий, а вместе с этим и реализации в полной мере всех потенциальных преимуществ социализма, ни о каком социализме в смысле низшей фазы коммунизма вести речь нельзя.

3. Отчуждение в советском обществе связано с широким распространением рутинных форм ручного труда. Широкая распространенность рутинных, ручных форм труда приводит к объективной невозможности социального освобождения и всестороннего развития личности работника советского общества. Это, в конечном счете, приводило к отчуждению и от остальных сфер жизни общества, в том числе от государственного управления.

4. Становление нового типа общества в Советском Союзе происходило на неадекватной новым общественным отношениям технико-

технологической основе. Это приводило к тому, что процесс обобществления труда и производства носил, во многом, формальный характер. Диалектика формального и реального обобществления в советском обществе выражалась в развитии двух противоположных тенденций.

Первая тенденция была связана с продвижением к низшей (а в перспективе и высшей) фазе коммунизма, то есть к бестоварному, социально однородному обществу. Эта тенденция характеризуется как тенденция поэтапного снятия социальных форм отчуждения. В экономике она означала создание новых отраслей промышленности, развитие научно-технического прогресса, освоение космоса, создание единого народно-хозяйственного комплекса. В социальной сфере проявлялась в сближении различных классов и продвижении к бесклассовой структуре общества. В политической сфере происходило в определенной степени вовлечение трудящихся в управление. В культурно-образовательной сфере тенденция выражалась в росте образовательного уровня населения, выдающихся достижениях советского искусства.

Вторая тенденция была связана с возможностью реставрации капиталистических частнособственнических отношений. Эта тенденция характеризуется усилением отчуждения. В экономике она выражалась в усилении группового интереса и местничества, развитии несоциалистических укладов (так называемой «теневой экономики»), торможении темпов роста в 1970-е-1980-е годы. В социальной сфере шли процессы образования несоциалистических элементов. В культурно-образовательной сфере давало о себе знать усиление сугубо индивидуалистического, эгоистического сознания. В политической сфере эта тенденция выражалась в сковывании инициативы масс, жесткой цензуре, в декоративности представительных органов власти (Советов) и концентрации реальной политической власти в руках узкого круга партийно-государственной номенклатуры. Эти процессы не могли не вести к дегуманизации советского общества, к недостаточно полному раскрытию именно гуманистической составляющей идеи

социализма, к появлению элементов того, что Маркс называл «казарменным социализмом».

5. Развитие «теневой экономики», которая фактически являлась формой существования частнособственнических отношений, приводит к выводу о незавершенности социалистических преобразований в СССР. Поэтому советское общество не смогло полностью выйти за рамки переходного от капитализма к социализму периода.

Апробация работы. Основные положения исследования были обсуждены на научных конференциях, конгрессах и форумах международного и российского уровней: Международная научно-практическая конференция «Время о роли масс и личности в истории» (г. Москва, 2009 г.); XIV Международная научная конференция «Ильенковские чтения-2012»: «Э.В. Ильенков: Идеальное. Мышление. Сознание» (г. Москва, 2012г.); XVI Международная научная конференция «Ильенковские чтения-2014»: «Э.В. Ильенков: диалектика и культура» (г. Москва, 2014 г.); Семинар «Критический марксизм: поколение next» (г. Москва, 2013г.); Седьмой Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации российского общества» (г. Москва, 2012 г.); Восьмой Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации российского общества» (г. Москва, 2013 г.); III Международная молодежная научная конференция «Гражданское общество в эпоху глобальной трансформации» (г. Москва, 2011 г.); Международная научная конференция «Социальное государство и социальная справедливость» (г. Москва, 2014 г.); Международная научная конференция «Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве» (г. Москва, 2015); Международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества – 2015» (г. Москва, 2015);

Ключевые положения и выводы нашли свое отражение в 13 работах автора общим объемом 8,6 п.л., в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень российских рецензируемых научных

журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, получила положительную оценку и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования феномена социализма и советского общества

§1. Социально-философское измерение советского общества в современной общественной мысли

Поясним, что советское общество может трактоваться в узком и широком смыслах. В узком смысле под ним можно понимать тот тип общества, в котором реализована власть определенных органов государственной власти – Советов трудящихся. В этом смысле советское общество непосредственно связано с определенным типом государственности. Если власть Советов фактически отсутствует, то общество не может быть названо советским. В более широком смысле под «советским обществом» понимается совокупность общественных отношений, которая сложилась в СССР к середине 1930-х годов и просуществовала с теми или иными изменениями вплоть до «перестройки». Именно в этом смысле понимается советское общество в настоящем исследовании.

В этом параграфе мы рассмотрим основные трактовки советского общества, которые сложились в современной социально-философской мысли. Современный этап развития социально-философской мысли в России, с нашей точки зрения, следует отслеживать со времен «перестройки», которая хоть и являлась попыткой реформирования командно-административной системы на гуманистических принципах построения «социализма с человеческим лицом»¹ (таких как: открытость миру, гласность, плюрализм, разделение властей, отсутствие монополии одной партии на власть, допуск в определенных пределах частной собственности² и др.), фактически (независимо от желания ее организаторов и сторонников) стала переходным этапом к капиталистической системе общественных

¹Подробнее о концепции «перестройки» см.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышления для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1988. С. 11-57.

²О перспективах «рыночного социализма» в СССР см. Ernest Mandel: Beyond Perestroika. The Future Gorbachev's USSR. Verso, London-N.Y., 1989 .

отношений¹, в которой мы пребываем по настоящее время. В условиях «гласности» и в то же время сохранения формальной (а у некоторых авторов и искренней веры в «социализм с человеческим лицом») приверженности марксизму и социалистическому пути развития, было принято противопоставлять марксистско-ленинскую теорию опыту строительства «реального социализма» (особенно его сталинского этапа). Можно вспомнить множество публикаций в различных журналах, монографиях, где так или иначе делались попытки доказать преждевременность Великой Октябрьской социалистической революции, «деформированный» характер советского социализма, «ужасы сталинизма»² и пр. К сожалению, во многом эти публикации носили не менее идеализированный характер, чем работы по указанным проблемам предшествующего периода (просто знак «плюс» был сменен на «минус»). Вместе с тем, в результате фактической отмены цензуры, проведения в жизнь элементов гласности и плюрализма точек зрения в те годы проводились и весьма глубокие, неконъюнктурные исследования советского общества с философских позиций, сохраняющие свою научную ценность по сию пору. В этом ряду заслуживает особого внимания работа авторского коллектива под псевдонимом Платонов С. «После коммунизма»³. В труде актуализировано наследие раннего Маркса, Ленина, их взгляды на проблему отчуждения, социализм и становления общества «положительного гуманизма». Частично продолжали звучать голоса и защитников советского социализма с традиционно коммунистических позиций и его сталинского варианта⁴, впрочем, эта точка

¹На антисоциалистическую направленность «перестройки» указывает Р.И. Косолапов в статье «Горбачевский термидор» // URL: <http://prometej.info/filosofia/5551-termidor.html> (дата обращения: 03.05.15.).

²Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. / Под ред. В.И. Купцова. М.: «Высшая школа», 1989; Семенов Е. Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. 1990. № 15. С. 30-37; Бутенко А.П. Откуда и куда идем: взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990; Историки спорят / Под ред. В.С. Лельчука М.: Политиздат, 1988.

³Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989.

⁴Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. — 1988. — 13 марта.

зрения не была господствующей в научной и публицистической литературе тех лет. Но одно можно бесспорно: именно в эпоху «перестройки» впервые началась общественная дискуссия о советском обществе, которая в той или иной степени продолжается и в настоящее время. На исходе «перестройки» появились и более радикальные в своих оценках советского социализма (особенно его «сталинского» этапа) публикации. Так, к примеру, А.С. Ципко прямо пишет в своей работе «Истоки сталинизма» о том, что речь должна идти не просто о «деформациях сталинизма», а о его закономерном порождении левым радикализмом как таковым¹. То есть автор ставил вопрос не о том, что есть «хороший социализм» и «плохой сталинизм», а о критическом отношении к лево-радикальной традиции в принципе. Думается, что подобные точки зрения, безусловно, были более последовательны с точки зрения возвращения государства на капиталистический путь развития.

Открытое идеологическое столкновение между сторонниками и противниками социалистического пути развития страны произошло на последнем XXVIII съезде КПСС. По характеристике историка и публициста Людо Мартенса, этот съезд «явно подтверждает разрыв с социализмом и возвращение к капитализму»². На том съезде партийное руководство в форсировано проводило решение, закрепляющее переход к рыночной экономике. Вместе с тем, заслуживает внимания и вызывает интерес и противоположная позиция. Противники такого перехода утверждали, что «насильственное вопреки объективным процессам лечение социализма капитализмом повлечет за собой не повышение производства и уровня жизни, а их неизбежное падение, вызовет широкий социальный протест, приведет к тяжелым страданиям народа»³. При этом, глубоко ошибочно было

¹Ципко А.С. Истоки сталинизма [электр. ресурс]:URL:

<http://tsipko.ru/2010/01/18/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0/>(дата обращения: 20.05.15).

²Ludo Martens, L'URSS et la contre-révolution de l'après-guerre Antwerp: EPO, 1991. P. 215.

³Выступление Тюлькина В.А. // XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2—13 июля 1990. Стеногр. отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. С. 607.

бы считать, что сторонники этого взгляда стояли за слепое возрождение командно-административной экономики образца 1970-х-начала 1980-х годов, как это иногда пытаются представить их противники. Подобный взгляд в научной и публицистической печати часто выставляется ретроградным, не способным дать адекватную оценку кризисным явлениям, с которыми столкнулась экономика Советского Союза. Вместе с этим, независимо от отношения к коммунистической идеологии и марксистской теории, с высоты почти 25 лет, прошедших с момента проведения того съезда, очевидно, что прогноз противников «перестройки», к сожалению, оправдался и все те проблемы, о которых говорило «меньшинство» съезда (позиция, изложенная В.А.Тюлькиным, была зафиксирована как «мнение меньшинства») со всей силой ударили по населению России и стран СНГ в 1990-е годы и до сих пор остаются до конца не преодоленными.

В этой связи возникает вопрос: а так ли был ошибочен этот взгляд, как его пытаются представить, если все прогнозы представителей сопротивления «перестройке» оказались реализованы? Думается, что ответ на этот вопрос не столь однозначен и нуждается в дальнейшем изучении, но то, что рациональное зерно в такой позиции имелось, представляется бесспорным.

После завершения «перестройки» реставрацией капиталистических отношений, перехода с плановой экономики на рыночную, общественные науки резко поменяли свое отношение к советскому обществу.

В современной общественной мысли относительно свободно сосуществуют различные трактовки социального феномена советского общества, начиная с ортодоксально марксистских, заканчивая антикоммунистическими. Из тех трактовок, которые ориентируются на **немарксистскую** традицию, доминирует два основных направления в социально-философских трактовках общественного строя, утвердившегося в СССР. Условно их можно определить как неолиберальный и государственно-патриотический (здесь же близко стоит объективистский взгляд).

Неолиберальные взгляды представлены такими западными исследователями (советологами), как С.С.Алексеев, А. Бергсон, З.Бжежинский, А. Гершенкрон, Я. Корнаи, К.Р. Поппер, Ф. Фукуяма, Ф.А. Хаек, и др.

К российским исследователям советского общества с неолиберальных позиций можно отнести следующих: Е.Т. Гайдар, В.С. Нерсисянц, С.А. Караганов, Ю.С. Пивоваров, А.С. Ципко, и др.

Основные постулаты данного взгляда состоят в том, что советское общество являлось тоталитарным, основанным на полном контроле государства за всеми сферами жизни общества. В советском обществе, с этой точки зрения, преследовалось инакомыслие, исповедовались «антигуманные ценности» классовой борьбы, вместо свободы мнений господствовала цензура и пр. По существу, авторы указанной позиции считают советское общество однотипным с обществом, которое сложилось в гитлеровской Германии, а потому идеологию коммунизма считают не менее преступной, чем идеологию неонацизма. Подобные авторы, как правило, горячо поддерживают (а порой и сами являются инициаторами) стремление некоторых политических деятелей России и так называемого «мирового сообщества» осудить и официально приравнять коммунизм и нацизм.

Представители данного подхода считают, что Советский Союз закономерно «распался» под давлением внутренних противоречий, отрицая значительную роль внешнеполитического фактора. Основную же причину «распада» Советского Союза и демонтажа советской системы данные авторы видят в «неэффективности плановой социалистической экономики», в отсутствии конкуренции и частной собственности, а также гражданских прав и свобод.

Думается, что данная точка зрения не учитывает существенные и содержательные различия между коммунистической идеологией и неонацизмом, между практикой «реального социализма» и практикой гитлеровской Германии, между социально-классовыми, морально-

политическими и идеологическими ориентирами одной и другой стороны. Если в случае СССР мы имели попытку выйти из царства необходимости в царство свободы, во многих аспектах добившись успеха, то в Германии времен Адольфа Гитлера царство необходимости было возведено в абсолют. Сторонники данного взгляда рассматривают государственное принуждение в вакууме, без связи с конкретно-историческими условиями и социально-классовой направленностью деятельности того или иного государства. Данная точка зрения достаточно удачно разобрана в статье А.И. Фурсова «О некоторых западных теориях “реального социализма”»¹.

Да и объяснение причин «неэффективностью социализма» не представляются убедительными. Ведь если социализм был не эффективным, отчего после 20 с лишним лет капитализма Россия лишь к концу 2000-х гг. вышла по основным экономическим показателям на уровень советских времен, а по ряду показателей не вышла на тот уровень до сих пор. Думается, что если говорить о том, какая система эффективнее, то сравнение совершенно не обязательно будет в пользу «эффективного» рынка. В целом же, с нашей точки зрения, в подобных трактовках прослеживается весьма существенная классовая ангажированность и апологетика частнособственнических отношений. Наиболее ярко она проявляется во всевозможных попытках «десталинизации», «десоветизации», уравнивания коммунизма и фашизма и пр². Впрочем, подобное уравнивание даже в среде западных исследователей, которые долгое время были ориентированы на выделение общих черт коммунистического и фашистского режима, встречает критику. Так, немецкий историк Леонид Люкс отмечал одним из основных различий большевизма от неонацизма веру последователей большевизма в

¹Фурсов А. И. О некоторых западных теориях «реального социализма» // Знание. Понимание. Умение. №3. 2014. С. 83.

²Анализ проектов по «десталинизации» и «декоммунизации» 2011 года см.: Осин Р.С. Десталинизация или декоммунизация: что стоит за планом Федотова-Караганова? (марксистско-ленинский анализ) [электр. ресурс] URL: <http://rksmb.org/articles/ideology/destalinizatsiya-ili-dekommunizatsiya-ch/> (дата обращения: 02.06.15).

науку и прогресс, что не было свойственно национал-социалистам Германии, стремившихся повернуть колесо истории вспять¹.

Идея же запрета коммунистической идеологии как таковой по справедливому замечанию Г.П. Хориной является антидемократической² и, по нашему мнению, слабо увязывается с той же либеральной концепцией правового государства и гражданского общества. Получается расхождение доктринальных положений и практических предложений ряда представителей либеральной общественности.

Вместе с тем, при наличии указанных выше недостатков, представители неолиберального направления в современной общественной мысли, справедливо обращают внимание на сам факт недостаточной реализации политических свобод в СССР, господство однопартийной политической системы, «тоталитарных» методов управления и жесткой цензуры. Это приводило к тому, что запрету подвергались не только прямо антисоветские идеологические течения и политические организации, но и позиции, находящиеся в рамках марксистской традиции, но не совпадающие с официальной партийной идеологией. Так, например, советским людям были неведомы труды представителей западного неомарксизма, критически относящегося к советской общественной системе, но активно использующие марксистскую теорию в своих исследованиях. Невозможно было придерживаться критики советского общества с позиции идей Мао Цзэдуна или Энвера Ходжи. Запрещались не только прозападные, но и марксистские кружки, стоящие на критических позициях в отношении политической линии ЦК КПСС. Эти явления существенно тормозили развитие общественных наук и реального гражданского общества в Советском Союзе, что приводило к отчуждению значительной части населения от влияния на управленческие решения высшего руководства государства. Правильно указывая на эти

¹Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. С. 168-169.

²Хорина Г.П. Идеология в системе культуры. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2007. С. 245.

недостатки, представители неолиберальной трактовки советского общества, на наш взгляд, чрезмерно преувеличивают масштаб этих явлений и ошибочно связывают их с сущностью социализма, а не с конкретно-историческими условиями его становления.

В рамках немарксистской мысли существуют и другие трактовки советского общества, которые хоть и не позиционируют себя марксистскими, но отдают советскому периоду должное как одному из этапов развития России. К ученым и публицистам, так или иначе разделяющих данную точку зрения (подчеркнем, что сами эти авторы отнюдь не тождественны в своих теоретических построениях), можно отнести А. А. Зиновьева, С. Г. Кара-Мурзу, Н.Я. Лактионову, Ю.И.Мухина, А.И.Фурсова. Эту же позицию занимают и идеологи КПРФ (прежде всего, Г.А. Зюганов, В.С. Никитин), выдавая, видимо из политических соображений свою эволюцию за «творческое развитие марксизма».

Как правило, авторы, представляющие данную позицию, квалифицируют советское общество как социализм (Н.Я.Лактионова), либо как «реальный коммунизм» (А. А. Зиновьев), «исторический коммунизм» (А. И. Фурсов), либо как «советскую цивилизацию» (С. М.Кара-Мурза). Общим для них является в целом позитивная оценка советского опыта, но не как реализации марксистских установок, а как период наибольшего пика расцвета России как цивилизации. Мало того, советский опыт в рамках этой точки зрения нередко даже противопоставляется марксистской теории. Подобной позиции так или иначе, придерживаются такие мыслители как Кара-Мурза, считающий, что революция произошла не благодаря, а вопреки марксистскому учению¹, публицист Ю. И. Мухин и вовсе, при позитивной оценке советского строя (особенно времен правления И.В.Сталина), считает сам марксизм «маразмом»².

¹Кара-Мурза С.Г. Социализм и коммунизм в России: история и перспективы [электр. ресурс] URL: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (дата обращения: 10.06.15.).

²Мухин Ю.И. Сталин – хозяин СССР. М.: Алгоритм, 2008. С. 187.

Более осторожен в своих формулировках А.А. Зиновьев. Оценивая советский период как «*вершину эволюции русской идеи*», он считал, что «советский период российской истории был естественным продолжением многовековой истории России. Всё лучшее, чего достиг русский народ на протяжении своей истории, в советский период было сохранено и приумножено»¹, но все это не связывается полностью с марксизмом. С этой точки зрения, «опыт реального коммунизма показал, ни одно важное специфически марксистское предсказание на счет его не осуществилось»². Зиновьев делает вывод, что «то, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский “проект”»³.

К основным причинам развала СССР данные авторы часто относят внешнеполитический фактор. Наиболее собирательно данный подход изложен Н.Я. Лактионовой. С ее точки зрения «насильственный слом прежнего общественного механизма и дезинтеграция СССР не объясняются пороками советского строя. Это итог «холодной войны», в первую очередь, войны информационной»⁴.

В русле системного подхода А.И. Фурсов, рассматривает несколько базовых противоречий системы «исторического коммунизма»⁵: первое базовое противоречие - между внеэкономическим коллективным характером присвоения невещественных факторов производства, с одной стороны, и индивидуальным присвоением вещественных факторов, выражающееся в

¹Зиновьев А.А. Интервью: «СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БЫЛА ВЕРШИНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ ИДЕИ» [электр. ресурс] URL: <http://manekin.narod.ru/zinov.htm> (дата обращения: 10.06.15.).

²Зиновьев А.А. Логическая социология. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательство Московского Гуманитарного университета, 2003. С. 222.

³ Там же.

⁴Лактионова Н.Я. Реабилитация советского периода как необходимое условие укрепления российской государственности // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С.67.

⁵

Фурсов А.И. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма [электр. ресурс] URL: <http://rikmosgu.ru/publications/3559/4349/>(дата обращения: 10.06.15.).

противоречии между занимаемым местом в управленческой иерархии и растущими потребностями; второе противоречие между центроверхом как представителем коллективного и обкомами и ведомствами как конкретной формой реализации конкретных экономических кратко- и среднесрочных интересов; третье базовое противоречие между общефункциональным и конкретно-содержательным аспектами жизнедеятельности системы, выражающееся в противоречиях между хозяйственными и партийно-государственными органами.

Под давлением этих противоречий развивалось советское общество, преодолевая их. Однако, разрешать указанные Фурсовым противоречия можно было по-разному, в зависимости от деятельности субъектов этих противоречий. Поэтому, с его зрения, «исторический коммунизм» не рухнул автоматически под бременем своих противоречий. Его крушение было результатом сознательного разрешения этих противоречий в интересах значительной части господствующих групп ИК¹.

С нашей точки зрения, данный подход справедливо отдает должное историческому прошлому. Благодаря его представителям (многие из которых не носят «клейма» «марксистов», а потому получают сравнительно легко доступ в крупные СМИ) правда о советском обществе так или иначе стала распространяться.

Вместе с этим, признавая позитивную сторону, нам представляется, что данный подход, отрывая социалистический опыт от марксистской теории, не учитывает противоречивости становления новой общественной формации.. Те исследователи, кто в большей или меньшей степени отрывает социалистический опыт от марксистской теории, с нашей точки зрения, волей или неволей затушевывают социально-философский смысл тех бесспорных достижений, которые были в советском обществе, акцентируя внимание лишь на внешней, символической стороне (великая держава, сильное государство, общая идеология и пр.), а эти символические стороны,

¹ В терминологии А.И. Фурсова – «исторический коммунизм».

внешние достижения СССР в конъюнктурных целях могут использовать самые разнообразные политические силы.

Не удивительно, что, затушевывая марксистский характер советского социализма, данные авторы не указывают объективных причин реставрации капитализма, сводя этот процесс, как было показано выше, к предательским действиям западных государств, либо к надстроечным явлениям.

Социально-философское измерение советского общества в современной марксистской мысли.

Рассмотрев, как видят советское общество современные исследователи немарксистского толка, стоит взглянуть на то, с каких позиций рассматривает советское общество современная марксистская мысль¹.

В рамках современных исследований, которые относят себя к марксистской традиции, нет единой оценки того, чем было советское общество и почему оно прекратило свое существование.

Условно² точки зрения современных мыслителей марксистской традиции в отношении социально-философской характеристики советского общества можно свести к нескольким позициям:

- 1). Советское общество было социалистическим
- 2). Советское общество представляло «неполный социализм» (здесь могут быть вариации: не до конца пройденный переходный период, «ранний социализм», «основы социализма», «начальный период социализма» и пр.).

¹ Существует ряд исследователей, которые признавая на словах себя марксистами, по сути, существенно отходят от марксистской методологии, поэтому по факту с большой натяжкой могут быть отнесены к представителям «марксистской мысли». Тем не менее, в данной работе мы не беремся оценивать те или иные точки зрения на «соответствие марксизму», так как эта достаточно масштабная задача, для которой потребовалось бы проводить отдельное исследование. Поэтому под «современной марксистской мыслью» в данном параграфе мы будем понимать тех исследователей, направления и школы, которые сами отождествляют себя с последователями марксистской традиции.

² Мы говорим «условно», так как в рамках нижеприведенных трактовок советского общества имеются свои оттенки и различные типы аргументации, подробное рассмотрение которых не входит в задачу нашего исследования

3). В советском обществе был социализм «не по-Марксу» («деформированный», «мутантный», «государственный», «казарменный» и прочий «неправильный» социализм).

4). Советское общество вообще не было социалистическим. Здесь есть опять же несколько трактовок, среди основных можно выделить: в СССР был государственный капитализм; в СССР было иное, не капиталистическое, но и не социалистическое общество (политарный способ производства, суперэтатизм, «буржуазные производственные отношения» и пр.).

Рассмотрим указанные трактовки более подробно.

1) Советское общество – социалистическое общество. Данную точку зрения разделяют идеологи и руководители большинства современных коммунистических партий (например, лидер РКП-КПСС В.А.Тюлькин), а также такие ученые, как М. В. Попов, Е. Ф. Солопов, А. С. Казеннов, И. М. Герасимов, В. Я. Ельмеев, В. А. Ацюковский, В. А. Босенко, В. Д. Пихорович, В. Н. Ембулаев, В. П. Огородников и др.

С этой точки зрения, революция октября 1917 года является социалистической, а то общество, которое было построено в Советском Союзе, без всяких оговорок трактуется как социалистическое. Стоит отметить, что сам социализм далеко не все представители данного подхода понимают одинаково. Некоторые исследователи вообще склонны выводить социализм за рамки коммунистической формации, представляя его последней классовой формацией (например, В.А. Ацюковский, В.Н. Ембулаев).

С другой стороны, те представители данного подхода (СССР = социализм), которые рассматривают социализм как низшую фазу коммунизма, часто склонны переносить некоторые черты переходного периода на эту фазу (наличие классов, формального обобществления). Так, к примеру, А.В.Босенко пишет, что «социализм - это еще не зрелый общественный организм, не формация (формация – коммунизм)»¹. С этой

¹Босенко В.А. Диалектика мстит за пренебрежение к ней. Киев, 2010. С. 74.

точки зрения сам социализм представляет собой своего рода переход от капитализма к коммунизму, а потому изначально обременен рядом противоречий (выражаясь словами Маркса, «родимыми пятнами капитализма»). Все сложности, связанные со становлением низшей фазы коммунизма, закономерно вытекают из переходной природы социализма как «недоразвитого коммунизма», в котором есть тенденция перерастания в полный коммунизм, но есть и тенденция самоотрицания, то есть отката в капитализм. Как отмечают М.В. Попов и И.М. Герасимов, «коммунизм, можно сказать, становится дважды. Сначала он выходит из капитализма, результатом чего является его первая фаза — социализм. Затем коммунизм развивается из самого себя, то есть на своей собственной основе, и в результате этого развития, освобождаясь от следов капитализма, переходит в свою высшую фазу — полный коммунизм»¹.

Исходя из такого определения социализма, советское общество данной группе авторов представляется социалистическим в смысле того, что была построена низшая фаза коммунизма. Авторы данного направления справедливо связывают наличие социализма с функционированием общественных фондов потребления (например, Огородников В.П.)². Сама же эта фаза понимается как своего рода первоначальный этап становления коммунистической формации, обремененный рядом противоречивых тенденций развития. Надо сказать, что эта точка зрения свойственна не только российским теоретикам, но и западным публикациям ортодоксально марксистского толка. Так, в Резолюции 18 съезда Коммунистической Партии Греции (КПГ) в доказательство социалистического характера СССР приводится «упразднение капиталистических производственных отношений, на существование социалистической собственности и подчиненной ей

¹Попов М.В., Герасимов, И.М. Противоречия развития социализма и реставрация капитализма в СССР // Марксизм и современность №1-2. 2001. С. 25.

²Огородников В.П. Коммунизм – прошлое, будущее и его фальсификаторы // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин. / Под общей редакцией И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2011. С.490.

(несмотря на имевшиеся противоречия) кооперативной собственности, на централизованное планирование, рабочую власть и на беспрецедентные завоевания в пользу трудящихся»¹.

Причины же поражения в контексте этой трактовки сводятся либо к субъективным факторам (предательство, внешнее влияние), что характерно лишь для отдельных представителей данного направления, преимущественно из политического спектра левых догматиков, к примеру, Андреевой Н.А. или Хабаровой Т.М.), либо к факторам, которые сами требуют своего объяснения. Так, к примеру, указанные авторы - И.М. Герасимов, А.С. Казеннов, М.В. Попов, характеризующие советское общество как низшую фазу коммунизма, считают, что основной причиной реставрации капитализма является не преодоление указанных противоречий в советском обществе, а именно: деформация советской системы (переход от выборов по производственному принципу к выборам в Советы по территориям), расширение товарного производства, теоретические ошибки КПСС (отказ от диктатуры пролетариата, классовой борьбы и пр.).

Сама по себе такая оценка представляется во многом справедливой. Действительно, много социализма история не знает, и проще всего было бы назвать советский опыт чем то «другим», «неправильным», отмахнувшись от него как от «деформации», но приблизит ли нас подобный подход к познанию истины? Думается, что нет. Признание социалистическим советского общества побуждает к исследованию социализма не только как определенной политической теории, но и как реально функционирующего общества. В этом представители той точки зрения, которая исходит из социалистического характера общественных отношений в СССР, отличаются последовательным диалектико-материалистическим подходом к пониманию истории, не впадая в идеализм.

¹ Резолюция 18-го Съезда КПГ по Социализму. Февраль 2009 года URL: <http://ru.kke.gr/ru/articles/-18/> (дата обращения: 12.04.15).

Но степень «социалистичности» может быть различной и данный подход не лишен определенных недостатков, оценивая советское общество как полностью построенную низшую фазу коммунизма. Так, в частности, приводя, на наш взгляд, верные частные причины реставрации капитализма, связанные с чрезмерно сильным заигрыванием с рыночными механизмами регулирования экономики (особенно критике подвергается тут «косыгинская реформа» 1965 года), с отказом от диктатуры пролетариата, представители данной позиции недостаточно много уделяют внимания уровню развития собственно производительных сил, технико-технологической оснащенностью советского общества с точки зрения поставленных задач. Не достаточно, по нашему мнению, авторы данного направления уделяют внимания соотношению формального и реального обобществления, сводя обобществление («непосредственно общественное производство») к простому огосударствлению экономики социалистическим государством.

2). В СССР был построен неполный социализм. Сюда можно отнести трактовки самых разных направлений марксистской традиции (от ортодоксальных марксистов до некоторых неомарксистов). Стоит отметить, что, несмотря на разницу во взглядах, неполный характер социалистического общества в СССР и наличие двух тенденций подчеркивали как представители троцкистского направления (Л.Д.Троцкий, Исаак Дойчер), так и ближайший соратник Сталина – В.М. Молотов.

Основными современными авторами, разделяющими, так или иначе, этот подход являются Н. О.Архангельская, И. М.Братищев, Л. С.Беляев, В. А. Бударин, Р. И. Косолапов, А.И. Колганов, Ф. Н. Клоцвог, Б. Ю. Кагарлицкий, С. Н.Мареев, Ю. К. Плетников, Ф. М. Рудинский и др.

Прежде всего, авторы указанного положения, признавая, как правило, социалистический характер революции октября 1917 года¹, выделяют

¹ Стоит, однако, заметить, что признание социалистического характера Октябрьской революции исходит, как правило, от «ортодоксальной» (Косолапов Р.И., Архангельская Н.О.) или близкой к ней (Клоцвог Ф.Н., Братищев И.М.) части тех, кто считает социализм в СССР «ранним» или «неполным». Тем не менее, имеются и точки зрения (как правило, тех, кто отождествляет себя с продолжением традиции «западного марксизма»), согласно

сложности, связанные со становлением реального социализма в условиях технической отсталости и отсутствия мировой революции. В результате этих факторов с самого начала социализм в СССР стал развиваться в усеченном виде, не раскрывая всю полноту своих преимуществ. Внешние условия навязывали молодому социализму то тут, то там отходить от своих базовых принципов (поголовное вовлечение трудящихся в управление, бесклассовость, бестоварность), чтобы сохранить себя как социальное явление. Общественная собственность, несмотря на ряд реальных преимуществ, во многом оставалась опосредованной бюрократическим аппаратом государства. Это позволяет говорить о том, что обобществление в СССР носило, в основном, формальный характер. Таким образом, в СССР существовал социализм, но в неразвитой форме.

Различные авторы этого направления используют разные термины для описания социально-философской сущности советского общества. Ряд исследователей используют довольно удачное, на наш взгляд, название - «ранний социализм» (И. М. Братищев, В. А. Вазюлин, Ф. Н. Клоцвог, Р. И. Косолапов). Близкой оценкой советского общества является позиция Л.С. Беляева, который квалифицирует общественный строй, сложившийся в СССР как «начальный период становления социализма»¹. Другие исследователи (преимущественно неортодоксального направления) предпочитают трактовать советское общество как не до конца пройденный переходный период. Так, к примеру, Б. Ю. Кагарлицкий пишет, что «никакой окончательной, да и полной победы социализма в СССР не было»². Похожую позицию занимает и Колганов, считающий, что советское общество можно охарактеризовать как «социально-экономическую систему, переходную между капитализмом и социализмом, ... не имевшую почти никаких шансов

которым, в октябре 1917 года произошла буржуазная революция (например, Колганов.А.И.).

¹Беляев Л.С. Очерки политической экономии социализма. Иркутск: Сибирская книга, 2013. С. 191.

²Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2006. С. 58.

успешно завершить процесс перехода»¹. Несмотря на различия в оценках перспектив выживания советского общественного строя (у ортодоксального направления в современном марксизме эти оценки положительные, у неортодоксальных направлений, как правило, звучит скептическое отношение к успешному переходу советского общества на более высокий уровень социальной организации, как это мы видели на примере Колганова), взгляд на советское общество как переходное разделяют и некоторые представители «ортодоксальной школы» марксизма. В частности, Р. И. Косолапов отмечал, что «последние советские годы со всей отчетливостью показали, что тогдашний общественный строй преждевременно было квалифицировать как социализм, достигший “готовых форм”»².

На наш взгляд, разница в трактовках «ранний социализм», «первоначальный этап социализма», «основы социализма» или «не до конца пройденный переходный период» не является принципиальной и носит по большей части терминологический характер. В главном же все вышеприведенные трактовки совпадают, а именно: **советский общественный строй признается социалистическим лишь отчасти**. Кроме социалистической составляющей учитывается и ее незавершенность, означающая переходный характер советского общества.

Представители данного подхода часто указывают на отставание производительных сил от производственных отношений социализма. Так, к примеру, уже упомянутый Колганов, который считает, что «”социализм” XX века был попыткой навязать производительным силам неадекватные для них производственные отношения»³. Вместе с тем другие авторы считают, что «система общественных отношений раннего социализма, существовавшая в СССР, соответствовала уровню производительных сил страны 30-50-х годов... однако по мере роста производительных сил политическая и

¹Бузгалин А.В., Колганов, А.И. Сталин и распад СССР. М.: УРСС, 2003. С. 76;

²Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь: Изд-во «Северная Корона», 2004. С. 194.

³Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: УРСС, 2003. С. 76.

хозяйственная система раннего социализма стали тормозить дальнейшее развитие советского общества»⁴.

Реставрация капитализма мыслится здесь как результат внутренних противоречий (при этом не отрицаются и внешнее давление, сопряженное с предательством «пятой колонны», но эти факторы рассматриваются как производные), связанных с чрезмерно длительной приостановкой на этапе формального обобществления, что неизбежно приводило к отчуждению трудящихся от управления государством, воссозданию социально-классовых антагонизмов. Институты плановой системы образца 1930-50-х годов не могли адекватно работать в условиях 1970-80-х годов. И здесь может быть два выхода из положения: первый связан с технико-технологическим подъемом уровня производительных сил до социалистических производственных отношений (а это связано с ликвидацией рутинных форм труда, массовым внедрением кибернетики в область планирования народного хозяйства, демократизацией политической системы) временно вышедших вперед, второй путь связывается с использованием рыночных механизмов управления экономикой, что чревато угрозой реставрации. Выбран был, как известно, второй путь. Притом, что даже этот второй путь был сопряжен со страхом реформ и элементами консервации, что делало внедрение рыночных механизмов в управление экономикой еще более опасным для социалистической перспективы.

Плюсами данного подхода можно считать исследование (или, по крайней мере, постановку вопроса) базисных противоречий советского общества, а также особое подчеркивание важности для победы социализма, достижения определенного уровня развития производительных сил. В контексте данного подхода разрабатывается категория формального и реального обобществления и проблема их соотношения в СССР, проблема отчуждения и его специфики в условиях «раннего социализма». Это

⁴Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. Коллективная монография. / Составитель Братищев И.М. М.: Издательство ИТРК, 2009. С. 206.

позволяет по-новому в теоретическом отношении осмыслить сущность советского общества. Признание социализма в СССР «ранним», «неполным», либо вовсе не вышедшим за рамки переходного периода помогает объяснить многие противоречия, с которыми столкнулось советское общество, не прибегая к упрощению понятия «социализм» до простого огосударствления экономики и не идеализируя социализм, как это делают некоторые авторы, считающие реальный опыт СССР «деформированным», «мутатным», в общем, опытом социализма «не правильного», социализма «не по Марксу». Рассмотрим этот подход подробнее.

3). Деформированный социализм. Еще одной из точек зрения на природу советского общества является позиция, согласно которой в СССР был «неправильный», деформированный социализм (либо, как иногда употребляют в литературе, «мутантный социализм», «квазисоциализм»). Авторами, представляющими эту точку зрения, являются: А. В. Бузгалин, М. Н. Грецкий, М. Б. Конаршев, В. М. Межуев, Б. Ф.Славин, В. С. Семенов,.

С этой точки зрения, на определенном этапе развития социализма в СССР (как правило, это связывают со «сталинизмом») в социализме произошли некие «мутации» (деформации), связанные с вынужденным нарушением прав и свобод человека. Социализм упустил из виду свою главную гуманистическую сущность, а, следовательно, отличался от того, о чем писал Маркс. Соответственно мы имеем дело с «мутированием», «деформацией» социализма. В результате в советском обществе был построен совершенно не тот социальный строй, про который писали Маркс и Энгельс, а некое подобие «казарменного социализма», против которого Маркс и Энгельс в свое время выступали. Не вдаваясь во все оттенки данного подхода, рассмотрим коротко гипотезу «мутантного социализма», выдвинутую А. В. Бузгалиным, которая наиболее исчерпывающе и последовательно отражает позицию «деформированного социализма» в СССР. Говоря о «мутациях» социализма, Бузгалин пишет, «что касается отношений координации... такой мутацией было господство

бюрократического централизованного планирования... в области отношений собственности господствовали государственная и корпоративная форма... содержанием их было отчуждение работника от средств производства и государственно-капиталистическая эксплуатация – на одном полюсе, социальные гарантии... и стабильность – на другом»¹. Далее, продолжает автор: «в сфере социальной ориентации, мотивации труда и распределительных отношений положение также было противоречивым: на одном полюсе – уравниловка, бюрократические привилегии, подавление инновационного потенциала; на другом – реальный энтузиазм, коллективизм, в отдельные периоды (20-е, 50-60-е годы) – высочайшие достижения в области науки, искусства, образования»². В сжатом виде подобные противоречия Бузгалин охарактеризовал как «мутантный социализм». При этом он оговаривается, что в странах мировой социалистической системы «был искажен не некий “идеал” социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к царству свободы и адекватные ей реальные ростки социализма (элементы пострыночной координации и аллокации ресурсов, успешного регулирования и планирования экономики, ассоциированного присвоения общественного богатства, социального равенства, новой мотивации труда - энтузиазм, коллективизм) развивались в мутантном, уродливом от рождения виде»³.

Данный подход, при весьма точной констатации противоречий советского общества, оставляет вопрос о смысле называть их «мутациями»? Ведь, если речь идет о мутациях, то, следовательно, должен быть пример и «подлинного» социализма без «мутаций»? Однако такого здесь мы не замечаем, да и сам автор концепции признает, что «эта мутация была адекватна тому времени, и поэтому многие называют этот строй “первоначальным социализмом”. Действительно, тогда, пожалуй что, другой

¹Бузгалин А.В. Ренессанс социализма: курс лекций, прочитанных в Молодежном университете современного социализма. Изд. 2-е, стереотипное. М.: УРСС, 2007. С. 377.

² Там же.

³Там же, С. 378.

строй в Российской империи того времени имел мало шансов на рождение»¹. Ну а если мутация была безальтернативной, то правомерно ли вообще к советской реальности применять данный термин? С нашей точки зрения, вряд ли.

Некоторые авторы пошли еще дальше и квалифицируют советское общество как не имеющее никакого отношения к социализму.

4). Советское общество не было социалистическим. Данная позиция широко разрабатывалась в традициях западного марксизма. Подробным образом указанные точки зрения исследуются в книге М. ван дер Линдена «Западный марксизм и Советский Союз. Обзор критических теорий и дискуссий в период после 1917 года»². Автор указанного исследования считает, что категории ортодоксального марксизма неспособны объяснить советское общество³, потому достаточно глубоко изучил исследования западной марксистской неортодоксальной традиции. В рамках нашего исследования, мы ограничимся рассмотрением лишь наиболее значимых концепций для современной российской мысли.

Среди точек зрения, утверждающих, что социализма в СССР не было можно выделить основные: в СССР был государственный капитализм, разновидность политарного (азиатского) способа производства, суперэтатизм. Начнем рассмотрение с наиболее распространенной из отрицающих наличие социализма в СССР исследователей трактовкой советского общества как государственного капитализма.

СССР – государственный капитализм. Авторы, считающие, что в СССР был государственный капитализм весьма многообразны по своему составу. Стоит отметить, что еще поворот в политике и идеологии, инициированный руководством КПСС на XX съезде, вызвал неоднозначную реакцию в стане сторонников марксизма. Так, еще в середине 1960-х годов

¹Там же. С. 381.

²См. van der Linden M. Western Marxism and the Soviet Union. A Survey of Critical Theories and Debates Since 1917. Brill: Leiden-Boston, 2007.

³van der Linden M. Western Marxism and the Soviet Union. P. 317.

прошлого столетия Мао Цзэдуном, Энвером Ходжа и теоретиками Китая и Албании разрабатывалась концепция, согласно которой в Советском Союзе после смерти Сталина на XX съезде КПСС произошел государственный контрреволюционный переворот, приведший к трансформации социализма (а его наличие во времена нахождения Сталина у власти вышеназванные авторы признают) в «социал-империализм». Советский «социал-империализм», с этой точки зрения, был порожден «хрущевским ревизионизмом» и «оказавшийся у власти в Советском Союзе в результате контрреволюции в середине 50-х годов XX века, скрывал собственную империалистическую суть под маской социализма»¹. Данную трактовку советского общества в наиболее системном и научно обоснованном виде изложил один из немецких идеологов маоизма, главный редактор теоретического журнала Марксистско-Ленинской партии Германии «Революционный путь» Вилли Диккут в своей работе «Реставрация капитализма в СССР»².

Таким образом, если трактовать советское общество в маоистской и ходжаистской традиции, то с этой точки зрения в результате государственного «контрреволюционного переворота», который произошел на XX съезде, в стране произошла реставрация капитализма в форме утверждения государственно-монополистического капитализма, при котором на место частных капиталистов приходит совокупный капиталист – государство. Во внешней политике под прикрытием лозунгов «пролетарского интернационализма» проводилась политика, названная указанными авторами «социал-империализмом», то есть империализмом на деле и социализмом на словах.

Маоизм и ходжаизм далеко не единственные трактовки советского общества как «государственного капитализма». Из зарубежных авторов советский строй квалифицировали как государственный капитализм такие

¹ХоджаЭ. Империализмиреволюция. Ленинград, 1997. С.4-5.

²Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М.: Изд-во «Слово», 2004.

ученые, как Ш. Бетельхейм, Р. Дунаевская, Т. Клиф, А. Каллиникос, и др. В отличие от «маоистов» и «ходжаистов», эта группа исследователей начинает отсчет становления государственного капитализма в СССР не со второй половины 1950-х, а уже с конца 1920-х годов. Для них точкой отсчета является не «контрреволюционный переворот Хрущева», а «бюрократический термидор Сталина».

Среди отечественных исследователей сторонниками того, что в СССР был государственный капитализм, являются А.В. Соловьев, А.А.Здоров. Близкую к ним позицию занимает М. И. Воейков, считающий, что советское общество - «это, конечно, еще не капитализм в его классической форме, но это господство своеобразных буржуазных экономических отношений»¹.

С точки зрения этого подхода, в Советском союзе утвердилось государственно-капиталистическое общество с капиталистической эксплуатацией, где на место капиталиста встал коллективный капиталист государство. Рабочий остался наемным рабочим, а государство, эксплуатируя рабочий класс, выкачивало из него прибавочную стоимость. Некоторые авторы, стремясь углубить данный подход, конкретизируют и выставляют господствующим классом советского общества либо номенклатуру, либо директоров. К примеру, А.А. Здоров вслед за французским марксистом Ш. Бетельхеймом квалифицировал номенклатуру как класс государственной буржуазии². Другой сторонник государственно капиталистической оценки СССР, А. В. Соловьев считает, что «директора стали реальными собственниками предприятий, а технократическая верхушка “советского социалистического” общества, опираясь на директорский корпус,... стала хозяином положения в СССР»³.

¹Воейков М.И. «Государственный социализм» в России: уроки XX века //Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин. / Под общей редакцией И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.:ЛЕНАНД, 2011. С.136.

²Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: марксистский анализ советского общества. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2006. С. 62.

³ Соловьев А.В. Этюды о капитализме России XX века. Кострома, 1996. С. 49.

На наш взгляд, тезис о государственном капитализме в СССР не соответствует действительности, прежде всего, потому, что в случае государственного капитализма мы имеем, в сущности, продолжение старого способа производства с той лишь разницей, что вместо частного капиталиста приходит совокупный капиталист – государство. В советском же обществе, помимо указанных выше общественных фондов потребления, которые фактически распределяли прибавочный продукт между всеми членами общества, сам процесс производства строился не на рыночных, а на плановых, сознательно регулируемых, социалистических началах. Иной вопрос, что эти начала не всегда реализовывались в полную силу, но сам факт стремления к ним уже говорит об иной социальной природе советского общества.

СССР – политарный способ производства. Другой разновидностью взглядов, отрицающим наличие социализма в СССР, является концепция о политарном («азиатском») способе производства. С этой точки зрения, в СССР существовал специфический тип общества, который по своим сущностным чертам напоминает древневосточные деспотии. Условно его можно отнести к «азиатскому способу производства» на новом этапе развития. Надо сказать, что еще социолог П. А. Сорокин в работе «Современное состояние России» отмечал схожесть советского общества с системой, существовавшей в древней Ассирии-Вавилонии, Древнего Египта¹.

Среди современных исследователей наиболее известным представителем данного подхода является В. С. Семенов.

С этой точки зрения, советское общество являлось разновидностью «политарного способа производства» (индустрioполитаризма), так как в нем не произошло освобождения трудящихся от эксплуатации, просто на смену капиталистам пришло государство, которое точно также (а порой еще сильнее) выжимало соки из рабочего класса. Господствующей социальной группой была номенклатура, которая владела средствами производства как

¹ Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4. С. 196.

коллективный частный собственник, все, кто не входил в эту группу, являлись эксплуатируемой массой. Социалистический характер советского общества отрицается полностью¹.

Под **политаризмом** В.С. Семенов понимал способ производства, основанный «исключительно лишь на общеклассовой частной собственности как на средства производства, так и на личности производителей, которая с неизбежностью была собственностью государственной. С этим связано совпадение класса эксплуататоров, если и не со всем государственным аппаратом, то, во всяком случае, с его ядром².

В. С. Семенов выделяет два вида политаризма: агрополитаризм, основанный на сельскохозяйственном производстве. Этот тип политаризма был распространен в странах Древнего Востока и Древнего Египте. Другой вид политаризма, выделяемый Семеновым, - индустриополитаризм, основанный на крупной промышленности. Вот именно этот тип политаризма, по его мнению, господствовал в СССР.

С нашей точки зрения, подобное сравнение советского общества с докапиталистическим политарным способом производства, при всей внешней привлекательности и стройности, не выдерживает критики. Главной ошибкой данного подхода, как нам представляется, является отождествление двух различных типов общества на основе сходства их сугубо внешних форм. Формально и тот и другой тип общества основаны на господстве государственной собственности, однако Семенов не указывал, что цели и задачи государств Древнего Востока и государства СССР были различные. Различной была и материально-техническая база обществ: если основой политаризма древнего мира были недостаточно развитые производительные силы, то основой развития советского общества была крупная машинная индустрия, позволяющая создать материальные условия и для всестороннего развития личности. Различными были и условия, а также сама структура

¹ Семенов В.С. Политарный («азиатский») способ производства. Изд. 2-е, дополненное. М.: УРСС, 2011. С. 143.

² Там же. С. 142.

труда. В конечном счете, различным был и сам труд. Если в политарном способе производства человек являлся винтиком системы и не имел права ни на что, кроме предписываемых государством обязанностей, то в СССР (при всех недостатках, которые в нем имелись) в основном были созданы условия для всестороннего развития личности, для всеобщего доступа к знаниям и пр. Иными словами, государственная собственность в СССР преследовала иные цели и функционировала на другой технической основе, в отличие от «азиатского способа производства».

Советское общество – суперэтатистское общество. Еще одной точкой зрения, отрицающей наличие социализма в СССР является квалификация советского общества как суперэтатизма, то есть такого общественного устройства, при котором государство господствует над всеми сферами жизни общества. Представителем этого направления мысли является А. Н. Тарасов

С этой точки зрения, СССР не был ни социализмом, ни капитализмом. Тарасов приходит к выводу о том, что «в СССР (и других странах «реального социализма») мы имели дело с особым общественно-экономическим строем – суперэтатизмом, строем, парным капитализму в рамках одного способа производства – индустриального способа производства». И далее автор продолжает «при суперэтатизме собственником становится государство, а все граждане превращаются в наемных работников на службе государства. Государство, таким образом, превращается в эксплуататора, присваивает себе прибавочный продукт. При суперэтатизме ликвидируются антагонистические классы, а классовые различия вытесняются в сферу надстройки. Общество оказывается состоящим из трех основных классов: класса рабочих, класса крестьян и класса наемных работников умственного труда, который при ближайшем рассмотрении оказывается состоящим из двух крупных подклассов: управленческого аппарата, чиновничества, во-первых, и интеллигенции»¹.

¹ Тарасов А. Суперэтатизм и социализм [электр. ресурс]: URL: http://scepsis.net/library/id_102.html (дата обращения: 12.04.15).

С этой точки зрения советское общество не являлось посткапиталистическим, а представляло собой параллель существующему капитализму в рамках одного способа производства.

Думается, данная позиция грешит идеализмом, так как указанный автор понимает социализм в идеалистическом смысле, как строй, в котором уже полностью преодолены все формы отчуждения (включая отмирание государства). Идеалистическое понимание социализма приводит к идеалистической трактовке социальной природы советского строя, которая сводится не к анализу противоречий становления новой общественной формации, а к механическому сопоставлению реальности с идеалом, а когда реальность так или иначе идеалу не соответствует (а такое несоответствие будет всегда в определенной степени), она отрицается. Получается, что если социализм в жизни не совсем такой, как социализм в сознании автора этой теории, то это не социализм, а «суперэтатизм».

Стоит отметить, что данная трактовка советского общества частично смыкается с либерализмом, который видит главными его чертами нивелирование прав и свобод, тотальное государственное регулирование, при этом рассматривает советское общество через призму идеала «правового государства» вне времени и условий.

Если подводить итог разбору всех течений в рамках современной общественной мысли, так или иначе отождествляющей себя с марксистской, то можно сделать вывод, что современная марксистская мысль в лице всех ее направлений, с одной стороны, пытается преодолеть догматическое наследие позднесоветской идеологии (что, надо особо отметить, не тождественно марксистской теории) и критически взглянуть на советское прошлое, опираясь на методологию Маркса-Энгельса. В этом смысле наиболее проработанной представляется точка зрения, согласно которой в СССР был построен «ранний социализм» (либо «основы социализма»), который еще не полностью вышел за рамки переходного периода. Эта позиция не отрицает социалистического характера того общественного строя, что был в СССР, но

при этом показывает ограниченность и определенную незрелость социалистических элементов, которые с учетом специфики момента иными быть, в общем то, и не могли. С этой точки зрения, реставрация капитализма объясняется тем, что сам по себе социализм не успел полностью выйти за рамки переходного периода и был неустойчивым, а в силу этого подверженным пагубным воздействиям внешних и внутренних условий.

Но, прежде чем, начинать рассмотрение советского общества и противоречий, связанных с его не до конца пройденной переходной социальной природой, в следующем параграфе обратимся к методологически значимым для нашего исследования категориям: «частная собственность», и «отчуждение».

§ 2. Частная собственность и отчуждение как социально-философские категории

С нашей точки зрения, было бы неполным наше исследование сущности, противоречий и тенденций развития советского общества без предварительного уточнения категорий «частная собственность» и «отчуждение». Ведь еще в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс сказали, что коммунисты могут выразить свои требования одной фразой – «уничтожение частной собственности». И практика строительства социализма в советском обществе была попыткой реализовать эту цель.

Недостаточное осмысление категорий «собственность» вообще и «частная собственность» как одного из ее видов приводит не только к терминологической путанице, но и к недостаточно взвешенным теоретическим выводам и политическим решениям.

Но рассмотрение частной собственности было бы не полным без исследования другой категории, тесно связанной с частнособственническими отношениями, а именно отчуждения.

Проблема понимания природы отчуждения, как вообще, так и применительно к советской действительности, в современных условиях представляет двойной интерес.

Во-первых, сама по себе категория «отчуждение» часто либо упрощается, сводясь к эксплуатации, либо рассматривается как сугубо психологическое явление, от того слово «отчуждение» превращается из строго научной категории (каковой она была у Маркса) со своими четкими критериями в «заклинание», которое само по себе должно все объяснять.

Во-вторых, отчуждение в капиталистическом и советском обществе не однородно. Крайне неправильно было бы считать, что существующее отчуждение в СССР тождественно по своей социальной природе с тем отчуждением, которое существует в капиталистических странах. С другой стороны, не менее ошибочно было бы утверждать, что отчуждение не имело места в советском обществе вообще. Мало того, именно это специфическое отчуждение в советском обществе, во многом являлось результатом тех противоречий, которые не смогло разрешить советское общество, в силу чего прекратило свое существование.

В этой связи, данную главу мы посвятим рассмотрению категорий частной собственности и отчуждения.

Еще в работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс связывали существование частной собственности с общественным разделением труда. Позже, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс показал процесс возникновения классово-антагонистического общества, основанного на частной собственности на средства производства. Положение, согласно которому частная собственность теснейшим образом связана с разделением труда, позволяет некоторым современным авторам делать вывод о том, что для ее полного преодоления требуется исчезновение любого разделения труда.

В связи с этим, стоит более подробно остановиться на осмыслении категории разделения труда.

Разделение труда - это процесс распределения различных функций в общественном производстве по разным социальным группам.

По нашему мнению, разделение труда может быть двух видов: технологическое и социально-классовое (общественное).

Технологическое разделение труда связано с производственным процессом как таковым. В этом случае речь идет о простой специализации отдельных функций в процессе общественного производства. Технологическое разделение труда изменяемо революционными и эволюционными методами, но оно не исчезает полностью никогда, так как связано с самим производственным процессом, который, усложняясь, неизбежно приводит к определенной специализации работников и, следовательно, разделению отдельных функций между ними. Технологическое разделение функций теоретически можно минимизировать, сделав труд максимально всесторонним, посредством совершенствования техники и технологий, а также организации всеобщего доступа к образованию. Но его невозможно преодолеть полностью.

Социальное (общественное) разделение труда обусловлено экономическими условиями общественной жизни. Прежде всего, к социальному разделению труда относят разделение между городом и деревней, разделение труда на умственный и физический. На наш взгляд сюда можно добавить еще и разделение труда на исполнительский и управленческий; творческий и механический. Общественное разделение труда стало неизбежным на определенном этапе развития человечества, когда люди стали прикованы к определенному роду занятий в силу своего социального положения (так, например, уделом эксплуатируемых классов был тяжелый физический труд, привилегированные же слои населения могли позволить себе заниматься научным и творческим трудом).

Но с развитием научно-технического прогресса указанный тип разделения труда постепенно преодолевается. Так, мы можем наблюдать некоторое сближение физического и умственного труда уже в рамках

современной действительности. Во-первых, технический прогресс закономерно приводит к освобождению значительной части работников от рутинных функций, которые начинают выполняться автоматически при помощи специальных устройств (машин, компьютеров, станков и пр.). Во-вторых, сам труд в силу научно-технического развития становится более сложным и творческим, что требует приложения умственных усилий даже в областях, традиционно относимых к физическому труду. Даже, если мы возьмем простого рабочего, в современных условиях ему необходимо иметь гораздо более широкий спектр знаний и умений, чем это было ему нужно 100-150 лет назад. В-третьих, те сферы деятельности, которые раньше считались элитарными, превратились в массовые. Например, научная, педагогическая деятельность, лечение людей, инженерное дело сегодня не являются уделом узкого круга интеллектуалов, которые, как правило, были выходцами из имущих классов. Аналогичную картину можно наблюдать и в области управленческих функций, которые сегодня теоретически могут выполнять (при определенной дополнительной подготовке) все работники, разбирающиеся в своем деле и имеющие достаточные организаторские способности. Всеобщее образование неизбежно приводит к тенденции усиления всесторонности развития личности, а, следовательно, и способностям выполнять разноплановые действия.

Вместе с тем, в условиях капиталистического общества данные тенденции, по нашему мнению, не могут реализовать себя в полной мере, так как часто наталкиваются на классовый интерес частного собственника, во многом зависят от рыночной конъюнктуры. Окончательно социальное разделение труда устраняется с преодолением деления общества на классы и развитием производительных сил.

Говоря о частной собственности, стоит отметить, что эта категория тоже не так однозначна, как иногда кажется. К сожалению, несмотря на то, что вопросам понимания собственности посвящено достаточно большое количество исследований как марксистской, так и немарксистской традиции,

сегодня часто господствует упрощенное понимание частной собственности как какой-либо вещи, принадлежащей человеку, в то время, как это далеко не так, о чем мы скажем ниже. Но прежде чем говорить о частной собственности, остановимся на вопросе о собственности вообще.

Собственность можно понимать в различных смыслах (экономическом, политическом, юридическом, интеллектуальном и пр.).

Сразу стоит отметить, что собственность в обоих смыслах это не сами вещи, а **общественные отношения** по поводу результатов материального и духовного производства. Не касаясь всех точек зрения, с которых можно рассматривать собственность, остановимся подробнее на экономической, так как именно собственность в экономическом смысле, на наш взгляд, наиболее полно отражает сущность собственности как социально-философской категории.

Собственность в *экономическом* смысле это общественные отношения по поводу присвоения результатов труда, в юридическом смысле это правовое выражение данных общественных отношений. Отношения собственности являются составной частью производственных отношений, но не сводятся к ним, так как последние шире. В этой связи, прежде чем давать характеристику категории собственность, рассмотрим само понятие «производственные отношения», без понимания которого немислимо понять феномена собственности.

Производственные отношения – это совокупность материальных отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления¹.

Иными словами, производственные отношения возникают, прежде всего, по поводу организации производства как такового и распределения его результатов. Производственные отношения составляют **базис** общества.

¹ Большая советская энциклопедия [электр. ресурс] //URL: <http://slovari.yandex.ru>. (дата обращения: 12.04.15).

Зачастую производственные отношения в целях популяризации сводились и сводятся к распределительным отношениям, что находит юридическое выражение в господстве той или иной формы собственности. При таком подходе смена одного типа производственных отношений на другой состоит в смене формы собственности, то есть способа распределения. Отсюда рождаются примитивные представления о низшей фазе коммунизма, которая, дескать, заключается лишь в том, чтобы перераспределить результаты труда в пользу государства, что, как показывает исторический опыт, отнюдь не снимает частно-собственнических отношений отчуждения. Для более глубокого понимания некоторыми современными учеными выделяются три уровня производственных отношений: технико-технологический, организационно-технический и имущественный (выражается в господствующей форме собственности)¹.

Технико-технологический уровень - отражает тип техники и технологии, преобладающей в обществе.

Организационно-технический уровень отражает господствующий тип организации производства.

Имущественный уровень отражает способ и форму присвоения результатов труда. Выражается данный уровень в господствующей форме собственности, о чем мы подробнее скажем ниже.

Как можно видеть из краткого описания трех элементов производственных отношений, зачастую смена одного способа производства на другой понималась (и до сих пор продолжает пониматься) как изменение всего-навсего форм собственности, то есть перераспределение результатов труда. Подобный подход в теории и практике изменения общественно-экономических формаций можно наблюдать в меньшей степени у официального «советского марксизма», в большей степени у маоистов² и

¹Подобная классификация уровней производственных отношений встречается в работе Р.И. Косолапова Истина из России. Тверь: Изд-во «Северная Корона», 2004. С. 88.

²Мао Цзедун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М.: Изд-во «Правда», 1957; Мао Цзедун. О новой демократии // Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. С. 133-182.

ходжаистов, в гипертрофированном виде в политике Пол Пота. Подобный же подход присутствует и у некоторых современных исследователей марксистского толка. Так, к примеру, В.А. Ацюковский указывает, что «производственные отношения определяются формой собственности на составляющие производства – человек и его труд, средства производства и предметы потребления»¹. По существу подобная трактовка, при своей формальной правильности, не учитывает технико-технологического и организационно-технического уровня, подчеркивая важность лишь третьего – имущественного уровня производственных отношений. По существу такие воззрения в традиционном духе сводят все богатство производственных отношений лишь к вопросу форм собственности, что порождает представления, будто преодолеть отчуждение возможно лишь посредством смены форм собственности с частной на общественную (которую, в свою очередь, часто сводят к государственной). На практике такие, казалось бы, чисто теоретические упрощения, зачастую приводили к пагубным политическим последствиям.

Возвращаясь к рассмотрению категории «собственность», поясним, что она складывается из трех правомочий: пользования, владения, распоряжения. Часто в системе этих трех правомочий на первое место ставится владение. С нашей точки зрения, правомерно считать, что главной составляющей можно считать распоряжение, так как именно возможность распоряжаться вещью (то есть поступать с ней по своему усмотрению) позволяет считать собственником того или иного человека. Владение (то есть непосредственное обладание вещью) без распоряжения еще не может делать собственника полноценным.

Отношения собственности в экономическом смысле являются выражением производственных отношений, которые также представляют

¹Ацюковский В.А. Основы коммунистической идеологии и современность. М.: ИДСП, 2004. С. 16.

общественные отношения в области производства и обмена товаров, а также присвоения результатов труда.

Думается, можно выделить нескольких видов собственности. К главным традиционно относят частную и общественную.

Когда говорят о частной собственности, то, как правило, имеют в виду два главных объекта, на которые она распространяется, а именно: предметы потребления и средства производства. Разумеется, этим не исчерпывается все многообразие объектов собственности, но они выступают в качестве ключевых объектов собственности, позволяющих раскрыть ее социальную сущность. Частную собственность на предметы потребления правомерно называть личной (индивидуальной) собственностью, так как она, как правило, не связана с получением дохода одной частью общества за счет другой части общества. Личная собственность на предметы потребления была разрешена в СССР и состояла в праве владеть, распоряжаться и использовать вещи по их функциональной роли. Все Конституции СССР закрепляли личную собственность, потому что она не связана с эксплуатацией труда одних людей другими людьми, а представляет собой простое использование вещи по ее непосредственному назначению.

В этой связи при первом приближении правомерно предложить следующую классификацию собственности, которую у нас обобщенно именуют «частной».

Собственность отдельного человека на предметы потребления (то есть собственность, которая не приносит сама по себе доход, а используется по своему функциональному назначению) правомерно считать **личной**.

К **частной** собственности стоит отнести собственность на средства производства, а также иную собственность, которая позволяет получать собственнику доход на систематической основе (это может быть и интеллектуальная собственность, приносящая доход ее владельцу). Речь здесь идет уже не просто об использовании той или иной вещи для реализации ее потребительной стоимости (ценности), а об ее использовании

в целях получения систематического дополнительного дохода (то есть дохода не разового, как, например, можно получить доход от продажи картофеля, выращенного на земельном участке, а регулярного). Сама частная собственность условно может быть разделена на:

- частную **эксплуататорскую** (частная собственность на средства производства, связанная с присвоением результатов чужого труда). Частная эксплуататорская собственность может выступать как частная рабовладельческая, частная феодальная и частная буржуазная (капиталистическая) собственность;

- частную **трудовую** (частная собственность на средства производства, при которой владелец средств производства сам трудится с их помощью). В этом случае мы имеем дело с работой собственника средств производства на них самостоятельно без использования найма рабочей силы.

При этом, руководствуясь вышеизложенным пониманием собственности, не стоит забывать, что собственность - это отношение, а не сама вещь. Один и тот же предмет может выступать при разных общественных отношениях и в роли личной, частной трудовой и частной буржуазной собственности. Так, к примеру, автомобиль, если на нем занимаются частным извозом за деньги, становится частной трудовой собственностью, так как приносит доход его владельцу за счет его же собственного труда. Если владелец передает по доверенности свой автомобиль наемному водителю, то это уже частная капиталистическая собственность, основанная на эксплуатации чужого труда владельцем средств производства.

Но тот же самый автомобиль, если его владелец использует исключительно как транспортное средства для личного передвижения (например, каждый день отправляется на своем личном автомобиле на работу), выступает как индивидуальная личная собственность, так как используется не в целях получения дохода, а в целях передвижения по

городу. Маркс и Энгельс в своих работах вели речь, прежде всего, о частной буржуазной собственности на средства производства.

Частная эксплуататорская собственность на средства производства господствует в рабовладельческой, феодальной и капиталистической общественно-экономической формациях. Но только при капитализме товаром делается рабочая сила, а средства производства настолько развиты и труд настолько обобществляется, что частная собственность превращается в тормоз на пути дальнейшего развития производительных сил. Сегодня наиболее ярким тому подтверждением являются дискуссии по поводу целесообразности так называемого «авторского права». С одной стороны, мы имеем ситуацию, когда уже созрели технико-технологические возможности для присвоения результатов творческой духовной деятельности бесплатно, когда результаты этой деятельности могут носить всеобщий характер, а следовательно выступать в качестве общественной собственности, но, с другой стороны, частнособственнические отношения притормаживают этот процесс. В современной России неоднократно делаются попытки взять под контроль интернет пространство, ввести в нем элементы цензуры, что явно противоречит объективным тенденциям развития производительных сил общества на современном этапе.

Итак, если мы исходим из того, что частная собственность связана с получением от нее дохода, а это, в свою очередь, как правило, связано с эксплуатацией труда одних людей другими, то здесь проявляется феномен отчуждения результатов труда от непосредственных производителей. В этой связи приходится констатировать, что неизбежным спутником частнособственнических отношений является отчуждение.

Само понятие «отчуждение» наиболее полно разработано в марксистской и неомарксистской философской традиции. Это понятие часто употреблялось Марксом в его ранних работах, что позволило, с одной стороны, некоторым авторам забыть об этой категории по существу, сведя отчуждение к капиталистической эксплуатации, а с другой стороны,

использовать отчуждение как некую магическую формулу, которая сама по себе должна все объяснять. При этом, конечно, не выделяя четких критериев самого феномена отчуждения. Отсюда порой приходится сталкиваться и с вольным обращением с категорией «отчуждение».

В своем анализе Маркс в центр внимания ставил не морально-этический, а социально-экономический аспект отчуждения. Он исходил из того, что человек является социальным существом, а потому реализует себя в практической (трудовой) деятельности. Поэтому проблему отчуждения следует ставить не «вообще», а как проблему отчужденного труда. Именно отчужденный труд - это та сторона отчуждения, которую Маркс считал основной и из которой выводил частные проявления отчуждения (отчуждение результатов и процесса труда, отчуждение человека от человека в повседневной жизни, отчуждение социальной системы от человека и пр.).

В «Экономическо-философских рукописях» 1844 года Маркс показывал, в чем именно состоит отчужденный труд¹.

Раскрывая этот вопрос, Маркс пришел к ряду выводов.

Во-первых, «труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности». Здесь речь идет и об отчуждении труда как процесса, не только взятого со стороны результата, но взятого и со стороны механизма реализации способностей к труду. Развивая мысль, Маркс показывает, что речь идет не только о том, что труд, создающий продукт для другого человека, превращается в чуждый в силу эксплуатации, но и об изнуряющем характере самого труда вне зависимости от того, кто присваивает его результаты. Изнуряющий характер труда не приносит радостей, не развивает рабочего, а лишь отнимает у него силы к жизни. В этом труде рабочий не реализует себя как социальное существо, а тратит свои силы и время в «никуда», тем самым происходит отчуждение не только

¹См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т.42. С.90-91.

труда, но и времени жизни рабочего, которое он затрачивает в процессе труда.

Во-вторых, совершенно закономерно, что такой труд не является собственно проявлением человеческой сущности. Маркс тут прямо выводит психологическое негативное отношение к труду из **характера** труда, который делает этот труд невыносимым: «поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя». Отвращение к труду вызывается двумя аспектами: *социальной отчужденностью*, связанной с присвоением результатов труда работника другим субъектом, и *технико-технологической отчужденностью*, связанной с недостаточным уровнем развития производительных сил для того, чтобы сделать труд увлекательным, приносящим работнику радость, а не изнурение организма. В первом случае, работая на другого человека, работник не ощущает причастность к результатам труда, а потому испытывает отвращение к работе, видя в ней лишь способ поддерживать свое существование (отсюда принцип, что заработная плата - это главная цель труда). Во втором случае работник не имеет возможности получить удовольствие от труда в силу самого его характера, неразрывно связанного с рутинными, физически и психологически изнуряющими организм, функциями. Подобный труд, даже в случае отсутствия капиталистической эксплуатации, тем не менее, вызывает психологическое отвращение у работника, который по-прежнему продолжает его воспринимать как «потерянное время».

В-третьих, Маркс подчеркивает «и, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому». Обращаем внимание на то, что Маркс лишь в конце вывел социальную отчужденность результатов труда, показав, что рабочий, производя продукт труда для другого человека, таким образом, отчуждает свою деятельность и

свою человеческую сущность, свою жизнь этому человеку. То есть человек не может не быть отчужденным, если работает на другого человека. Вместе с этим, отчуждение труда связывается у Маркса не только с социально-классовой стороной, но и с материальными условиями, делающими классовое отчуждение возможным. Недостаточный учет этого момента не позволяет нам в достаточной мере понять сущность отчуждения, как и его специфику в советском обществе.

Маркс связывал *категорию отчуждения с зависимостью человека от внешних проявлений социальной стихии, в первую очередь, с навязанным извне разделением труда на умственный и физический, частной собственностью и эксплуатацией человека человеком. Иными словами отчуждение – это процесс, при котором результат деятельности человека, как и сама его деятельность, а вместе с ней и вся система социальных отношений становятся неподвластными человеку, существуют и развиваются по своей собственной логике, господствуют над человеком.* Преодоление социального и технико-технологического отчуждения - это и есть процесс социального освобождения человека.

Маркс выделял несколько видов отчуждения: отчужденный труд (главный вид), отчужденный продукт труда, отчужденность людей друг от друга, отчужденность социальной жизни (или отчужденность «родовой деятельности»). И в каждом из этих видов отчуждения проявляются как технические (технико-технологические), социально-экономические, так и психологические аспекты отчуждения. Но кроме видов отчуждения, которые показывают что именно отчуждено от человека, думается, правомерно выделить и его стороны, в которых бы отражались причины отчуждения.

Обобщая выше приведенные положения Маркса, мы пришли к выводу, что в явлении отчуждения можно выделить три тесно связанные между собой его стороны: технико-технологическую сторону (далее мы будем обозначать эту сторону как «техническое отчуждение»), социальную (социально-

экономическую, социально-классовую, социально-политическую) и психологическую.

Техническо-технологическая сторона отчуждения (техническое отчуждение) связана, прежде всего, с господством обстоятельств над человеком без непосредственной связи с эксплуатацией. Основой данной стороны отчуждения является недостаточный для социального освобождения уровень развития производительных сил, а также технико-технологические и организационно-технические ограничения производственных отношений. Техническая отчужденность, как мы покажем далее, может существовать, в известном смысле, и при отсутствии непосредственной эксплуатации человека человеком как следствие ограниченных возможностей производительных сил общества. Сохранение технического отчуждения связано по большей мере не с отношениями между людьми, а с неготовностью общества перейти в новое технико-технологическое (а значит и социально-экономическое) качество – качество свободы из качества необходимости. То есть мы имеем здесь неготовность человеческого общества к социально-экономическим условиям, при которых все его члены будут свободны не только от эксплуатации, но и получают реальные материальные условия для всестороннего развития. В условиях технического отчуждения мы имеем дело с господством над человеком непознанных им еще социальных сил, которые выступают для него как «неведомые» и «неуправляемые». Эта сторона отчуждения распространяется на технико-технологическую и организационно-техническую стороны производственных отношений, не всегда затрагивает сугубо социальную сторону, которая связана с имущественным уровнем производственных отношений. Длительное сохранение технического отчуждения существенно затрудняет развитие потребности в труде¹ и способствуют отрицательному отношению к

¹О потребности в труде см. Куделин Е.Г. Труд потребность и радость жизни. М.: Мысль, 1966; Михайлов Н.Н. Социализм и разумные потребности личности. М.: Политиздат, 1972; Маневич Е.Л. Вопросы труда в СССР. М.: Наука, 1980; Косолапов Р.И. Коммунизм и труд. М., 1968; Косолапов Р.И. О самом главном: Коммунистическая

процессу труда у значительной части общества. Это же самое техническое отчуждение способствует формированию условий, при которых возможно появление социальной и психологической стороны отчуждения.

Социальная сторона отчуждения связана с отчуждением труда в результате общественных отношений между людьми, когда одной группой лиц присваиваются продукты, произведенные другими людьми. В социальной стороне отчуждения правомерно выделить два вида: социально-классовое (или социально-экономическое) и социально-политическое отчуждение.

Социально-экономическое отчуждение касается, прежде всего, производственных отношений между людьми, покоящихся на господстве частной собственности на средства производства и присвоении результатов общественного труда частными собственниками. Здесь мы имеем дело с продуктом труда, который присваивает не тот человек, который его произвел, а тот, кто обладает частной собственностью на средства производства и, таким образом отчуждает в свою пользу продукт, произведенный не им. Вместе с отчуждением продукта отчуждается и сам процесс труда, который выступает как антипод человеку. Рабочий, приступая к выполнению своих трудовых функций, понимает, что результаты его усилий будут присвоены не им, что его труд позволит ему лишь не умереть с голоду. Вместе с трудом от человека отчуждается и вся система социальных отношений (у Маркса это называлось как «родовое отчуждение»), в которой он мало на что влияет. Здесь мы имеем дело и с отчуждением социальных и политических институтов, отчуждение культурных достижений как результата отчуждения труда. Подобный тип отчуждения, по Марксу, прямое следствие частной собственности и эксплуатации человека человеком.

идея в современном мире. Работы разных лет. №110. Изд. 3-е. М., 2015.

Социальная сторона отчуждения может вызывать технико-технологическое отчуждение. Так, к примеру, стремление к получению неограниченной прибыли подталкивает собственников средств производства к экономии на обеспечение достойных условиях труда работников, использование низкоквалифицированной дешевой рабочей силы, вместо развития автоматизации производственного процесса и т.д.

Социально-политическая сторона отчуждения напрямую вытекает из социально-экономической и связана с тем, что раз продукт труда присваивается не самим тружеником, а тем, на кого он работает, то и политические функции управления также отчуждены от человека и присваиваются представителями господствующего класса. С другой простой человек попросту не имеет физической возможности для осуществления политических функций, так как львиную долю его времени поглощает работа (отчужденный труд). Провозглашая формальные политические права и свободы, закрепляя их в конституциях и декларациях, общество, покоящееся на частнособственнических отношениях, не может создать материальных условий для подлинного вовлечения всех трудящихся в управление государством. Политическая практика показывает, что, несмотря на формальное равенство всех перед законом, мы имеем дело с практическим неравенством.

Отдельным проявлением политического отчуждения является институт представительства. В условиях демократического контроля институтов гражданского общества над народными избранниками, механизмов отзыва депутатов это отчуждение существенно уменьшается, но в условиях слабо развитого (либо полного отсутствия) гражданского общества и контроля с его стороны, государственная власть превращается в неподконтрольную обществу самостоятельную силу. Здесь уже институт представительства превращается в сильнейший элемент политического отчуждения, играя лишь декоративную, формальную роль в обслуживании политической элиты и придании ей легитимности.

Здесь мы вплотную подходим к психологической стороне феномена отчуждения.

Психологическая сторона отчуждения выражается в отношении человека к социуму как не к своему, а чуждому. Зачастую исследователи изучали именно этот аспект отчуждения как основной. С нашей точки зрения, правомерно считать психологическую сторону отчуждения хоть и значимой, но все таки, производной от технико-технологической и социально-экономической.

Психологическая сторона отчуждения, тем не менее, является наиболее разнообразной, так как отражает в себе и политическую, и социально-экономическую и культурно-идеологическую стороны. Так, психологическое отчуждение может проявляться как отчуждение человека от самого себя, как религиозное отчуждение, в результате которого личность ищет спасения в мире ином и, тем самым, уходит от проблем мира, существующего реально. Существуют другие многообразные проявления психологической стороны отчуждения, которые мы не будем подробно рассматривать в рамках данного исследования. Так или иначе, любое отчуждение обретает психологический аспект.

Резюмируем, что индивид, будучи отчужден от результатов своего труда и от самого процесса труда, осознавая это, перестает относиться к окружающему его социуму, как к своему. Рыночная стихия с культом конкурентной борьбы распространяет эту борьбу не только на представителей господствующих классов, но и на малоимущие слои общества, результатом чего мы можем наблюдать равнодушие и нежелание помочь друг другу, недоверие, подозрительность, зависть и пр.

Другая сторона связана с тем, что, не имея времени и сил, трудящиеся порой сами «добровольно» отказываются от участия в политической жизни, доверяя ее «профессионалам». Это тоже сторона психологического отчуждения от власти. Этот феномен Эрих Фромм достаточно подробно

описал в работе «Бегство от свободы»¹. Пример такого «бегства» мы видим и в современной России, где зачастую граждане надеются не на собственную борьбу за права, а на «сильную руку». Более пагубные примеры «бегства» нам дала фашистская Германия, в которой значительная часть граждан добровольно согласилась подчиняться фюреру.

Отношение к общественной собственности в СССР как к «ничейной» со стороны определенной части населения также является проявлением психологической стороны отчуждения как отражения социально-экономического, не до конца преодоленного отчуждения.

В целом, психологический аспект отчуждения достаточно подробно рассматривался в западной (в особенности неомарксистской²) и отечественной литературе³. В рамках нашего исследования ограничимся констатацией этой стороны отчужденного труда.

Признавая зависимость психологической стороны отчуждения от социально-экономических факторов, нельзя полностью отрицать определенной самостоятельности психологического восприятия отчужденности. Психологическое отчуждение далеко не всегда буквально копирует социальное и техническое отчуждение. Так, к примеру, известны случаи из истории, когда люди в тяжелых для себя условиях, с примитивными орудиями труда, психологически не были отчуждены от плодов своей деятельности, а испытывали гордость и сопричастность к

¹Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2012.

² См. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2012; Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011; Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2012; Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2009; Маркузе Г. Критическая теория общества. М.: АСТ, 2011; АдорноТ. Исследование авторитарной личности. М.: АСТ, 2011.

³Викторов Э. М. Феномен отчуждения // Философские исследования. 2001. № 2. С. 201-211; Гавриленко, И. Н. Отчуждение личности при капитализме средствами образования и воспитания. Киев-Одесса: «Вища школа», 1986; Титаренко А.И. Антиидеи. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1984; Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967; Воскобойников А.Э. Солидарное противостояние насилию и агрессивности // Политика и Общество. № 7. 2012. С. 72-79; Воскобойников А. Э. Бессознательное и сознательное в уединении и на миру // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 119- 125.

процессу. Примером тому может быть известный субботник, которому Ленин посвятил свою известную статью «Великий почин». Аналогичными примерами являются героические трудовые подвиги тыловых работников во времена Великой Отечественной Войны, которые, несмотря на рутинные трудовые функции, огромный износ физических сил, психологически не чувствовали себя отчужденными от продукта произведенного ими, так как понимали сопричастность к делу победы.

С другой же стороны, мы можем очень часто наблюдать людей, которые живут в комфортных условиях, работают в уютных офисах, но не ощущают сопричастности к общему делу, испытывают сильнейшее психологическое чувство подавленности и отчужденности от процесса и результата своего труда, несмотря на техническую оснащенность своего рабочего места и относительно высокие заработные платы. Духовное рабство, ощущение одиночества и отсутствия перспектив личностного роста – вот источник отчуждения человека, относительно не плохо обеспеченного материально, но бедного духовно. Причем отчуждение от труда относится не только к наемным работникам, отчуждающим свой труд другому человеку, но и к праздному потребителю, живущему лишь за счет труда других людей. Такой индивид никогда не поймет тех положительных эмоций, которые может приносить процесс труда, так как отчужден от труда как от процесса саморазвития человеческой личности, как процесса роста человека над самим собой, его всестороннего развития и преобразования.

Стоит отметить, что в современной литературе марксистский подход, согласно которому отчуждение неразрывно связано с господством частной собственности на средства производства, разделяет лишь часть исследователей¹, в то время как некоторые исследователи немарксистской традиции, напротив, связывают отчуждение с отсутствием таковой, считая,

¹Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007; Бузгалин А.В. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода //Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практики социального освобождения / Под общей ред. Славина Б.Ф. М.: УРСС,2013. С. 80-170; и др.

что «обобществление средств производства, их политизация, "огосударствление", обезличивание, отчуждение от отдельных, реальных людей так же преодолевает и ликвидирует фигуру человека-индивида в экономической сфере, как система и режим диктатуры пролетариата — в политической сфере, монопольное господство коммунистической партийной идеологии — в сфере духовной жизни и т. д.»¹. С точки зрения этой группы исследователей, «вся история человеческого рода подтвердила, что собственность, которая служит человеку, - это частная собственность. Только частная собственность... дает ее обладателю наиболее широкие права»². Частная собственность, как пишет Фридман Милтон, «является источником свободы»³. Социализм же, по мнению представителей данного направления, является «дорогой к рабству»⁴.

Думается, что оба взгляда имеют право на существование. Тем более, что обе позиции так или иначе подчеркивают разные стороны одного явления. Трудно не согласиться с тем положением, что частная собственность «дает ее обладателю наибольшие права», вопрос только в том, что обладателями частной собственностью, как правило, является меньшая часть населения (и далеко не всегда получает эту собственность за счет собственного труда), в то время, как большинство от этой самой собственности отчуждено. Стоит отметить, что социальные преобразования, о которых пойдет речь, далеко не однородны, как иногда принято понимать. Сам Маркс всегда выступал против превращения своей концепции в линейную теорию безальтернативного всеобщего будущего⁵. И сегодня, мы видим, что частная собственность может приводить как прогрессивным социальным преобразованиям, которые связаны с развитием инновационных

¹Нерсесян В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Норма, 1997. С. 141.

² Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 500.

³Милтон Ф. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 30

⁴Хайек Ф.А. Дорога к рабству: Пер. с англ. / Предисл. Н.Я. Петракова. М.: «Экономика», 1992.

⁵ Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок»// Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т.6. С. 42.

технологий, общественной самодеятельности, гражданской инициативы, что, в конечном счете, ведет к всестороннему развитию и социальному освобождению личности, так и являться источником регресса в своих наиболее крайних формах. Последнее связано с появлением таких форм господства капитала как фашизм (что Г. Димитров определял как ничем неприкрытую террористическую диктатуру наиболее реакционных и шовинистических кругов финансового капитала), межимпериалистическими войнами локального и, что не следует полностью исключать, глобального характера.

Преодоление отчуждения и означает переход из «царства необходимости» в «царство свободы», но это невозможно без перехода от одной общественно-экономической формации к другой – более прогрессивной. Именно как переход от одной (более реакционной) к другой (более прогрессивной) общественно-экономической формации, сопровождающийся переходом власти от одного класса к другому (более прогрессивному) и понимается в марксизме социальная революция¹, которая должна завершиться полной победы нового общественного устройства. Таким общественным устройством, представляющим альтернативу, по мнению многих выдающихся философов, должен был стать социализм (а в перспективе и коммунизм). Остановимся на вопросе понимания социализма подробнее.

§3. Теоретико-методологические подходы к пониманию социализма

Социализм можно рассматривать с очень разных, не исключających одна другую точек зрения. И в каждом случае под социализмом понимаются различные явления. Именно поэтому крайне важно определить, в каких

¹В рамках нашего исследования, мы не можем подробно останавливаться на рассмотрении категории «революция». Подробнее об этом см. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 2. М.: УРСС, 2005.

контекстах можно рассматривать социализм, чтобы правильно понимать смысл того или иного употребления слова «социализм». Это позволит нам точнее анализировать цитаты теоретиков социализма и оценивать тот тип общества, который сложился в Советском Союзе.

Традиционно под социализмом понимают социально-политические учения, социально-политические организации, тип общества (низшую фазу коммунизма).

Таким образом, мы можем рассматривать социализм с нескольких позиций: как социально-политическое учение; как общественно-политическое движение; как определенный тип общества; как систему экономических и политических мер, направленных на создание условий продвижения к коммунистической формации.

Стоит отметить, что марксистское понимание социализма, на которое мы в дальнейшем будем опираться в работе как наиболее теоретически разработанное, не является исчерпывающим, а представляет собой вершину и итог развития всей предшествующей общественной мысли, которая так или иначе, всегда стремилась выработать социальный идеал совершенного общественного устройства.

Не раскрывая всех значений категории «социализм» в рамках нашей работы, рассмотрим подробнее два, с нашей точки зрения, наиболее значимых для нашего исследования значения, а именно: социализм как тип общества и социализм как систему экономических и политических мер, направленных на создание условий продвижения к коммунистической формации.

Социализм как тип общества. Именно с этих позиций мы будем рассматривать данное понятие в дальнейшем. Марксистское понимание социализма исходит из того, что социализм - это низшая фаза коммунистической общественной формации, основанной на господстве общественной собственности на средства производства, уничтожении классовых противоречий и планомерно организованной хозяйственной

деятельности. Несмотря на это, в разное время предпринимались попытки, так или иначе, отделить социализм от коммунизма в отдельный способ производства, либо даже обособленную общественно-экономическую формацию.

Начало этим попыткам было положено еще в советские времена. Так, в 1971 г. советский экономист Я.А. Кронрод выступил со статьей, в которой предложил «рассматривать социализм как исторически самостоятельный способ производства, первую ступень развития общественной системы производства, свойственной эре коммунизма, но ступень, еще предшествующую собственно первому коммунистическому способу производства (в качестве полного коммунизма)».¹ В более поздний период А.С. Ципко (позже ставший жестким критиком марксизма) также пытался рассматривать социализм и коммунизм «как различные типы общественной организации труда».² В советское время подобные точки зрения не получили поддержки в научной литературе. Критическую позицию по поводу концепции выделения социализма как отдельного способа производства заняли такие ученые, как Н.А. Цаголов, А.К. Покрытан и другие.

Надо отметить, что и среди современных исследователей социализма существуют похожие позиции, которые идут еще дальше – рассматривают социализм уже не просто как отдельный способ производства, но как особую классово-антагонистическую формацию (Ацюковский В.А., Ембулаев В.Н., Клоцвог Ф.Н.).

С нашей точки зрения, считать социализм самостоятельной формацией, не вполне правомерно. Здесь, как нам представляется, происходит некоторая недооценка коммунизма как не просто очередного способа производства, а как именно новой формации. То есть переход от капитализма к социализму сравним не с переходом от феодализма к капитализму, а с переходом от первобытнообщинного общества к рабовладению, которое являлось первым

¹Кронрод Я.А. К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Известия АН СССР, Сер. Экономическая. 1971. №3. С.97.

² Ципко А.С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983. С.61.

способом производства вторичной «экономической» формации. Социализм же как низшая фаза коммунизма, хоть еще и не полный коммунизм, но уже закладывает базовые основы для предполагаемого будущего общественного устройства (общественная собственность, плановое развитие хозяйства, всестороннее развитие личности посредством обеспечения всеобщего доступа к знаниям и достижениям культуры, преодоление разделения на классы и другие).

Вместе с тем, положение о личной собственности, которая при определенных условиях может превратиться в могильщика социализма, с теоретической точки зрения представляет интерес, ведь и вправду накопление предметов потребления на определенном уровне создает предпосылки к стремлению обладать средствами производства. Здесь, как нам представляется, важно учитывать общие условия, в которых функционирует личная собственность и степень ее распространенности (одно дело, когда личная собственность охватывает исключительно предметы личного потребления, и совсем другое дело, когда в личной собственности находятся некоторые средства производства, позволяющие получать дополнительный доход). А эти условия у социализма все-таки принципиально отличаются именно от капитализма, а не от коммунизма, с которым у социализма имеются только количественные различия (можно сказать, что социализм - это недоразвитый коммунизм).

Социализм как низшая фаза коммунизма будет нами рассмотрен ниже, но к основным его чертам можно отнести: господство общественной собственности на средства производства (на этапе низшей фазы в форме государственной и кооперативной), преодоление классовых различий, поголовное вовлечение трудящихся в управление государством, плановая организация экономики. Для полного достижения низшей фазы коммунизма мало простого огосударствления экономики. Необходим определенный уровень развития производительных сил для того, чтобы сделать общественную собственность общественной на деле (то есть как по

владению, так и по распоряжению и использованию), а не только формально (когда владение и частично использование сохранено за обществом, а распоряжение и управление делегируется государственному аппарату).

Каким должен быть уровень развития производительных сил социализма как низшей фазы коммунизма – пока неизвестно, но точно известно, что ручной труд, рутинные профессии не могут создать тех условий, которые требуются для полного становления низшей фазы коммунистической формации.

Социализм как система управления народным хозяйством.

Социализм как система управления народным хозяйством обычно не выделяется специально в отрыве от низшей фазы коммунизма. Как правило, рассмотрение социализма ограничивается тремя категориями, которые мы разобрали выше (социализм как система взглядов, как политическое движение и как тип общества). Однако, с нашей точки зрения, социализм как низшая фаза коммунизма и система хозяйства не совсем тождественные понятия, хотя и тесно связанные между собой явления.

Социализм как систему управления народным хозяйством, на наш взгляд, можно определить как *совокупность мер по управлению и организации экономической системы, направленных на построение низшей и высшей фаз коммунизма*. В этом очень важно положение о том, что социализм как система управления народным хозяйством не просто совокупность мер, касающихся отдельных отраслей или аспектов экономики, а *система* управления и организации экономической жизни в целом, ведь меры, направленные на достижение социализма как низшей фазы коммунизма могут предприниматься и в рамках капиталистической формации. Социализм как система хозяйства достигается благодаря победе социалистического уклада над остальными укладами, но победа социалистической системы хозяйства не всегда означает победу низшей фазы коммунизма. В чем здесь отличие? *Отличие в том, что для социализма как низшей фазы коммунизма необходим определенный уровень развития*

производительных сил, позволяющий раскрыть потенциал первого этапа коммунистической формации. Каков этот уровень – вопрос достаточно серьезный и до сих пор теоретически дискутируемый. Но без его достижения, а вместе с этим и реализации в полной мере всех потенциальных преимуществ социализма, ни о каком социализме в смысле низшей фазы коммунизма вести речь нельзя. *Социализм как система управления народным хозяйством может существовать и в условиях еще не созревших для реализации общественной собственности на деле производительных сил.* Подобная ситуация определяется как формальное обобществление. То есть общественная собственность устанавливается как собственность социалистического государства, но производительные силы пока еще находятся на уровне, характерном для капиталистической формации, поэтому в этих условиях социализм как низшая фаза коммунизма существовать не может, а социалистическая система организации экономики может.

Социализм как низшая фаза коммунизма достаточно подробно разобран в работах Маркса, Энгельса, Ленина, отчасти отражен в полемике Ленина с Плехановым, Каутским, Сухановым (и другими представителями социал-демократии тех лет), Сталина с Троцким и Бухариным. Несмотря на то, что некоторые представители западной советологии считают марксистский социализм утопическим¹, с нашей точки зрения, более системного и обобщенного рассмотрения социализма (подчеркнем именно социализма, а не его советского воплощения) и его предпосылок мы не встретим. Поэтому ниже охарактеризуем взгляды Маркса, Энгельса и Ленина по данному вопросу.

Переход от капитализма к низшей фазе коммунизма мыслился основоположниками научного социализма не как переход от одного способа производства к другому в рамках экономической (частно-собственнической)

¹См. Nove. A. The Economics of Feasible Socialism Revisited, Harper Collins Academic, 1991, P. 258.

формации, а как принципиальное изменение во всех сферах жизни человеческого общества. Не одна форма частной собственности должна была сменить другую, а частная собственность преодолевалась вообще, не один вид социального неравенства должен был сменить другой, а социальное неравенство как таковое должно было уйти в прошлое. В этой связи, как мы указывали ранее, думается, что переход от капитализма к социализму по масштабам изменений правомернее сравнивать не с переходом от феодализма к капитализму или от рабовладения к феодализму, а с переходом от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, то есть с процессом становления классового общества и классовых формаций, основанных на частной собственности. Масштабность задачи социалистической революции порождает не меньшую (а может быть, и большую) сложность удержания ее завоеваний, а главное, сам процесс становления новой формации выглядит не однолинейным и автоматическим (как его часто представляли советские учебники по «научному коммунизму»), а сложным, многоэтапным и противоречивым, во многом неоднозначным периодом истории – переходом из одного качества социальной организации в другое.

Говоря о социализме как низшей фазе коммунизма, обратимся к наиболее известной и распространенной работе Маркса, посвященной этому вопросу – «Критике Готской программы». В ней Маркс дает общую характеристику низшей и высшей фаз коммунистической формации. Характеризуя низшую фазу коммунистической формации, Маркс исходит из того, что это еще не «полное» коммунистическое общество, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, только что *выходящее* из капиталистического общества. Именно поэтому низшая фаза коммунизма во всех отношениях сохраняет еще «родимые пятна» старого общества, из недр которого оно вышло. Каждый отдельный производитель получает обратно

от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай¹.

Таким образом, по Марксу, первая фаза коммунизма отнюдь не означает «полной демократии» и снятия всех возможных противоречий. Напротив, именно в силу того, что коммунизм на своей первой, низшей, фазе только что вышел из недр капитализма, что он еще не может обеспечить полного социального равенства и осуществлять распределение «по потребностям», именно поэтому сохраняется еще необходимость в сохранении формального равенства, формально-правовых отношений и равного по форме, «буржуазного» по принципу регулирования и пролетарского по классовой сущности права и государства. На этапе низшей фазы коммунизма еще существует экономическая потребность применять равный масштаб к неравным индивидам, контролировать и учитывать производственно-потребительский процесс, организовывать хозяйство социализма.

Экономические отношения первой фазы коммунизма таковы, что перейти к полному социальному равенству (то есть уничтожению классов, распределению «по потребностям») мы объективно не можем. Это создает почву для неравного дохода (так, например, равная оплата за равный труд человеку, имеющему семью и не имеющему, объективно не будет равной), неравного положения людей в обществе, а, следовательно, потенциальному классовому расслоению, ведь распределение «по труду», несмотря на кажущуюся привлекательность, тем не менее, не может учесть всех моментов в положении человека.

Эксплуатация человека человеком на этой ступени развития уже отсутствует, однако потенциал к возникновению такой эксплуатации пока еще существует, ибо существует неравенство, а, следовательно, существует угроза возникновения классовых антагонизмов, оживления

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 18.

капиталистической тенденции внутри первой фазы коммунизма, который только что вышел из капитализма со всеми его «родимыми пятнами».

От коммунизма социализм отличает то, что еще не преодолено полностью разделение труда и не реализован принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (на стадии социализма реализуется принцип «от каждого по способностям, каждому по труду»). Отсюда при социализме еще сохраняется государство, а при коммунизме нет, при социализме еще сохраняются социальные слои (но уже не классы), при коммунизме общество полностью социально однородно. Маркс и Энгельс не считали принципиально противоположными низшую и высшую фазу коммунистической формации и рассматривали становление коммунизма как единый процесс.

Говоря о характеристике низшей фазы коммунизма, основываясь на вышеуказанных выписках из сочинений Маркса-Ленина (которые можно считать теоретической основой строительства социализма в СССР), стоит выделить следующие:

В экономической сфере это бестоварность и плановая организация экономического развития государства, господство общественной собственности на средства производства.

В социальном отношении, если рассматривать низшую фазу коммунизма, то она мыслилась как уже **бесклассовое** общество. С этой точки зрения не может быть социализма в полном объеме, пока существует разница между классами. Здесь мы как раз исходим из того, что социалистическая система хозяйствования и социализм как низшая фаза коммунистической формации не совсем одно и то же.

В политическом плане, социалистическое должно было стать, с одной стороны, **диктатурой** нового победившего класса - **пролетариата** (после победы социалистического уклада, рабочего класса), так как не могло быть ничем иным по своей природе (по крайней мере такое положение вытекает из марксистской доктрины), а с другой стороны, шла речь о поголовном

вовлечении трудящихся в управление государством. Здесь же стоит отметить и неоднозначность в трактовках диктатуры пролетариата и ее временных границ. Мы знаем фразу Маркса о том, что диктатура пролетариата продолжается на период от капитализма до коммунизма, но если коммунизм рассматривать в единстве низшей и высшей стадии, то если при социализме диктатуры пролетариата не будет, какое тогда государство должно быть? Так или иначе, марксисты никогда не отрицали классового характера социалистического государства.

В культурной сфере социализм должен был стать этапом по преодолению отчуждения человека от природы, от труда и от самого себя. Именно человек труда должен стать главной целью социалистической системы. Говоря о производительных силах, их значение часто сводится к орудиям труда, в то время как, по словам того же Маркса, именно человек является главной производительной силой. Ведь именно человек приводит в действие всю совокупность средств труда, воздействуя с их помощью на предметы труда, именно человек разрабатывает новые технические устройства, совершает научные открытия, строит здания и создает произведения искусства. Без человека не может осуществляться воспроизводство общественной жизни во всех вышеуказанных сферах (экономической, социальной, политической и культурной). Но стоит добавить, что человек не только производительная, но и потребительная сила, из чего вытекает необходимость его обеспечения не только работой, но и материальным изобилием, а также созданием условий для всестороннего развития его личности. В этом смысле коммунизм (в том числе и его низшая фаза) несет в себе глубокий гуманистический заряд. По Марксу, преодоление частной собственности как собственности, основанной на присвоении определенной частью населения труда большинства, связано именно с процессом становления положительного гуманизма¹. С точки зрения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 169.

марксизма, основная проблема капитализма заключается не в том, что он не может организовать производственный процесс (с этим как раз капитализм справляется, хотя не без изъянов, связанных с анархией производства, которая, впрочем, тоже частично преодолевается на этапе монополистического капитализма), а в том, что капитализм отчуждает человека от производства. Этот процесс порождает раздвоение человеческой личности на личность работника и личность вне работы, которая в свою очередь, тоже под влиянием условий жизни в буржуазном обществе, отчуждается от громадного массива культурного наследия человечества. Человек как всесторонне развивающаяся личность перестает быть человеком, сводя все потенциальное многообразие своего бытия к работе ради денег и праздному отдыху без саморазвития. Неспроста в одном из своих ранних произведений В.И. Ленин считал основной задачей революционеров «пробуждение человека в коняге», задачей такого исторического масштаба, что для ее реализации «законны все жертвы»¹. И это пробуждение актуально не только на рубеже XIX-XX веков, когда материальные условия жизни рабочего человека были близки к скотским, но и в современную эпоху, когда на смену рабству материальному пришло рабство духовное, не менее, если не более опасное и затягивающее. Вот именно в преодолении социальных форм отчуждения и, следовательно, всех форм зримого и незримого рабства, в действительном освобождении человека от оков частной собственности и есть главнейшая культурная задача коммунизма и его низшей ступени - социализма. И именно в контексте этой задачи стоит рассматривать частные экономические и политические мероприятия Советского государства и именно с точки зрения реализации гуманистических целей социализма следует оценивать практику строительства социализма в СССР. Степень

¹Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. С. 403.

освобождения человека от всех форм отчуждения – вот основной критерий зрелости нового общества.

Еще одним признаком **коммунистической** общественной формации (в том числе и ее низшей фазы), Маркс видел ее всемирно-исторический характер. Коммунизм не мыслим в рамках отдельно взятого государства, и даже социализм как начальный этап коммунизма тоже может удержаться лишь в случае победы революции, по крайней мере, в наиболее развитых странах капитализма. Так считали Маркс и Энгельс. Мировую революцию, которой Европа заразится у революционной России, ожидали и российские большевики. Но как быть, если история складывается не совсем так, как предполагали тексты работ Маркса-Энгельса?

Вопрос о строительстве социализма в отдельно взятой стране является одним из ключевых в политических дискуссиях 1920-х годов.

Рассматривая эту проблему, важно ответить на следующие вопросы:

1. Может ли победить социалистическая революция в отдельно взятой, притом отсталой, стране?
2. Можно ли строить социализм в отдельно взятой отсталой стране, если это не будет поддержано мировой революцией?
3. Можно ли построить социализм в отдельно взятой стране?

Отвечая на **первый** вопрос, стоит отметить, что еще классики марксизма отмечали, что базой для социализма является крупная капиталистическая промышленность, развитая до предела. Без этого нет экономических предпосылок для социализма, нет высокоорганизованного рабочего класса, а, следовательно, нет и условий для возможности победы социализма в отдельно взятой стране. Маркс и Энгельс отрицали возможность победы социализма в отдельно взятой и, тем более, отсталой стране.¹ Таким образом, согласно первоначальным представлениям Маркса и Энгельса, для успешного завершения социалистической революции и

¹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. Т. 4. С. 334.

возможности строительства социализма необходимо иметь развитое капиталистическое хозяйство и организованный и сравнительно многочисленный рабочий класс. Революция будет обречена на поражение, если не произойдет хотя бы в нескольких передовых капиталистических странах. Из этой посылки сразу вытекает: невозможность социалистической революции в отдельно взятой стране и невозможность социалистической революции в капиталистически отсталой стране.

Вместе с этим тот же Маркс, отвечая на вопрос Веры Засулич о возможностях, которые дает русская община для продвижения к социализму, допускал, что при определенных условиях социализм победить в отсталой России может. Община, с его точки зрения, «является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹.

Как видим, это положение допускает победу социализма в отсталой России, мало того, даже минуя капиталистическую ступень, что, казалось бы, противоречит всем предыдущим «догмам». Тем не менее, даже допуская победу социализма в России посредством развития общины, Маркс и Энгельс связывали ее с победой революции на Западе, подчеркивая, что «если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе»².

Надо сказать, что народники, поняв по-своему высказывание Маркса, не считаясь с изменившимися условиями, долгое время пропагандировали идею прыжка из феодализма в социализм, делая ставку на общину и

¹Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 19. С. 251.

²Энгельс Ф. Эмигрантская литература. О социальном вопросе в России // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 18. С. 546.

крестьянство. Марксисты того времени вступили с ними в полемику, доказывая неизбежность разложения общины и капиталистического пути развития России. Особенно здесь надо отметить работы В.Г. Плеханова и В.И. Ленина, в которых помимо критики народнических идей о переходе к социализму, минуя капиталистический этап развития, была дана хорошая научная характеристика капитализма того времени. В дальнейшем изменение ситуации привело к смещению дискуссии от вопроса о возможности миновать капиталистическую ступень развития, к вопросу о том, можно ли в отсталой России совершать социалистическую революцию?

С точки зрения меньшевиков, социалистическая революция в отсталой России с преобладанием крестьянского населения и полуфеодальными отношениями невозможна. Для социалистической революции необходим относительно длительный период развития капитализма, который создаст необходимые экономические предпосылки для перехода к социализму (крупную промышленность, ликвидацию феодальных отношений, массовый рабочий класс). Для перехода к социализму нужны и политические предпосылки, а именно высокий уровень развития буржуазной демократии, парламентаризма, массовых организаций рабочего класса, которые бы осуществляли подготовку к управлению. С этой точки зрения, Октябрьская революция была с самого начала обречена на провал и не следовало ее начинать. Политику же большевиков лидеры Второго Интернационала оценивали крайне негативно¹. Российские меньшевики не отставали в оценке Великого Октября от своих западных учителей и тоже считали, что Россия к социалистической революции не готова.²

Русские марксисты большевистского толка отталкивались от диалектического изменения условий, а именно вступления капитализма в новую фазу – фазу империализма. Коротко остановимся на описании этой фазы.

¹Каутский К. Большевизм в Тупике. М.: Антидор, 2002. С. 220.

² Плеханов В.Г. Год на родине. В сборнике: От первого лица. М., 1992. С. 51; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 238.

Империализм возник на рубеже XIX – начала XX веков как результат предшествующего развития капитализма и конкурентной борьбы между частными собственниками. Ленин выделял основные признаки империализма: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹. Исходя из этого, В. И. Ленин дает определение империализму: **«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»**².

В условиях империализма вступает в силу закон неравномерного развития стран. Суть этого закона состоит в том, что «капитализм старый... уже перерос в империализм; что мировое хозяйство развивается в условиях бешеной борьбы главнейших империалистических групп...; что раздел мира на сферы влияния империалистических групп уже закончен; что **развитие капиталистических стран протекает не равномерно,... а скачкообразно**»³. Из этого следует тот вывод, что конфликты империалистического общества ведут к его ослаблению и образованию слабых звеньев в единой империалистической цепи, вследствие чего

¹ Там же. С. 386-387.

² Там же.

³ Сталин И. В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии // Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 253.

слаборазвитые страны могут в кратчайшие сроки догнать и перегнать передовые. Из этого следует два вывода:

Во-первых, «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, **отдельно взятой**, капиталистической стране»¹.

Во-вторых, для осуществления социалистической революции не нужно ждать, когда страна революции «дозреет» до социализма, а нужно «найти слабое звено в цепи империализма и вытянуть всю цепь». Иными словами, нужно найти ту страну, в которой противоречия капитализма достигли наивысшей остроты и, используя эти противоречия, произвести там социалистическую революцию. В этом положении есть своя логика. Действительно, как отмечают некоторые исследователи, «новая общественная формация никогда не возникала в странах наибольшего развития предыдущей формации. Феодализм впервые возник не в классических рабовладельческих странах – Греции и Риме, а на окраинах Римской империи – на территории современной Франции. Капитализм возник не в наиболее развитых феодальных странах – Франции, Испании, а в испанской колонии – в Нидерландах – и в островной Англии».² Другие современные теоретики идут еще дальше. Так, к примеру, с точки зрения Г.А. Багатурии, правомерно говорить о «законе периферийного развития», который он сформулировал следующим образом: «новая система возникает на периферии существующей, старой системы»³. Все это говорит о том, что вопрос становления новой формации стоит рассматривать с учетом всех условий, а не только одного (в данном случае, уровня экономического развития), как это делали оппоненты большевиков.

¹ Ленин В. И. О лозунге соединенных штатов Европы // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 26. С. 354.

² Клоцвог Ф. Н. Социализма. Теория, опыт перспективы. М.: УРСС, 2008. С. 32-33.

³ Багатурия Г.А. Вклад Энгельса в марксистскую теорию // Марксизм и будущее цивилизации. В 2-х томах. Том 1. / Ответственный редактор Джохадзе Д.В.М.: Изд. «ВИУ», 2006. С. 36.

Таким образом, мы видим, что Ленин и большевики, в отличие от своих оппонентов, признавали необходимость и возможность социалистической революции в отсталой отдельно взятой стране.

Взятие власти в октябре 1917 года при отсутствии мировой революции в обозримом будущем поставило вопрос: что делать? Мировой революции нет, а строить социализм необходимо, в противном случае стоило ли брать власть? Тут мы и подходим ко второму вопросу, а именно вопросу о **возможности строительства социалистического общества в отдельно взятой стране.**

На этот счет в руководстве СССР выявилось две линии: одни считали, что без сиюминутной мировой революции социалистическое государство не удержится и все закончится реставрацией капитализма. Но была и точка зрения, что у Советского Союза хватит ресурса, чтобы построить в рамках отдельно взятой страны социалистическое общество с тем, чтобы создать плацдарм для распространения мировой революции. Стоит сразу отметить, что полемика состояла не между «государственниками-патриотами», отрицающими идею мировой революции, и «пламенными космополитами-революционерами», как это иногда пытаются подать некоторые современные уважаемые исследователи¹. *Спор шел именно между двумя концепциями реализации мировой революции, если исходить не из предположений, а из реальных текстов участников той дискуссии.*

Основным идеологом мировой революции «здесь и сейчас» был Л.Д.Троцкий. Основу троцкизма составляла так называемая «теория перманентной революции». Основные положения этой теории следующие:

1. Непрерывный характер революции, понимаемый не только как непрерывный процесс во времени (то есть когда за демократической революцией сразу следует социалистическая), но и в пространстве (революция одновременно в ряде стран)

¹ Фурсов А.И. «Десталинизация: тайные коды» // Завтра. №19-22 . 2011.

2. Недооценка революционной роли крестьянства. Троцкий не хотел видеть в крестьянстве надежного союзника, при этом он видел мелкобуржуазные стороны этого класса.

3. Невозможность победы социализма в отдельно взятой стране.

Говоря о позиции Троцкого, следует сказать, что он и его сторонники смогли сделать несколько предостережений относительно трудностей строительства социализма в отдельно взятой стране и его судьбы, указывали на опасность бюрократического перерождения революционной власти. Во многом эти прогнозы сбылись. Однако нельзя не видеть, что ставка на мировую революцию в тех условиях показывала абстрактность и оторванность позиции троцкистов от реалий тех лет. Ведь тезис о том, что окончательная победа социализма возможна лишь во всемирном масштабе не подвергался сомнению, дискутировался лишь вопрос о конкретной специфике дальнейшего развития мировой революции и концепция Троцкого при отдельных правильных оценках оказалась совершенно не пригодной для практического строительства социализма, результатом чего стала идеологическая и политическая победа сталинской группы.

Некоторые современные публицисты, ученые и даже политические деятели, позиционирующие себя коммунистами, выставляют Сталина противником мировой революции как таковой. С другой стороны, ряд исследователей и публицистов дали достаточно основательную критику подобных взглядов, а заодно и попытались раскрыть вклад Сталина в развитие концепции мировой революции. В действительности, Сталин, подходя к вопросу о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, отнюдь не стремился изобрести свою «особую теорию», как то иногда пытаются изобразить, но практически реализуя эту идею, неизбежно развивал отдельные теоретические положения марксизма-ленинизма применительно к сложившимся конкретно-историческим условиям. Так, некоторые современные исследователи дискуссий о социализме того времени отмечают, что «в сталинском варианте построения социализма в СССР, были

органично соединены ленинские идеи о развитии социалистической революции в России с идеями К. Маркса об использовании социалистического потенциала российского крестьянства»¹.

С самого начала особо отметим, что с точки зрения Сталина **победа социализма в одной стране является не самоцелью, а средством для развития и поддержки революции в других странах. Это принципиальнейшее положение говорит о том, что «сталинскую теорию социализма в отдельно взятой стране» на деле правомерно определять как концепцию развития мировой революции посредством усиления отдельно взятого социалистического государства в качестве плацдарма для развития революционных процессов в мире.**

Таким образом, по мнению Сталина, иметь возможность строить социалистическое общество в отдельно взятой стране - это значит иметь возможность экспроприировать капиталистов и их пособников, организовать, руководимый пролетариатом союз эксплуатируемых классов и иметь возможность создать хозяйственную базу социализма (индустриальная промышленность и коллективное сельское хозяйство). Все это были пусть и непростые, но вполне достижимые задачи. Поэтому Сталин, отвечая на вопрос, возможно ли строительство социалистического общества в нашей стране без предварительной победы социализма на Западе, говорил: **«не только возможно, но и необходимо, но и неизбежно»**². Действительно, победивший пролетариат не может не начать строить социализм в своей стране в силу одной лишь воли к существованию. Само собой понятно, что если победивший пролетариат не будет строить социалистическое общество, то неизбежно произойдет буржуазное перерождение власти либо открытая реставрация, что приведет к новому закабалению трудящихся. Победивший пролетариат в силу своего экономического и политического положения вынужден и обязан строить социализм.

¹ Сахаров В.А. На распутье. М.: Издательский Центр «Аква-Терм», 2012. С. 310.

² Сталин И.В. Вопросы и ответы // Сочинения. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 201.

Другой вопрос, **возможно ли построить социализм в отдельно взятой стране, если мировая революция так и не произойдет?** На этот вопрос сложно ответить, не разобрав, что такое победа социализма в отдельно взятой стране.

В докладе «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» Сталин разделил вопрос о победе социализма на вопрос о «**победе социализма**» и «**окончательной победе социализма**». Под победой социализма в отдельно взятой стране Сталин понимал победу над капиталистическими элементами и организацию народного хозяйства страны на социалистических началах. Но правомерно ли назвать такую победу окончательной? Сталин считал, что победить капиталистов Советская власть может, строить и построить социализм она в состоянии, но это еще не значит, что будет достигнута гарантия от опасностей интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков¹.

В итоге Сталин резюмирует свою мысль положением, согласно которому окончательная победа социализма означает полную гарантию от интервенции, а интервенция в свою очередь является главным источником реставрации капитализма. Следовательно, достигнуть полной гарантии от реставрации капитализма (а значит, полной и окончательной победы социализма) возможно, лишь, когда мы гарантировали страну от интервенции капиталистических стран. Полная гарантия от интервенции может быть лишь в результате победы социализма во всемирном масштабе или хотя бы в нескольких странах. Пока такой победы нет, но уже осуществлена победа социалистического уклада над капиталистическими в рамках отдельно взятой страны, мы имеем победу социализма в отдельно взятой стране, но пока еще не окончательную.

Из вышеприведенного сталинского положения о победе и окончательной победе социализма следует признание его

¹ Сталин И.В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии // Сочинения. Т.8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 262.

интернациональным явлением. Это значит, что рассматривать победу социализма можно в рамках отдельно взятого государства и в рамках всего человечества в целом. Построение социализма в рамках отдельно взятого государства означает преодоление внутренних противоречий. Построение же социализма в общемировом масштабе означает победу над внешними противоречиями, а, следовательно, и общую историческую формационную победу нового строя. В этом смысле разграничение «победы социализма» и «окончательной победы» вполне оправдано.

Но, при своих сильных сторонах, сталинская трактовка ленинского тезиса о социализме в отдельно взятой стране, не смогла освободиться от слабых сторон. Прежде всего, стоит отметить упрощенное понимание самого социализма, которое, в конечном счете, сводилось к ликвидации эксплуататорских классов и победе социалистического (читай - государственной собственности) уклада в экономике. От этого мы видим и явную недооценку внутренних резервов реставрации капитализма, на которые справедливо указывали Ленин и Троцкий (речь идет, прежде всего, о мелкобуржуазной стихии и опасности бюрократического перерождения власти). По Сталину, реставрация возможна, в первую очередь, как результат военной интервенции капиталистических стран, следовательно, если социализм побеждает в нескольких странах и угроза интервенции отпадает, то и угроза реставрации снимается, а раз угроза реставрации снимается, мы можем констатировать полную и окончательную победу социализма. Позже, Сталин приводил еще одно условие, гарантирующее от реставрации капитализма, – «правильность партийной линии», качество кадров. Но и одно и другое условие относились к политическим (то есть надстроечным) и субъективным факторам. Однако мы знаем, что в СССР подготовка управленческих кадров была на вполне высоком уровне, а марксистское образование носило массовый характер, да и социализм победил не в отдельно взятой стране, а в группе стран. Тем не менее, все это не смогло

гарантировать социализм от перерождения «верхушки» и реставрации капитализма.

Подводя **итог** разбору взглядов Ленина, Троцкого и Сталина относительно судеб социализма в отдельно взятой стране, можно сделать некоторые выводы.

Несмотря на разность точек зрения в вопросах возможности победы социализма в отдельно взятой, отсталой стране и политическую конкуренцию между собой, все стороны спора смогли увидеть разные аспекты этой проблемы и расставить на них свои акценты. Большевики предвидели сложности становления социализма как низшей фазы коммунизма вследствие технической отсталости и отсутствия условий для этого продвижения. Эти замечания по своему правильны, иное дело, что у большевиков не было выбора, а меньшевики остались верны букве марксизма, а не его духу и не смогли учесть в полной мере противоречия реальной жизни и выработать практическую тактику, адекватную тем историческим условиям. Получалось, что нужно или отказываться от взятия власти, либо брать власть, но строить нечто не похожее ни на социализм, ни на капитализм. Таким образом, меньшевики и теоретики II Интернационала правильно поставили проблему экономической отсталости, но не смогли предложить адекватных политических действий.

Большевики, прекрасно осознавая техническую отсталость, вместе с этим все-таки решили самостоятельно, не дожидаясь, когда это сделают другие, устранить ее, в чем существенно преуспели, несмотря на множество трудностей. Они проводили гибкую политику, не останавливаясь на какой-то конкретной «модели» (за короткое время в 10-15 лет были осуществлены «военный коммунизм», нэп, индустриализация и коллективизация), но главная цель не упускалась из виду. Иное дело, что они не смогли учесть того, что процесс мировой революции пойдет путем не единовременного революционного пожара, а постепенного отпадения от капиталистической системы новых стран. Они также не учли, что победа социализма в ряде

стран – это еще не полная и окончательная победа, те опасности и угрозы реставрации, которые они справедливо констатировали, оказались сильнее, чем можно было себе представить с самого начала (недостаточная развитость производительных сил, мелкобуржуазная стихия и бюрократизм).

Ленин, опираясь на теорию империализма, пришел к выводу о возможности строительства социализма в отдельно взятой стране, Троцкий указал на сложности, которые неминуемо будут связаны с таким строительством. Он совершенно справедливо указывал на неизбежность противоречий между рабочим классом и крестьянством. Безусловно, эти противоречия имели место, так же Троцкий верно обозначил опасность бюрократического перерождения Советской власти в условиях торможения социалистической революции в других государствах. Тем не менее, он не смог в должной мере оценить потенциал советского народа (в особенности его крестьянской составляющей), потому на практике сделал существенно меньше для мирового революционного пожара, чем его оппонент Сталин – сторонник развития мировой революции через усиление социализма в отдельно взятой стране.

Сталин обратил внимание на внешнюю угрозу интервенции, справедливо указал, что социализм в условиях «осажденной крепости» не может победить полностью и окончательно. Правильно он указывал и на важность поддержания высокого хозяйственного и теоретико-политического уровня руководящих кадров. Иной вопрос, что саму «окончателность» победы Сталин связывал, в первую очередь, с ликвидацией угрозы внешней интервенции, в то время как практика показала, что «родимые пятна» капитализма могут возрождаться и в условиях, когда, казалось бы, социализм победил «окончательно» и «бесповоротно».

Все эти воззрения, при их разности, показывают, что социализм в условиях отдельно взятой страны неизбежно будет вынужден «отвлекаться» на противостояние с капиталистическим миром, а потому будет носить ограниченный и усеченный характер. Такой социализм, конечно, возможен,

но он не сможет раскрыть полностью своих прогрессивных черт, будет неизбежно оставаться незавершенным.

Что же до ответа на вопрос: можно ли строить социализм в отдельно взятой стране» и «возможно ли его построить», то с нашей точки зрения, социализм в отдельно взятой стране строить можно и нужно, опираясь на собственные силы (если социализм не победил в ряде стран). Что же касается его окончательной победы, то о ней можно говорить лишь тогда, когда страна, строящая социализм выиграет технологическое и экономическое соревнование с самыми развитыми капиталистическими странами, либо, когда социализм победил во всемирном масштабе.

Таким образом, процесс становления социализма как низшей фазы коммунизма сложен и многогранен, не линеен, а диалектически противоречив. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее во второй главе.

Глава 2. Основные проблемы становления социализма в СССР и их значение для социально-философского осмысления советского общества

Говоря о советском обществе, мы имеем в виду, прежде всего, тот тип социальных отношений, который сложился к концу 1930-х годов и с теми или иными изменениями просуществовал до конца 1980-х годов. Несмотря на различные тенденции, доминирующие в тот или иной период развития советского общества, не однозначные и противоречащие друг другу политические и идеологические предпочтения советского руководства в

разное время, «основы социализма», построенные к концу 1930-х годов просуществовали достаточно длительное время, а потому можно считать советское общество конца 1930-х годов социально тождественным по своему типу с советским обществом 1970-х годов.

В главе мы раскроем наше понимание переходного от капитализма к социализму периода, рассмотрим специфику отчуждения в советском обществе; проблему диалектики формального и реального обобществления; особенности социально-классовой структуры и динамики классовых взаимоотношений в СССР; противоречий советского государства как государства общества переходного типа.

§1. Советское общество как переходное от капитализма к социализму

Существует взгляд, согласно которому индустриальный тип технико-технологической организации экономики еще не делает капитализм полностью исчерпанным, а, следовательно, адекватных для социализма производительных сил еще пока нет. Эти исследователи связывают производительные силы, адекватные социализму, с массовым распространением открытого Марксом всеобщего труда (к которому они относят, прежде всего, творческий интеллектуальный труд), а это, по их мнению, можно реализовать лишь в постиндустриальную эпоху. Сама теория постиндустриального общества разрабатывалась такими исследователями, как Э. Тоффлер, Д. Белл, П. Дракер, М. Кастельс, которые не придерживались марксистских позиций¹. В рамках современной марксистской мысли теорию постиндустриального общества как общества с адекватным уровнем развития производительных сил для массового распространения всеобщего труда разрабатывают представители школы «критического марксизма» (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, Б.Ф. Славин, В.М. Межуев и другие).

¹Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

Думается, что указанная позиция, несмотря на свою дискуссионность, представляет существенный интерес. Вместе с тем, отметим, что постиндустриальное производство не снимает, а дополняет индустриальное¹. Современные западные государства, в которых установлен так называемый «постиндустриальный» тип производства свои промышленные предприятия (преимущественно вредного производства) успешно разместили в странах зависимого периферийного капитализма².

Вместе с тем, очевидно, что постиндустриальные технологии могут в значительной степени высвободить рабочую силу из индустриального сектора, превратив его в полностью автоматизированный и изменить всю природу труда человека. Постиндустриальные технологии не отменяют тяжелой индустрии, а ее предполагают, но они при определенных условиях могут привести к радикальным изменениям в структуре труда, в результате чего уйдет в прошлое тяжелый рутинный труд промышленных рабочих.

Сильное распространение ручного рутинного труда в промышленности (около 40%) и в еще больших масштабах в сельском хозяйстве (порядка 70%) не позволяет говорить о том, что обобществление труда и производства, а вместе с ним и средств производства завершилось в СССР в полном объеме и носило реальный, а не формальный характер. Процесс становления социализма в СССР пошел не в строгом соответствии с *буквой* марксизма. Если, согласно классическому марксизму, страна должна дозреть до социалистической революции и быть экономически развитой в капиталистическом отношении; если, с точки зрения ленинской концепции, революция в отсталой стране возможна, но должна быть поддержана революцией западных стран, в противном случае долго ей просуществовать не получится, то в реальности социалистическая революция в России произошла в стране сравнительно отсталой, с недостаточно развитым типом

¹Критику теории «постиндустриального общества» см. Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М.: Политиздат, 1977. С. 241-278.

²О теории периферийного капитализма см. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992.

технико-технологической организации производства унаследованным во многом еще со времен феодализма (особенно это касается технического оснащения деревни), а мировой революции вслед за Октябрьской не последовало.

Таким образом, как мы уже отмечали ранее, социализм приходилось строить в отсталой стране без поддержки мировой революции, что неизбежно накладывало определенные отпечатки на процесс становления низшей фазы коммунистической формации в нашей стране. В этих условиях, Советской власти, провозгласившей строительство социализма, во многом приходилось доделывать то, что не сделал капитализм (а именно индустриализацию промышленности и оснащение техникой сельского хозяйства).

Все это наложило (и не могло не наложить) отпечатки на тот тип общества, который сложился в Советском Союзе. Если социализм в смысле низшей фазы коммунизма, по Марксу, несет на себе «родимые пятна» капитализма, то общество, строящее социализм в отсталой стране на базе отсталых производительных сил, не только несло «родимые пятна», но отчасти воспроизводило признаки классового деления внутри себя. Если социализм, наследуя «родимые пятна» капитализма не застрахован от реставрации капитализма, то советский социализм был вдвойне подвержен этим опасностям.

*Отсюда возникновение и сосуществование на протяжении всего периода становления и развития советского общества двух тенденций: тенденции возврата к капиталистическим частнособственническим отношениям (капиталистической) и тенденции становления процесса реального обобществления, а, следовательно, и перехода в коммунистическую формацию (коммунистической). Противоречие между этими двумя тенденциями - **главное** противоречия советского общества, не вышедшего за рамки второго этапа переходного периода.*

Как мы видели выше, современная социально-философская литература, исследующая формационную характеристику советского общества, чрезвычайно разнообразна по числу, как исследований, так и точек зрения на то, чем же все-таки было это общество, официально именовавшееся «социализмом» или даже «развитым социализмом». Если это был полностью построенный социализм в смысле низшей фазы коммунизма, то непонятно, отчего произошла реставрация капиталистических отношений? Если же социализма не было вовсе, то тоже непонятно, что же тогда было? А если был государственный капитализм, как утверждают некоторые вышеприведенные исследователи, то для чего было реставрировать частнособственнические общественные порядки, если власть принадлежала капиталистам и так?

Выше мы писали, что, на наш взгляд, одной из наиболее, с нашей точки зрения, проработанных вышеперечисленных концепций в марксистской литературе является оценка советского общества как «раннего социализма», или общества, которое не до конца преодолело переходный период, слишком долго оставаясь на стадии формального обобществления. С этой точки зрения, *переходный от капитализма к социализму период в советском обществе до конца преодолен не был.*

Можно констатировать, что само понимание переходного периода часто сводится к периоду непосредственного силового подавления свергнутых классов и утверждению социалистического (по форме государственного) уклада, после чего якобы сразу же наступает социализм. Думается, что подобная постановка вопроса не учитывает сложности и многообразия переходных форм. Как показывает практика строительства социализма в СССР, переходный период это не кратковременный скачок, а длительное развитие по преодолению наследства прошлого. С этой точки зрения, *переходный от капитализма к социализму период может рассматриваться как многоэтапный процесс.*

В связи с этим назрела потребность более четко выявить критерии и временные границы переходного от капитализма к социализму периода с точки зрения его понимания как многоэтапного процесса. Определение этих критериев поможет нам лучше понять специфику советского общественного строя и его противоречий.

Переходный период от капитализма к социализму в марксизме рассматривался как процесс становления низшей фазы коммунистической общественно-экономической формации. Зачастую переходный период рассматривают в узком смысле слова как этап, при котором остаются эксплуататорские классы (но ограниченно как политически, так и экономически), политически действует режим диктатуры пролетариата, а в экономике сосуществуют несколько укладов.

Задачи такого переходного периода выделяют обычно следующие:

Экономические задачи состоят в вытеснении социалистическими укладами (общенародным и кооперативным) всех остальных. На этом этапе помимо социалистических укладов могут существовать и взаимодействовать другие. В частности, В.И. Ленин, выделял пять общественно-экономических укладов в России после окончания Гражданской войны: патриархальный (в значительной степени он сюда относил натуральное хозяйство), мелкое товарное производство (большинство крестьян, продающих хлеб), частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм¹.

Политически диктатура пролетариата добивается устранения эксплуататорских классов и недопущения реставрации капитализма в дальнейшем. На этом этапе еще существуют частная собственность на средства производства и система наемного труда.

Когда решаются обе эти задачи, можно констатировать построение основ социализма, что и было провозглашено на XVIII съезде ВКП(б). Тем не

¹Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С.296.

менее, эта достаточно точная формулировка «основы социализма» почему то зачастую уходит из поля зрения исследователей социалистического общества. Так, к примеру, уже цитированный выше М.В. Попов – один из современных исследователей марксистской традиции, пишет, что «в рамках переходного периода социалистический уклад, развиваясь, постепенно вытесняет все другие уклады. Непосредственно общественное планомерно организованное социалистическое производство из уклада становится сначала господствующей, а потом и единственной формой производства»¹. Но достаточно ли это для того, что бы говорить о завершении переходного периода и окончательном становлении «непосредственно общественного производства»? Попов отвечает на этот вопрос утвердительно: «процесс вытеснения несоциалистических укладов, который идет в переходный период, может быть обрисован фразой: «Больше социализма!». Однако собственно к социализму как первой фазе коммунизма эта фраза неприменима, поскольку после того, как социалистическое производство стало не только господствующим, но и единственным, социализма не может быть больше, а он может быть более или менее развитым». Мы согласны с М.В.Поповым в том, что социализм может быть более или менее развитым и что само развитие «не сводится к увеличению или уменьшению, а идет через борьбу противоположностей». Но можно ли считать недостаточно развитый социализм полным завершением переходного периода и окончательным утверждением низшей фазы коммунизма? Можно ли считать огосударствление экономики, пусть и социалистическим государством, «непосредственно общественным производством»? Или это все-таки опосредованное через управленческий аппарат государства производство с господством общественной собственности во многом формально?

Иными словами, можно ли считать понятие «основы социализма», сформулированное на XVIII съезде ВКП(б), признаком исчерпания

¹Попов М.В. Изменение характера производства в процессе строительства и развития социализма // Марксизм и Современность. 2007. №3-4 (41-42). С. 49.

переходного периода и утверждения общественной собственности и социалистического уклада на деле? Важно вспомнить, что социализм, по мнению основоположников марксизма, является низшей фазой коммунизма, которая хоть и низшая, но обладает такими принципиально важными чертами, как поголовное вовлечение в управление государством всех трудящихся, достижение за счет развития новейших производительных сил более высокого уровня производительности труда, что позволит сократить рабочий день и получить трудящимся время на всестороннее развитие. На необходимости поголовного вовлечения трудящихся в управление государством особенно обращал внимание Ленин¹.

Так ли было в СССР к 1936 году, когда, согласно официальной трактовке, социализм в основном был уже построен? Думается, что нет. Ведь известно, что, с одной стороны, в советском обществе сложилась жесткая централизация власти, а с другой - оно не могло избежать экономической отсталости, которую необходимо было временно компенсировать административными средствами и в кратчайшие сроки преодолеть. Данную систему иногда называют *централистким демократизмом*, то есть такой формой демократического централизма, где, наряду с определенной демократичностью, доминирующую роль выполняет централизм.

Таким образом, возникает вопрос, достаточно ли изгнания эксплуататорских классов, с одной стороны, победы социалистического уклада - с другой (что будет неизбежно выражаться в огосударствлении социалистическим государством экономики), для полного завершения переходного периода и построения не просто «основ социализма», а именно социализма как низшей фазы коммунизма? Можно ли сказать, что социалистический уклад победил всесторонне, а не только формально, если речь идет просто о переходе в собственность социалистического государства

¹Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 102.

средств производства, а само государство не смогло пока еще обеспечить массового участия всех трудящихся в управлении обществом?

В этой связи представляется интересным взгляд тех представителей современной социально-философской мысли, которые считают, что «с точки зрения своего экономического содержания «изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов» означает не что иное, как формальное (а отчасти и реальное) социалистическое обобществление»¹. То есть сам по себе акт «экспроприации экспроприаторов» далеко не всегда и не везде и не сразу приводит к установлению общественной собственности на деле. Правильнее сказать, что этим актом лишь создаются условия для дальнейшего продвижения вперед. Данная позиция основана на положении Энгельса о государственной собственности, которая, по его словам, «не разрешает конфликта, но она содержит в себе лишь формальное средство, возможность его разрешения»².

Основываясь на этом положении Ф. Энгельса, советский философ Э.В. Ильенков писал применительно к советской действительности, что формально-юридическое «обобществление собственности», учреждаемое политической революцией всего-навсего первый шаг к обобществлению на деле³. С этой точки зрения, «хотя явный переходный период, связанный с ликвидацией частной собственности..., и закончился, процесс обобществления тем не менее продолжается»⁴. То есть только первоначальная победа социалистического уклада в виде национализации социалистическим государством средств производства – это еще не окончательное упрочение социализма и завершение реального обобществления средств производства. Эксплуатация ликвидирована, как ликвидирована и частная собственность, но обобществление еще не носит

¹Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь: Северная Корона, 2004. С. 185.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. С. 290.

³Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Философия и культура Москва-Воронеж: Издательство Московского Психолого-социального института, 2010. С. 276.

⁴Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М.: Изд. «Мысль», 1975. С. 375.

«непосредственно общественного» характера, а продолжает оставаться опосредованным через аппарат государственной власти (пусть и социалистической по своему содержанию). Подобную же мысль высказывает (хотя и несколько иными словами) другой ученый – Колганов А.И.: «переходный характер коммунистических производственных отношений не преодолевается полностью в течение переходного периода и отчасти сохраняется на первой фазе коммунизма»¹.

В этой связи, переходный период от капитализма к социализму может рассматриваться в виде двух этапов.

Первый этап переходного периода выступает как процесс ликвидации эксплуататорских классов и утверждения формального обобществления, что выражается в огосударствлении экономики социалистическим государством, с одной стороны, а с другой - утверждении колхозно-кооперативной формы собственности в деревне. Это и есть победа социалистических укладов над остальными экономическими укладами. Политически решается вопрос «кто кого»: либо остатки буржуазных классов одержат верх и социальная революция погибнет, либо одержит верх пролетариат и социальная революция будет продолжаться. Поэтому идет непосредственная ожесточенная классовая борьба с последышами противников нового общественного строя. Когда социалистический уклад (государственный и колхозно-кооперативный) побеждает, а эксплуататорские классы подавлены в городе и деревне, мы можем констатировать, что *первый этап переходного периода пройден и построены «основы социализма»*. Как правило, эти «основы» означают, что общественная собственность доступна для пользования и частичного владения трудящимся, а вот распоряжением заведует государство, которое еще пока не смогло обеспечить поголовного вовлечения трудящихся в управление, а продолжает оставаться административным аппаратом, пусть и стоящим на службе рабочего класса. В этом смысле непосредственно

¹Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: УРСС., 2011. С. 407.

общественной собственности у трудящихся пока еще нет, так как она реализуется через бюрократический аппарат, вследствие чего ее потенциал раскрывается не полностью. В нашей стране переходный период этого этапа длился от 1917 до середины 1930-х годов. Конечно, в рамках этого этапа переходного периода правомерно выделить другие ступеньки: годы вооруженной Гражданской войны с реакцией внутренней и иностранной; этап хозяйственного соревнования различных укладов в промышленности и сельском хозяйстве; возобновление некоторых, уже решенных проблем в результате разорений Великой Отечественной войны.

На данном этапе решается вопрос «кто кого». **Основным внутренним противоречием** этого этапа переходного периода *является противоречие между коммунистической (революционно) и капиталистической тенденциями. В экономике это проявляется в противоречии между социалистическим и несоциалистическими укладами.* Из него вытекают в социальной сфере противоречия между мелкобуржуазными элементами (прежде всего крестьянством) и рабочим классом, в политической сфере противоречие между советской властью и специалистами бывшего государственного аппарата, в духовной сфере противоречие между мелкобуржуазным сознанием значительной части населения и задачами социалистического строительства.

Второй этап переходного периода означает утверждение обобществления на деле. Экономически социалистический уклад (государственный и колхозно-кооперативный) уже является господствующим, если не почти единственными. Собственность на средства производства находится в руках социалистического государства. Теперь остается развивать этот самый социалистический уклад для того, чтобы можно было создать все условия для реализации основной задачи низшей фазы коммунизма, которая состоит в обеспечении материального благосостояния и всестороннего развития всех членов общества. Экономически это означает – создание адекватной материально-технической

базы для дальнейшего развития социализма в полный коммунизм, что вовсе не ограничивается просто индустриализацией и коллективизацией. При всем прорывном значении этих мер для развития экономики, крупная промышленность вызревает еще при капитализме и в этом смысле индустриализация - это частичное доделывание капиталистических задач социалистическим государством. Когда мы говорим о процессе создания материально-технических основ социализма, то должны помнить, что задача социалистического производства состоит в сокращении рабочего времени за счет развития производительных сил. Поэтому социализм, если исходить из теоретических представлений о нем Маркса-Ленина, не мыслим без устранения (либо минимизации) ручного труда, достижения более высокой производительности труда.

Политически – это достижение массового вовлечения трудящихся в управление государством (которое возможно не ранее, чем будут созданы адекватные материальные условия производства), дальнейшее развитие институтов социалистической демократии (прежде всего, Советов), а также процесс уничтожения классов. Основной функцией государства теперь является уже не подавление классовых противников, а преодоление противоречий политического и социально-экономического развития самого социализма. Пока общество не решит все эти задачи, говорить о реальном обобществлении пока еще преждевременно.

При этом, с нашей точки зрения, нельзя сказать, что на втором этапе переходного периода социализма вообще нет, либо есть какой то «неправильный», или, как утверждают некоторые исследователи, - «мутантный» социализм¹. Интерес второго этапа переходного периода именно и состоит в своеобразной диалектике: *социализм как система управления народным хозяйством уже есть, но его еще нет как низшей фазы коммунизма.*

¹Бузгалин А.В. Ренессанс социализма: Курс лекций, прочитанных в Молодежном университете современного социализма. М.:УРСС., Издание второе, стереотипное. М. 2007. С. 376-386.

Основы социалистических производственных отношений уже имеются: ликвидирована частная собственность и эксплуатация человека человеком; господствует социалистическая собственность на средства производства в государственной и колхозно-кооперативной формах собственности; доминируют социалистические методы ведения хозяйства; осуществляется планирование экономической деятельности; делаются попытки вовлечь трудящиеся массы в управление посредством создания системы государства советского типа; простым трудящимся обеспечивается бесплатный (за счет общенародных средств) доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, устанавливается символическая плата за коммунальные услуги и т.п. Вместе с этим говорить о полном социализме как обществе, где «все научатся управлять и будут на самом деле управлять общественным производством»¹ еще не приходится, а, следовательно, не приходится говорить и о полной и окончательной победе нового строя, ведь без всеобщего вовлечения в управление всех трудящихся общественная собственность неизбежно будет функционировать в усеченном виде.

Экономические и политические задачи второго этапа переходного периода тесно связаны между собой, ибо о каком массовом вовлечении в управление трудящихся может идти речь, если трудящиеся вынуждены заниматься рутинным трудом и свободного времени на политическую деятельность у них при таких условиях просто не останется? С другой стороны, без массового вовлечения широких слоев трудящихся в управление государством общенародный характер социалистической собственности, которая на этапе низшей фазы коммунизма неизбежно носит государственную форму, будет номинальным и урезанным. Трудящиеся будут владеть и, может быть, даже пользоваться общественной собственностью (пользовались же трудящиеся СССР общественной собственностью в виде общественных фондов потребления), но вот

¹Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 102.

непосредственное распоряжение будет отдано слою управленцев, а без всеобщего вовлечения трудящихся в управление страной этот слой неизбежно будет в той или иной степени оторван от своего класса. Таким образом, *распорядительные функции собственности, по факту будут отчуждены от трудящихся*. Здесь мы выходим на проблему преодоления разделения труда в смысле разделения на умственный и физический, управленческий и исполнительный труд. А с другой стороны, если социалистический строй не сможет обеспечить более высокую производительность труда, чем капиталистические страны, он не сможет доказать свое преимущество перед последним. Речь идет здесь не о просто количественном увеличении производимой продукции, а о планомерном сокращении рабочего времени и затрат на производство, что является экономической базой для высвобождения времени работника для всестороннего развития.

Вместе с этим ошибочно считать, что сама по себе реализация общенародной собственности через управленческий аппарат государства автоматически означает ее формальность. Говоря о формальном обобществлении, важно его выводить не только из политической надстройки, но, прежде всего, из недостаточной технико-технологической и организационно-технической подготовки производственных отношений советского общества к реализации обобществления на деле. При этом не стоит отрицать, что, несмотря на противоречия в своем развитии, социалистическое государство способствовало в ряде сфер утвердить обобществление на деле. Выше мы уже говорили про общественные фонды потребления и обеспечение за счет государства базовых социальных прав (таких как право на образование, медицинское обслуживание, низкие тарифы ЖКХ и пр.). Думается, это можно считать проявлением реального обобществления.

Ниже мы коснемся более подробно влияния структуры труда на степень реального обобществления. Пока просто констатируем, что широкое

распространение низкоквалифицированных форм труда приводит к усилению формальности в обобществлении и ослаблению его реальных сторон.

Когда решены задачи создания адекватных социализму производительных сил, позволяющих за счет технического прогресса радикально сократить рабочий день, тем самым высвободить львиную долю времени на всестороннее развитие личности, а политически обеспечены условия для массового вовлечения всех трудящихся в управление, мы вплотную подходим к тому, что в марксизме именуется уничтожением классов. С этого момента можно считать, что низшая фаза коммунизма построена и реальное обобществление утвердилось. На этапе низшей фазы коммунизма еще существует разделение труда (а, следовательно, остается потенциальная возможность для образования классов), господствует принцип распределения по труду, остается государство (правда, функционирующее не через бюрократический аппарат, а на основе всеобщего вовлечения трудящихся в управление, полной выборности и сменяемости в любой момент ответственных лиц). На этом этапе, говоря словами Ленина, «будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе»¹. Отталкиваясь от основной гуманистической задачи нового общественного строя, мы можем сказать, что именно на этапе низшей фазы коммунизма должны созреть условия для продвижения к высшей его фазе (положительному гуманизму).

На данном этапе преодолевается **противоречие** между социалистическим и несоциалистическими укладами и преобразуется **впротиворечие между коммунистической тенденцией окончательного снятия частнособственнических отношений (преодоления всех форм отчуждения) и тенденцией капиталистической (реставраторской), связанной с угрозой реставрации предшествующих производственных**

¹Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 102.

отношений. В экономической сфере это проявляется в противоречии между новыми производственными отношениями и неадекватными им производительными силами, если речь идет об отсталой в капиталистическом развитии стране. С введением пятилетних планов делается актуальными **противоречия между стихийностью и плановостью, между централизованным управлением и местничеством.** В социальной сфере во многом преодолевается противоречие между рабочим классом и крестьянством, но ему на смену приходит **противоречие между тенденцией построения социально однородного (бесклассового) общества и наличием остатков мелкобуржуазных классов (в том числе и паразитарных элементов - носителей капиталистических отношений)** с одной стороны, а с другой **противоречие между социальным единством общества и тенденцией обострения классовой борьбы.** В политической сфере противоречие между советской властью и специалистами бывшего государственного аппарата преодолевается, но ему на смену приходит **противоречие между демократической тенденцией поголовного вовлечения трудящихся в управление (государством «отмирающим») и бюрократической тенденцией монополизации власти узким кругом лиц.** В духовной сфере противоречие между мелкобуржуазным сознанием значительной части населения и задачами социалистического строительства остается.

Таким образом, мы видим, что противоречия, свойственные первому этапу переходного периода, изменяя свою форму, по существу остаются и на втором этапе.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Переходный период от капитализма к социализму не оканчивается огосударствлением экономики и коллективизацией сельского хозяйства.

2. Переходный от капитализма к социализму период правомерно рассматривать в двух этапах: первый этап означает ликвидацию бывших привилегированных классов, установление государственной собственности и

коллективизацию сельского хозяйства; в задачу второго этапа переходного периода входит создание адекватных социализму производительных сил (преодоление ручного, низко квалифицированного труда) и всеобщее вовлечение населения в управление. Каждому из этапов переходного периода, свойственен ряд противоречий, которые в основе своей остаются до полного построения низшей фазы коммунизма, но меняются по форме их выражения.

3. Исходя из вышеизложенного понимания переходного периода от капитализма к социализму, советское *общество нами классифицируется как общество, остановившееся на формальном этапе обобществления и, следовательно, не до конца прошедшее переходный период.* Социалистическая система хозяйства была построена, но низшая фаза коммунизма еще нет. Некоторые исследователи определяют это состояние как «**ранний социализм**», что, с нашей точки зрения, вполне правомерно.

Изложенное понимание переходного периода как процесса, протекающего в два этапа, с нашей точки зрения, позволит лучше понять все сложности и противоречия, с которыми столкнулось советское общество в процессе реализации марксистского проекта социалистических преобразований.

§2. Особенности отчуждения в советском обществе в контексте диалектики формального и реального обобществления

Выше (в главе 1) мы уже показали, что означает феномен отчуждения и с чем связано это явление. Мы показали, что отчуждение неразрывно связано с частной собственностью на средства производства, с присвоением результатов чужого труда, с психологическим отражением (не всегда буквальным) этих явлений. Когда мы рассматривали отчуждение в условиях капиталистической эксплуатации, ссылаясь на учение Маркса, то было в целом понятно, откуда проистекают экономические, а вместе с ним политические и психологические корни отчуждения. Но куда сложнее понять

специфику отчуждения в обществе, которое формально преодолело частнособственнические отношения, в котором нет эксплуатации в капиталистических формах, но еще не создана та технико-технологическая основа новых производственных отношений, а потому и не изжито отчуждение. В этой ситуации мало понимать феномен отчуждения исключительно как отчуждение результатов труда, так как с этой точки зрения, оно изживается. Присвоение результатов чужого труда, в основном, преодолевается. Вместе с этим, крайне беспечно было бы объявлять о преодолении всякого отчуждения как такового вообще.

В этой связи, основываясь на теоретическом понимании Марксом отчужденного труда, изложенного ранее, попытаемся охарактеризовать специфические черты отчуждения в советском обществе, а также тенденции и противоречия, порожденные диалектикой формального и реального обобществления в СССР.

В советском обществе, экономическую основу которого составляла общественная собственность на средства производства в форме государственной и колхозно-кооперативной, были ликвидированы ранее привилегированные классы капиталистической системы. В этих условиях отчуждение в социально-классовом смысле как отчуждение результатов труда и самого труда в пользу частного собственника средств производства наемным работником было в основном снято (хотя и оставались еще отдельные проявления, связанные с деятельностью теневого сектора экономики, который, так или иначе, паразитировал на чужом труде). Как справедливо констатировал Р.И. Косолапов, «в социалистическом обществе продукт принадлежит тем, кто его производит. Он перестал быть орудием порабощения человека человеком»¹.

Существует также и точка зрения, согласно которой, принципиальная природа отчуждения в советском обществе не меняется, так как на место частного капиталиста приходит государство.

¹ Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М.: Изд-во «Мысль», 1975. С. 143.

Обычно подобные исследователи считают номенклатуру новым господствующим классом СССР, который является, чуть ли не новой буржуазией. Так, сторонник государственно-капиталистического понимания советского общества А.А. Здоров пишет, что «основная масса непосредственных производителей в СССР была лишена средств производства и вынуждена была продавать свою рабочую силу их реальному собственнику – номенклатуре»¹. В итоге Здоров предлагает именовать господствующий класс СССР «государственной буржуазией». Стоит заметить, что теория нового господствующего класса стала зарождаться еще до революции. Так, теоретики анархизма, дискутируя с Марксом, уже высказывали мысль о перерождении будущей власти рабочего класса, которая, с их точки зрения, обернется против пролетариата². Именно отсюда и их стремление уничтожить государственную машину сразу после завоевания власти, создав вместо нее самоуправляемые единицы. Были и другие исследователи, считающие, что главная опасность исходит от работников умственного труда. Так, к примеру, дореволюционный публицист Е.И. Лозинский в работе «Что же такое, наконец, интеллигенция?» считал, что социал-демократы хотят привести к власти не рабочий класс, а интеллигенцию, которая станет новым господствующим правящим классом вместо старого – буржуазии³. Так мы видим, что, несмотря на внешние отличия, суть теории того, что на смену господству классов помещиков и капиталистов, придет господство другого эксплуататорского класса стала зарождаться еще до революции. В работах Джиласа «Лицо тоталитаризма» и Восленского «Номенклатура» излагается классическое видение данной точки зрения, согласно которой господствующим классом в СССР становится номенклатура (то есть

¹ Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: Марксистский анализ советского общества. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, С. 62.

² Бакунин М.А. Государственность и анархия [электр. ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0050.shtml(дата обращения: 13.05.15); Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма. Издание 2-е. М.: УРСС, 2009 и др.

³Лозинский Е.И. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). Издание 2-е, стереотипное. М.: УРСС, 2003. С. 71.

работники партийно-государственного аппарата управления), а, следовательно, и продукт, произведенный обществом, отчуждается в пользу партийной элиты. Отмечал господствующую роль «новой советской бюрократии» и русский мыслитель Н. Бердяев. Таким образом, с этой точки зрения, отчуждение в советском обществе никуда не делось, просто на место капиталиста пришло государство.

В этой связи стоит отметить, что, несмотря на значительные социальные преимущества, дававшиеся членам партийной и государственной номенклатуры, говорить о том, что номенклатура была самостоятельным социальным классом, да еще и господствующим, по нашему мнению, нет оснований.

Во-первых, номенклатура занимала особое место в системе общественного производства не в силу своего отношения к собственности на средства производства (что является обязательным критерием для отнесения того или иного индивида к классу капиталистов), а в силу общественного разделения труда на управленческий и исполнительский. То есть в основе лежала не классовая характеристика, связанная с присвоением части прибавочного продукта, произведенного работником благодаря наличию у присваивающего класса, собственности на средства производства, а исполнение управленческих функций. Как только представитель номенклатуры переставал исполнять эти функции, он автоматически лишался и своих преимуществ.

Во-вторых, номенклатура не была классом, потому что никому в отдельности на правах частного собственника не принадлежали средства производства, а, следовательно, никакой отдельный представитель слоя номенклатуры не мог и распоряжаться общественной собственностью. Распорядительные функции могли осуществлять представители номенклатуры лишь в качестве частей механизма государства. При этом, потеряв государственные или партийные должности, значительная часть «привилегий» утрачивалась тоже.

В-третьих, если даже допустить наличие особого класса номенклатуры и социально-экономического отчуждения в СССР, становится непонятным, для чего потребовалась реставрация рыночных капиталистических отношений? Ведь в значительной степени реставрация капитализма проводилась руками бывшей партийно-хозяйственной элиты СССР именно с целью привести в соответствие производственные отношения со своими социальными интересами. Социалистические производственные отношения не позволяли стать господствующему социальному слою господствующим классом, поэтому подлежали демонтажу.

Ну и, наконец, в-четвертых, нельзя сказать, что производители не владели средствами производства в СССР. Точнее сказать, они не владели ими в качестве самостоятельных частных собственников, но владели ими как общество в целом. И проявлялось такое владение, прежде всего, в общественных фондах потребления и системе социально-экономических прав (прав на бесплатное образование, здравоохранение, гарантированное трудоустройство, низкий уровень тарифов ЖКХ и пр.). Ведь не из вакуума же проистекали подобные возможности, предоставляемые советским социалистическим общественным строем.

Безусловно, привилегированное положение номенклатуры имело место, но это положение вытекало не из классового господства (не из собственности на средства производства), а из ее положения в общественной системе разделения труда (в данном случае речь идет о разделении на управленческий и исполнительский труд). Поэтому относить номенклатуру к господствующему классу, с нашей точки зрения, не верно.

Но здесь мы упираемся в главный вопрос условий изживания отчуждения, который ранее так или иначе уже звучал в нашей работе. Достаточно ли просто национализировать собственность, отобрав ее у бывших капиталистов и помещиков, провести индустриализацию и коллективизацию, построить научные центры, сделав доступным образование, чтобы изжить отчуждение вообще? С учетом реализации такого

опыта в СССР, думается, что, несмотря на то, что подобные действия делают большой шаг вперед по изживанию отчуждения, тем не менее, этого не достаточно, чтобы преодолеть его полностью как явление. Ведь даже в такой системе господство обстоятельств над человеком окончательно не уходит в прошлое, еще остается множество проявлений несвободы, а, следовательно, и отчуждения. Пока человек не превратился в хозяина обстоятельств, которые безгранично господствуют над ним в условиях капитализма, он не может преодолеть отчуждения во всех его формах.

Специфические условия становления социализма как низшей фазы коммунистической общественно-экономической формации (внешний фактор военной угрозы, низкий старт в развитии производительных сил, победа социалистической революции в отдельно взятой отсталой стране, постоянное стремление «догнать» передовые капиталистические государства) обусловили формирование отношений социализма в усеченном и ограниченном виде. Ленин в речи на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию высказывал интересную мысль, которая состояла в том, что «общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социализм в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах»¹. Вот эта оценка советского общества как «социализма в известном смысле», по нашему мнению, достаточно удачна.

Усеченный характер социализма приводил и к усеченному (во многом формальному) функционированию общественной собственности. Реализация общественной собственности через опосредованные звенья государственного аппарата, который при наличии недостаточного технологического инструментария не мог обеспечить полный учет и контроль над производством и распределением, а также превращался в стоящий над

¹ Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 38. С. 353-354.

обществом, а не служащий ему, институт, приводило к определенному отрыву задач обобществления от его фактической реализации. С другой стороны, *не преодоление до конца разделения труда на физический и умственный, управленческий и исполнительский, а также механический и творческий* (а только в этом смысле можно говорить о разделении труда как причине отчуждения), вела к сохранению *технического* отчуждения и отдельным рецидивам отчуждения *социального*, а также отражению этих процессов в общественной психологии, что приводило к определенному психологическому отчуждению, выражавшемуся по-разному.

Все это не могло не вести к дегуманизации советского общества, к недостаточно полному раскрытию именно гуманистической составляющей идеи социализма, на которую обращал особо пристальное внимание ранний Маркс. Иначе говоря, к появлению элементов того, что Маркс называл «казарменным социализмом».

Зачастую сохранение отчуждения в СССР связывают с политической составляющей. С этой точки зрения, государство не сумело организовать поголовное вовлечение всех трудящихся в управление страной, власть сконцентрировалась в руках бюрократии. В этом-то и проявилось отчуждение. Так, Г.Л. Смирнов писал, что «командно-административная система с разросшимся бюрократическим аппаратом во многом лишила трудящихся права на самостоятельность и инициативу в общественном творчестве, обрекла людей на пассивность и апатию»¹. Это само по себе правильно, но без указания на значительные экономические факты мы не сможем адекватно осознать специфики отчуждения в советском обществе. Ведь политическая (как и психологическая) составляющая – это, в конечном счете, следствие технологического уровня развития базисных производственных отношений, который задает условия для развития политической надстройки.

¹ Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. / Под ред. В.И. Купцова. М.: «Высшая школа», 1989. С. 79.

Поэтому, не умаляя существенного значения политических и психологических (идеологических, религиозных и др.) сторон отчуждения, мы акцентируем особое внимание на исследовании структуры труда и технико-технологических факторов снятия отчуждения. Тем более, что именно они, зачастую, остаются в стороне при изучении специфики отчуждения в советском обществе.

К одному из таких важнейших факторов технико-технологического состояния производственных отношений стоит отнести значительную долю ручного труда в промышленности и в особенности сельском хозяйстве Советского Союза. Сразу отметим, что как мы уже указывали, разделение труда может рассматриваться, с нашей точки зрения, в трех аспектах: разделение на умственный и физический труд, управленческий и исполнительский, а также творческий и механический. Не всякий физический труд является обязательно механическим, как и не всякий умственный всегда выступает как творческий. Поэтому показатель распространенности ручного труда может рассматриваться нами лишь как косвенный. Тем не менее, ручной труд в промышленности чаще представляет из себя механический, чем умственный, поэтому рассмотрение доли распространения ручного труда в промышленности и сельском хозяйстве, позволяет делать определенные выводы относительно технико-технологического состояния производственных отношений в советском обществе.

В СССР доля промышленных рабочих, занятых ручным трудом, сократилась с 62,9% в 1948 г. до 32,2% в 1987 г¹. В результате недостаточного развития непосредственно общественной основы производства темпы сокращения ручного труда без применения машин и механизмов с середины 60-х гг. замедлились. Так, если с 1948 по 1969 год (то есть за 21 год) доля ручного труда сократилась с 62,9% до 44,8% (на 18,1%), то с 1969 по 1987 год такое сокращение составило с 44,8% до 32,2% (то есть

¹ Труд в СССР: статистический сборник. М., 1988. С. 250.

на 12,6%)¹. В 1980-е годы ежегодное сокращение ручного труда составляло от 2,5% (с 34,9% в 1985 до 32,4 в 1986 году) до 0,2% (с 32,4% в 1986 до 32,2% в 1987)². Как видно, динамика изживания ручного труда оставляла желать лучшего. В связи с этим в научной литературе начала 1980-х гг. отмечалось, что при подобных темпах «потребовалось бы более полувека для полного изживания ручного труда без применения машин в промышленности, и это без учета занятых ручным трудом при машинах и механизмах и трудом по их ремонту и наладке (а часть рабочих, проходящих по этим графам, на деле также занята простым ручным трудом)»³. О масштабах труда в тяжелых и вредных условиях можно судить по удельному весу промышленных рабочих, получавших повышенные тарифные ставки за работу в таких условиях: на 1 августа 1985 г. этот показатель составлял 42,4% (по РСФСР – 42,8%)⁴.

Если смотреть по отдельным отраслям промышленности, то, по данным на 1 августа 1985 года, процент ручного труда в разных отраслях колебался от 14,4% в нефтеперерабатывающей промышленности и 16,3% в электроэнергетике до 47,6% на шахтах в угольной промышленности и 48,5% в лесозаготовительной промышленности⁵.

В отдельных союзных республиках на 1 августа 1985 года доля рабочих, занятых ручным трудом в промышленности, колебалась от 28,7% в Белорусской ССР до 40,1% в Армянской ССР. Для сравнения, в Российской СФСР данный показатель равнялся 35,3%⁶.

Ситуация в сельском хозяйстве была еще более удручающей. Так, по данным на 1 августа 1985 года, численность колхозников, занятых на рабочих специальностях ручным трудом по всему СССР, составляла 71,7%⁷.

¹ Там же.

² Там же.

³ Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. М.: Издательство политической литературы, 1982. С. 141.

⁴ Труд в СССР: статистический сборник. М., 1988. С. 139.

⁵ Там же, С.252.

⁶ Там же, С. 253.

⁷ Там же. С. 255.

В союзных республиках этот показатель колебался от 53,3% в Эстонской ССР до 95,6% в Грузинской ССР¹.

Подобная картина не могла не отразиться и на причинах, мотивирующих работников к увольнению по собственному желанию. По данным на 1987 год, по причине неудовлетворенности условиями труда уволилось 14,1% работников. Для сравнения отметим, что по причине неудовлетворенности размером заработной платы уволилось 17,4%². Эти цифры свидетельствуют о том, что условия труда и вправду не вполне отвечали задачам преодоления отчуждения, что не могло не отражаться в психологическом восприятии советских трудящихся своего все еще отчужденного положения.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: что означает сохранение ручного труда в таких масштабах, с точки зрения задачи преодоления отчуждения во всех его формах?

Во-первых, это означает, что труд значительной части населения объективно не мог стать первой жизненной потребностью, так как рутинные функции вряд ли способны стать самоцелью, а, следовательно, такой труд не мог приносить и тех эмоциональных радостей, какие он должен был бы приносить работнику в новых условиях. Налицо новое отчуждение труда, связанное пусть и не с капиталистической эксплуатацией, но с самой технической составляющей производственного процесса.

Во-вторых, рутинный, низкоквалифицированный труд, приводя к сильному затрачиванию физических сил и времени, сдерживал процесс массового вовлечения трудящихся в управление, что является одним из политических условий для реального обобществления. Ведь изнурительная работа не оставляет возможности и желания (что не менее важно) работнику для участия в общественно-политической жизни, приводит к стремлению «спихнуть» на «начальство» выполнение политических функций.

¹ Там же.

² Там же. 259.

Здесь мы видим, как техническая сторона отчуждения резонирует в политическую сферу и приводит к рецидиву отчуждения политического.

В-третьих, чрезмерно длительная консервация ручного труда приводила к консервации разделения труда на умственный и физический, творческий и механический, а также управленческий и исполнительский. Это неизбежно вело к социальному расслоению. Расслоение же, в свою очередь, создавало, при определенных условиях, опасность нового образования антагонистических классов и реставрации капиталистических порядков, то есть здесь техническая сторона отчуждения приводила к возникновению потенциальных условий для отчуждения социально-экономического.

В-четвертых, затрачивая силы и время на ручной труд, человек использовал свободное время не на всестороннее развитие своей личности, а на праздный отдых, что приводило к отчуждению значительной части людей от достижений культуры советского общества. Это создавало существенные препятствия для всестороннего развития личности, без которого, согласно представлениям Маркса, Энгельса, Ленина, невозможно двигаться к социализму. Как видно, здесь технико-технологическая сторона отчуждения напрямую порождала опасность возникновения отчуждения человека от культурного наследия общества, от других людей и, в конечном счете, от самого себя.

Таким образом, недостаточный уровень развития производительных сил, с первого неглубокого взгляда сугубо технической материи, не имеющей никакого отношения к человеку и становлению его освобождения, на деле приводит к появлению условий для возникновения отчуждения человека от социума. Все это показывает, что категории «производительные силы», «производственные отношения» («базис») и «надстройка» - не пустые слова из учебников по «историческому материализму» советских времен, не «прихоть марксистов», а непосредственно связанные с процессом снятия отчуждения и гуманизации общественных отношений условия, без которых

вряд ли можно всерьез рассчитывать на реализацию концепта «положительного гуманизма».

Широкое распространение и недостаточно быстрое сокращение ручного и рутинного труда приводили к тому, что значительная часть как самой деятельности, так и всего богатства культуры и социальных институтов советского общества отчуждались от трудящихся. Ведь грубый рутинный физический труд выматывает работника, не оставляя ему сил для всестороннего развития своей личности. Вместе с этим, на другом полюсе начинали формироваться паразитические элементы в лице «теневиков», которые жили за счет чужого труда, а также оторванной от низов общества, партийно-государственной верхушки. Все эти негативные тенденции в советском обществе стали возможными именно благодаря длительному сохранению условий для этого, к одним из которых можно отнести и консервацию ручного труда.

Сохранение ручного рутинного и механического труда в сравнительно широком масштабе явилось и серьезным препятствием к формированию нового отношения к труду. Вместо того, чтобы рассматривать труд как самоцель, его рассматривали исключительно как средство для получения дохода. Стоит помнить, что каков социальный строй (а также и уровень развития производительных сил), таково и отношение к труду. Именно наличие необходимого уровня технико-технологического развития делает возможным реализацию тех или иных прогрессивных социальных отношений, ведущих к преодолению отчуждения.

Возвращаясь к вопросу отношения к труду, отметим, что у Маркса имелся в виду труд в условиях нового уровня развития средств производства (нового уровня в развитии технико-технологического базиса), труд, когда «никто не ограничен каким-нибудь исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать

сегодня одно, а завтра – другое»¹. То есть для того, чтобы труд превратился в первую жизненную потребность, необходим и качественно новый труд, а для этого необходим качественно новый технологический базис. Поэтому переносить идеи Маркса о труде как важнейшей потребности человека на рутинный, низкоквалифицированный труд ошибочно, и при практической реализации такого ложного понимания может нанести серьезный ущерб делу преодоления отчуждения (пример «трудового воспитания» Пол Пота и Мао Цзэдуна). Речь идет о том состоянии, когда на смену рутинному труду придет труд творческий, и именно этот новый творческий разнообразный труд и должен в перспективе стать самоцелью для человека. Это новое отношение к труду отчасти сформировалось у работников творческих профессий (художников, музыкантов), научных работников, инженеров, конструкторов и пр. Однако сохранение ручного труда во многом сокращало силу тенденции превращения труда в главную жизненную потребность. По справедливой оценке М.В. Попова и А.В. Золотова, это ведет «к отрицанию значимости труда как первой жизненной потребности, порождает отчужденное отношение к труду»²

Подобные экономические явления делали невозможным и массовое вовлечение трудящихся в управление государством, так как, во-первых, само по себе государство для того, чтобы как можно быстрее переоснастить экономику, делалось все более и более централизованным и «бюрократическим», а во-вторых, сами трудящиеся, занятые в рутинных производствах попросту не имели возможности вникать в дела управления государством и добровольно отчуждали от себя эти функции. Отсюда «казенное» отношение к политической деятельности, как правило, сводящейся лишь к формальным исполнениям партийных обязательств перед начальством. Отсюда же и, во многом, формально-декоративное

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения. В 9-ти томах. Т 2. М.: Издательство политической литературы, 1985. С. 31.

²Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 144.

функционирование системы Советов в позднесоветские годы так называемого «реального социализма». Впоследствии подобное проявление политического отчуждения выразилось в отсутствии в рядах КПСС должного сопротивления реставрации капитализма. Мало того, зачастую подобное сопротивление шло не благодаря, а вопреки воли руководства КПСС (отсюда образование марксистской, большевистской платформ в КПСС, Движения коммунистической инициативы).

В общественной психологии эти явления отражались в двух противоречивых установках. Первая состояла в том, что некоторая часть граждан ощущала отчуждение собственности и власти. От этого и пресловутый стереотип, что «общественная собственность ничейная». А с другой стороны, у другой части граждан отчуждение проявлялось «наизнанку», когда люди, полностью доверяющие социалистическому государству, относились к нему не как к своему, а с изживенческим ожиданием что «за нас все сделают» и «нам все сделают». Такая группа граждан, напротив, ощущала общественную собственность и не считала ее «ничейной», однако не была готова сама взять управление и ответственность за его результаты в свои руки и очень сильно надеялась на опосредующие звенья в лице государства и КПСС. Эта патерналистская надежда на политическую систему распространена в нашем обществе до сих пор, только вместо социалистического государства, надежды на которое были небезосновательны, сегодняшнее государство действует в иных условиях.

Такое отношение к государству в советском обществе связано с двумя факторами. Отношение к государственной (общественной) собственности как к «ничейной» было следствием формальности обобществления, которая и порождала формальное отношение к общественной собственности как к собственности «ничейной», что выражалось в фактах ее расхищения и небрежного к ней отношения. Восприятие же государства как «своего», но «своего» не в демократическом, а в патерналистском смысле, отражало противоречивые тенденции развития. С одной стороны, люди чувствовали,

что прибавочный продукт не оседает в руках небольшой кучки представителей крупной частной собственности, что придавало им уверенность в социально ориентированной направленности деятельности Советского государства, а соответственно и определенные ожидания, связанные с этим. Но с другой стороны, чрезмерные надежды на государство, при отсутствии собственной инициативы, отражали во многом отчужденное положение широких масс трудящихся в смысле участия в реальном управлении страной. Эти массы, несмотря на свою поддержку, все-таки воспринимали государство как нечто над ними стоящее и им не подчиненное.

Безусловно, отчуждение в психологии не всегда механически следует за социально-экономическими и техническими его проявлениями. Так, при слабом развитии производительных сил, трудовой подвиг рабочих локомотиворемонтного завода, описанный в работе Ленина «Великий почин», демонстрировал, что психологически рабочие не были отчуждены от своего дела, ощущали себя единым целым. Вместе с этим, тяжелые условия труда делали неизбежным «техническое» отчуждение. В то же время, в 1970-е годы, в более комфортных условиях, когда было сделано очень многое для объективного изживания отчуждения как социального феномена, психологическое субъективное его восприятие было сильнее, чем во времена суровых испытаний Гражданской войной. Все это позволяет нам говорить о том, что на отчуждение влияет не только состояние развития технологического базиса, но и направленность изменений производственных отношений. Когда доминировала тенденция изживания отчуждения, то даже слабый уровень развития производительных сил не мог помешать воспринимать систему отношений рабочими как свою и идти на трудовые подвиги ради системы. В случае же, когда стала доминировать тенденция наращивания отчуждения, психологическое ощущение отчужденности не могли затушить более комфортные условия существования.

Анализируя отчуждение в Советском Союзе необходимо понимать, что многое было сделано на пути его устранения. Так, к примеру, стала

реальной возможностью смены деятельности, бесплатное образование и медицинское обслуживание позволяли получать знание по потребностям. Вообще говоря, система социальных гарантий и общественных фондов потребления превращала многие социальные услуги (как их ныне именуют) из отчужденных в непосредственно принадлежащие гражданам. Это относится, между прочим, и к таким явлениям, как массовое увлечение наукой и массовая подписка на научные журналы в 1960-е годы. Завоевание в ходе Октябрьской революции базовых социально-экономических прав позволило народам СССР получить всеобщий доступ к образованию, включая высшее. Это неизбежно отразилось и на значительном росте численности людей с высшим образованием и доли трудящихся умственных профессий (ученых, инженеров, учителей и пр.). В частности численность работников, занятых в науке и научном обслуживании, выросла с 1940 по 1989 год почти в 9 раз¹. Затраты на науку выросли более чем в 30 раз². Нет сомнений, что, несмотря на сложности и противоречия, все эти меры способствовали преодолению отчуждения в советском обществе и их нельзя недооценивать. В противном случае, если становиться на точку зрения некоторых представителей «западного марксизма», которые считают, что советская система создала условия для высшей степени отчуждения, мы не увидим диалектики эволюции феномена отчуждения в советском обществе, противоречий, связанных с этим процессом. Все это приведет к крайне упрощенным, с нашей точки зрения, представлениям, которые изложил уже упомянутый нами философ и психолог Эрих Фромм в работе «Здоровое общество», где фактически поставил рядом фашизм и «сталинизм». В частности он писал, что «общей чертой нацизма, фашизма и сталинизма является то, что они предложили изолированному индивиду новое убежище

¹ Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 100.

² Там же.

и безопасность. Эти системы создали условия для высшей степени отчуждения»¹.

В подобных представлениях, характерных как для так называемых «неомарксистских», так и для либеральных течений, нивелируется специфика и сложность феномена отчуждения в условиях формального обобществления. Эти трактовки стремятся все свести к «системе подавления личности» (в ее либерально-западном понимании), не видя в упор другую тенденцию, характерную для советской системы, а именно – тенденцию развития личности и попытки преодолеть отчуждение. Они не учитывают диалектической роли государственного аппарата, который, с одной стороны, служил инструментом консервации отчужденных отношений, но с другой – позволял создать условия их преодоления, и обе эти тенденции *сосуществовали*. Но, не видя этого, сторонники подобной точки зрения сильно упрощают как саму категорию «отчуждение», так и его развитие в условиях советской реальности, сводя проблему по существу лишь к внешним формальным критериям. Путь к устранению отчуждения как в социальном, так и в технико-технологическом смысле, может лежать лишь через создание новых, адекватных социализму производительных сил, которые бы создавали условия для ликвидации рутинного ручного труда, а вместе с ним и всей системы разделения труда на умственный и физический, а вслед за ним и управленческий и исполнительный. Как справедливо отмечается в работе «После коммунизма», «человеческий труд как таковой уйдет из сферы материального производства. Функционирующие в ней гибкие автоматизированные средства труда будут компактными, децентрализованными, экологически чистыми»².

Советский философ Э.В. Ильенков правильно отмечал, что «отрицать наличие «отчуждения» в странах, установивших общегосударственную, общенародную, социалистическую форму собственности на средства

¹Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011. С. 260.

² Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 256.

производства, – значит попросту снижать общетеоретические критерии коммунистического преобразования»¹. Это положение очень важно, так как позволяет взглянуть на проблему преодоления отчуждения, как и становления коммунистической формации вообще, существенно шире и глубже. К сожалению, очень часто социализм (как его сторонники, так и его противники) сводят к национализации, усилению роли государства в экономике, игнорируя всю сложность технико-технологического преодоления частнособственнических отношений

Развитие адекватных социализму производительных сил, изживание ручного труда напрямую связаны с проблемой сокращения рабочего времени за счет увеличения производительности труда, что могло создать материальные условия для «обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»². Это показывает, что основным критерием эффективности непосредственно общественного производства является сокращение рабочего времени. Как отмечает М.В. Попов, «критерием деятельности государственных предприятий при социализме должна быть не прибыль, а противоположная ей величина – экономия труда»³.

Проблема сокращения рабочего времени непосредственно связана с задачей ликвидации ручного труда, и, следовательно, без сокращения рабочего времени немислимо преодоление отчужденных отношений. Интересно, что в начале 1950-х годов в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин ставил задачу сокращения рабочего дня до 6, а затем и 5 часов и связывал ее с ростом образованности в обществе⁴. Но для того, что бы иметь возможность сокращать рабочий день, при этом не понижая достигнутого уровня производства, требуется

¹Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» // Философия и культура. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2010. С. 256.

² Ленин В.И.Замечания на второй проект программы Плеханова // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1963. Т. 6. С. 232

³ Попов М.В. Изменение характера производства в процессе строительства и развития социализма // Марксизм и современность. № 3-4 (41-42). 2007. С. 52.

совершенствование технико-технологической стороны производственных отношений и преодоление рутинных, низкоквалифицированных ручных форм труда, внедрение в трудовой процесс новой техники и новых методов, качественно изменяющих сам облик труда, а, следовательно, и облик рабочего человека. Ведь в условиях широкого распространения ручного труда сокращение рабочего времени без нанесения ущерба производительности труда будет невозможным. Поэтому и здесь все упирается в дальнейший подъем технико-технологического элемента производственных отношений.

Таким образом, мы видим, что в вопросе о специфике отчуждения в советском обществе, налицо проявилось указанное нами противоречие между тенденцией снятия всех форм отчуждения (коммунистической) и капиталистической тенденцией, связанной с недостаточно быстрым снятием отчуждения труда.

Резюмируя основные особенности отчуждения в советском обществе, отметим:

1. Под отчуждением мы понимаем процесс, при котором результат деятельности человека, как и сама его деятельность, а вместе с ней и вся система социальных отношений становятся неподвластными человеку, существуют и развиваются по своей собственной логике, господствуют над человеком.

2. На основе данного понимания феномена отчуждения мы выделяем социальную сторону отчуждения, которая связана с социальными отношениями между людьми, с эксплуатацией человека человеком, и технико-технологическую сторону отчуждения, которая связывается с недостаточным уровнем развития технико-технологического элемента производственных отношений.

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 69.

3. Формальное обобществление снимает социально-классовую эксплуатацию человека человеком, а, следовательно, и социально-экономическое отчуждение.

4. Вместе с тем, сохранение значительной доли ручного труда и недостаточный уровень развития производительных сил приводил к сохранению технического отчуждения, а также отдельных элементов отчуждения социального (классового и политического). Это вызывало две тенденции в развитии советского общества: коммунистическую и капиталистическую, что было обусловлено низким уровнем развития производительных сил, что сильным распространением низкоквалифицированного ручного изнуряющего труда, а также недостаточно быстрым изживанием классового деления общества, консервации разделения труда на управленческий и исполнительский с моментом монополизации управленческих функций узкой группой лиц.

5. Психологически это отчуждение проявлялось в виде отношения к общественным институтам как не своим, а с другой стороны, чрезмерной надежды на них, что также отражает неуверенность трудящихся в собственных силах и желание делегировать часть своих прав по распоряжению и управлению общественной собственностью государственным институтам.

6. Все это позволяет сделать вывод о том, что в условиях советского общества мы имели дело не столько с отчуждением продукта труда, сколько с отчуждением процесса труда, а также опосредованных звеньев, обеспечивающих функционирование системы формального обобществления (политических, социальных и экономических институтов), о чем справедливо писал Ильенков¹. Вот это самое отчуждение опосредованных звеньев, «форм регламентации» вело к сохранению технического отчуждения социальной жизни. Техническое, а не социальное, потому что оно было связано уже не с

¹Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» // Философия и культура. М.:Издательство Московского психолого-социального института, 2010. С. 254-255.

капиталистической эксплуатацией человека человеком, а с технико-технологическим недостатком возможностей советского общества для преодоления всех проявлений отчуждения. Вместе с тем, сохранение технического отчуждения приводило и к рецидивам отчуждения социального, что особенно проявлялось в отчуждении политической жизни.

7. Таким образом, если на распределительном уровне производственных отношений отчуждение было относительно снято, то в технико-технологическом и организационно-техническом уровне мы подошли лишь к созданию некоторых условий для такого снятия, но самого снятия не произошло. Р.И. Косолапов в уже цитированной работе «Социализм: к вопросам теории» достаточно точно описал данный феномен: «социальное освобождение труда, т.е. ликвидация его социального отчуждения, намного опередило ликвидацию «технического отчуждения». Создалось реальное противоречие в развитии свободы, в основании которого лежит опережение некоторыми экономическими отношениями... развития технического базиса... Именно отставание последнего тормозит в ряде случаев уже подготовленное общественными отношениями возрастание потребности в труде»¹. Таким образом, несмотря на то, что результаты труда присваивались, так или иначе, всем обществом, управление этими результатами осуществлялось посредством отчужденных от трудящихся звеньев, сам же факт наличия таких отчужденных звеньев связан с сохранением технического отчуждения.

8. Путь к преодолению социального отчуждения (определенная технико-технологическая отчужденность, вероятно, будет присутствовать во все времена) по мнению ряда авторов² (мы к ним присоединяемся), лежит через развитие производительных сил, устранение ручного труда, классового

¹Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М.: Изд-во «Мысль», 1975. С. 250-251.

²Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007; Бузгалин А.В. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода //Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практики социального освобождения. / Под общей ред. Славина Б.Ф. М.: УРСС, 2013. С. 80-170; Славин Б.Ф. О социальном идеале Маркса. Изд. второе. М.: УРСС, 2013; Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М., 1996 и др.

господства, сокращение рабочего дня и преодоление разделения труда на умственный и физический. Только в преодолении социальных и технических сторон отчуждения возможно преодоление отчуждения как такового.

Сохранение технического отчуждения даже в отсутствие социально-классового, связанного с частной собственностью на средства производства, тем не менее, создавало потенциальную возможность для возрождения частнособственнических отношений и, следовательно, появления социально-классового отчуждения, что в итоге и произошло в СССР.

9. Вместе с этим, существуют и другие концепции, связывающие преодоление отчуждения с развитием института частной собственности и свободного предпринимательства¹. Однако, как показывает опыт последних 25 лет, данные институты так и не смогли привести к освобождению человека от видимых и невидимых оков, а использование возможностей частной собственности смогли себе позволить лишь наиболее состоятельные слои общества. Неоднозначность мнений по этому вопросу говорит о сложности самой проблемы, которая носит дискуссионный характер и нуждается в дальнейшей разработке.

Если исходить из трактовки отчуждения как неизбежного спутника частнособственнических отношений, то очевидно, путь к его преодолению может проложить только победа новых отношений, основанных на обобществлении труда и производства, а также собственности на средства производства. Иными словами, проблема обобществления для преодоления феномена отчуждения встала в полный рост перед советским обществом и носила судьбоносный характер. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В прошлых параграфах мы часто употребляли слово «обобществление». Стоит отметить, что в научной литературе данная категория не получила достаточного развития. Во многом категория «обобществление» повторила

¹Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Норма, 1997. С. 141; Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 500; Милтон, Ф. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 30; Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству: Пер. с англ. / Предисл. Н.Я. Петракова. М.: «Экономика», 1992.

судьбу категории «отчуждение», оставшись неопределенной. Неопределенность же порождает употребление данной категории как бы между делом, без четкого обозначения ее смысла.

В самом общем виде под **обобществлением** традиционно понимается *процесс перехода средств производства в общее владение*. Иными словами, процесс обобществления означает становление общественной собственности на средства производства и, преодоление частнособственнических отношений и утверждение собственности общественной. Однако такое становление невозможно себе представить без определенных технико-технологических предпосылок.

Именно определенный уровень развития техники и технологий позволяет реализовать те потенциальные возможности, которые таит в себе тот или иной тип собственности. Так, к примеру, частная собственность не могла возникнуть раньше возникновения разделения труда и появления прибавочного продукта, которые в свою очередь явились следствием прогресса в развитии орудий труда. То есть возникновению новой формы собственности (в данном случае частной) и институтов, с нею связанных, предшествовало появление адекватных этой форме орудий труда. Рабство как первая ступенька частнособственнической формации не могла возникнуть в условиях господства примитивных орудий труда и отсутствия прибавочного продукта, потому что рабов не брали в плен (попросту община не имела возможности их прокормить). И именно с момента появления такой возможности (возникновения прибавочного продукта) рабство стало не только возможным, но и исторически необходимым, ведь дополнительная рабочая сила могла существенно увеличить производительность труда. Подробно процесс разложения первобытного общества и возникновение частнособственнических отношений описан в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В эпоху возникновения капитализма обобществление производства прошло несколько этапов от мануфактуры до фабрики. Прежде чем

развиться, капитализм создавал необходимую материальную базу, необходимые для себя производительные силы, которые были бы адекватны новым зарождающимся общественным отношениям. Если капитализм не создал такой технической базы, то, как указывал Маркс, мы имеем дело с формальным, а не реальным, подчинением труда капиталу. И здесь есть очень интересное положение, а именно о том, что *формально социализированный капитализмом труд может быть и обобществлен лишь формально*¹. По Марксу, капитализм уже делает большое дело в развитии этого процесса, обобществляя процесс производства. Монополистический капитализм здесь идет еще дальше.

Таким образом, исходя из вышеприведенного, *обобществление может рассматриваться с двух точек зрения: как процесс обобществления труда и производства и обобществление средств производства*. Р.И. Косолапов указывает, что «обобществление труда и производства относится к процессу; обобществление средств производства... есть лишь разовый акт, или его момент»². То есть обобществление средств производства, которому в литературе зачастую уделяют основное внимание, с этой точки зрения является лишь моментом более масштабного в историческом смысле процесса – обобществления труда и производства. Далее Косолапов продолжает: «к обобществлению труда и производства относится введение машин с соответствующей им коллективистской технологией и строительство дорог; дополнение административных связей между предприятиями и регионами связями экономическими и технологическими и налаживание обмена опытом; межотраслевая миграция кадров и культурное сотрудничество». К обобществлению средств производства относится «замена частной собственности собственностью общественной, групповой собственности – собственностью общенародной»³.

¹Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь: Северная Корона, 2004. С. 181.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 287.

Таким образом, мы видим, что обобществление труда и производства, с одной стороны, и обобществление средств производства, с другой, - это два взаимосвязанных процесса. Если обобществление труда и производства не достигло достаточного для социализма уровня, то обобществление средств производства будет неизбежно носить формальный (то есть юридический, опосредованный бюрократическим аппаратом государства) характер, первое время находясь в тесном переплетении с несоциалистическими укладами.

Здесь возникает важнейший теоретический вопрос, на который пока не смогли дать точного ответа ни классики марксизма, ни их последователи и критики, ни современные исследователи теории социализма, а именно: *какой уровень развития производительных сил необходим для реального обобществления, а, следовательно, и низшей фазы коммунизма?* Как мы уже писали, для Маркса, Энгельса и Ленина крупная промышленность является достаточным уровнем для социалистических отношений. Вместе с тем, как было установлено выше, индустриализация и коллективизация не смогли окончательно преодолеть отчуждения и классового деления общества. Получается, что крупная промышленность может быть хорошей *отправной точкой* для движения к социализму, но недостаточной для построенного социализма *как низшей фазы коммунизма?* На этот счет в современной литературе нет однозначного ответа. Часть исследователей придерживаются традиционной в марксистских кругах точки зрения, согласно которой, «утверждение свободного труда предполагает, что техническим базисом сферы материального производства является крупная промышленность»¹. К подобным исследователям относятся представители научного коллектива «Фонд рабочей академии»², куда входят такие ученые как О.И. Галко, И.М.

¹ Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 137.

² Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Уроки и перспективы социализма в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997; Попов М.В. Развитие Лениным учения Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата // Ленин в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. 22 апреля 2013 года, Разлив / под ред. д-ра филос. наук М.В. Попова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 92-98; В.И. Ленин в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции.

Герасимов, А.С. Казеннов, М.В. Попов и другие исследователи разных направлений. Некоторые авторы, приводимые нами ранее, связывают наступление социализма с развитием постиндустриального общества. Так или иначе, вопрос степени развитости производительных сил для возможности развития социалистического способа производства остается дискуссионным в современной социально-философской мысли.

Стоит отметить, что в СССР успешно и в кратчайшие сроки были проведены индустриализация и коллективизация. Несмотря на различные оценки этих явлений, можно констатировать, что советскому обществу был обеспечен скачек в развитии промышленности и сельского хозяйства, что позволило догнать и перегнать Западные страны по темпам роста производства. Это существенно помогло Советскому государству приблизиться к ним по основным показателям промышленного развития уже к концу 1930-х годов, а также подготовиться к войне и выиграть ее.

Казалось бы, создав крупную промышленность и проведя коллективизацию сельского хозяйства, формальность обобществления должна была бы уйти в прошлое, уступив место обобществлению на деле. Но этого не произошло. Как мы уже говорили выше, процесс обобществления имеет две стороны: обобществления процесса труда и производства и обобществление собственности на средства производства. В Советском Союзе реальное обобществление затронуло отчасти обе стороны. Действительно был создан единый народно-хозяйственный комплекс, разветвленная структура промышленности, единая энергосистема, по последнему слову науки и техники был оснащен военно-промышленный комплекс (ВПК), страна осваивала космическое пространство. С другой стороны, касательно обобществления средств производства мы имели целые сферы, которые обобществлялись не формально, а непосредственно. Конечно, прежде всего, это относится к социально-экономическим и

культурным правам советских граждан, которые были полностью выведены за пределы товарно-денежных отношений и распределялись «по труду» (а в некоторых случаях и по потребностям). Любой человек имел не номинальную, а вполне реальную возможность получать образование, проходить бесплатное лечение, а также отдыхать за символическую плату. Сюда же стоит отнести и невысокий уровень оплаты жилищно-коммунальных услуг, как и государственное распределение самого жилья. Во многом это было возможно благодаря общественным фондам потребления, которые достигали почти половины заработной платы населения. Так, к примеру, в 1973 году выплаты из общественных фондов потребления составили 36,3% средней денежной заработной платы¹. Именно в этих социальных гарантиях, общественных фондах потребления, в этой не денежной доле в доходах трудящихся СССР проявлялась реальная, а не номинальная (формальная) общественная собственность. Прибавочный продукт возвращался труженикам в форме социальных гарантий и низких тарифов ЖКХ, транспорта и пр. Но реальное обобществление средств производства распространялось далеко не на все сферы и даже там, где действовало реально, жестко опосредовалось государственными структурами, которые в свою очередь не были тем, о чем думали Маркс и Ленин. Недостаточно развитый уровень обобществления труда и производства приводил к формальному обобществлению и средств производства.

Для обобществления собственности на средства производства не только формально, но и на деле необходим определенный уровень технико-технологического развития производственных отношений, который бы смог позволить общественной собственности раскрыть свои потенции. Такой уровень техники позволит организовать учет и контроль, без которого не мыслим социализм (ведь чтобы реализовать общественное владение средствами производства, а также реализовать принцип «по труду»

¹Народное хозяйство СССР в 1973 году. М., 1974. С. 585.

необходимо наладить жесточайший учет, контроль, планирование производства и потребления, а без определенного уровня развития техники и технологий это не представляется осуществить на практике). Кроме этого для реального обобществления необходимо развитие институтов Советской демократии. Увы, но в СССР, реальное обобществление не стало доминирующим, ни в технико-технологическом аспекте, ни тем более в политическом. Процесс же формального обобществления проявлялся в нескольких аспектах.

Во-первых, это **национализация** социалистическим государством средств производства, коллективизация сельского хозяйства (в которой, кстати говоря, сохранялись единоличники еще и после Великой Отечественной Войне). Так, если в 1928 году социалистическая собственность составляла 77,8% (97,9 в промышленности и 63,6 в сельском хозяйстве), то к 1936 году этот показатель стал составлять 98,7% (99,95% в промышленности и 96,3% в сельском хозяйстве)¹. Таким образом, процесс формального обобществления был завершен в СССР к 1936 году. Не стоит считать формальное обобществление негативным фактором. На определенном этапе становления низшей фазы коммунизма оно сыграло решающую роль в технико-технологическом скачке производственных отношений. Так, усилия первых «пятилеток» позволили в кратчайшие сроки добиться успехов и показать экономическое чудо советской экономики.

Во-вторых, политическая сверхцентрализация, которая привела к образованию особой касты людей (так называемая «номенклатура»), которые превратились в относительно независимый от масс социальный слой и со временем оказались заинтересованы в том, чтобы стать социальным классом, а это означало заинтересованность в реставрации капитализма. Вопрос о Советском государстве еще будет рассмотрен в дальнейшем, здесь отметим, что без наличия развитой политической надстройки в виде реально

¹20 лет Советской власти (Статистический сборник) ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б), Москва, 1937 [электр. ресурс] URL: http://www.great-country.ru/content/sss_r_stat/20_let_sov_vlasti/20let.php (дата обращения 12.03.15).

функционирующих институтов социалистической демократии общественная собственность даже при наличии достаточно высокого технологического уровня будет оставаться «общественной» лишь формально. Трудящиеся будут номинальными собственниками, но управленческие и распорядительные функции останутся в руках партийно-государственного аппарата власти.

В-третьих, результатом формального обобществления была **недостаточность функционирования плановой экономики**, то есть того самого учета и контроля, который, по мысли Ленина, должен был быть строжайшим в социалистическом обществе. Вопреки доводам западных советологов и их последователей из либерально-ориентированных исследователей в России о чрезмерной «централизации» и «всесилии партийного бюрократического контроля»¹, исследование противоречий советского общества приводит нас к противоположным выводам. С нашей точки зрения, советскому обществу недоставало централизованности и плановости в экономическом развитии. Попытки ускорить темпы роста за счет введения элементов рынка в 1965 году лишь ухудшили ситуацию. Начиная с 1960-х годов, стала усиливаться групповая собственность, а вместе с ней и местнические устремления. Культивирование товарно-денежных отношений в условиях социализма в теории постепенно воплощалось на практике. Номенклатура уже не была заинтересована в радикальных изменениях в способе производства, в реальном, а не только номинальном обобществлении труда. В этой связи показательно, что сверхцентрализованная система бюрократизированного аппарата сочеталась с усилением тенденции местничества, обособления предприятий.

Остановимся на наиболее значимых для нашего исследования пунктах. Говоря о плановости в СССР, некоторые исследователи отмечают, что «погоня за прибылью подрывала планомерное ведение хозяйства. Коллектив

¹Ellman M. The Fundamental Problem of Socialist Planning // Oxford Economic Papers. 1978. Vol. 30. № 2. P. 152–159.

предприятия был заинтересован в том, чтобы план по прибыли был перевыполнен (от этого зависела сумма выплат из ФМП), и в этих целях стремился обеспечить себе выгодное плановое задание»¹. Предприятия стремились занижить плановые задания с тем, чтобы их можно было легко выполнить и получить премии. Часто складывалась ситуация, при которой предприятие работало хуже, чем в предыдущем году, но плановое задание выполнило и премии получило².

Другим методом деформации планового хозяйства являлись так называемые «корректировки плана», в ходе которых представители предприятия в конце года приезжали в Госплан и договаривались о снижении норм плана, принятого изначально³. К сожалению, эта практика стала достаточно распространенной. Так, в 1975-1979 гг. 15 министерств и ведомств Азербайджана корректировали план 98 раз⁴. **Здесь проявилось противоречие между плановостью и стихийностью, централизацией управления и местничеством, общенародным интересом и групповым (и даже частным).**

Стоит отметить, что еще в советские времена были идеи, предлагающие альтернативу «расширению товарно-денежных отношений при социализме». В качестве примера можно привести проект Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации (ОГАС) Глушкова В.М. Он предлагал радикальным образом перестроить экономическую систему и внедрить в плановое хозяйство информационно-

¹ Архангельская Н.О. О некоторых причинах реставрации капитализма в СССР. Производственные отношения в СССР в 1960-1980-е гг. // Марксизм и современность № 1-2. 2008. С. 13.

²Коровина З.П. План, технический прогресс, стимулы. М.: Экономика, 1986. С. 34-35,40-41.

³ Кириченко В. О некоторых вопросах дальнейшего совершенствования планирования и управления хозяйством // Плановое хозяйство. №9. 1982. С.58; Иванченко В. Совершенствование планового руководства экономикой // Вопросы экономики. 1980. №10. С.132–133; Рыжков Н. Некоторые вопросы планового руководства экономикой // Плановое хозяйство. 1982. №8. С.11; Орлов Я. Промышленность и торговля: партнёрство должно быть равноправным // Коммунист. 1984. №11. С.50; После выступления журнала // Плановое хозяйство. 1985. №2. С.94; Юнь О. Развивая плановый механизм хозяйствования // Коммунист. 1985. №13. С.47.

⁴ДжабиевР. Спасительные корректировки // Социалистический труд. 1980. № 11. С. 119.

вычислительные технологии¹. Есть все основания полагать, что в случае реализации подобных проектов можно было бы всерьез говорить о значительном шаге вперед в области становления процесса реального обобществления². Тем не менее, эти идеи не были приняты высшим партийным руководством. Внедрение новых вычислительных систем в процесс планирования, с нашей точки зрения, могло существенно усилить его гуманистическую сторону. Отличительной чертой социализма, по задумке основателей марксистской теории, является ориентация всей системы на человека - обеспечение материального изобилия и создание условий для всестороннего развития всех членов общества. Думается, что для реализации этой исторической задачи требуется не только планирование производства, но и всестороннее исследование потребностей общества.

Не лучше обстояло дело и во внешней экономической политике. Руководство СССР в середине 1970-х годов, вместо того, чтобы улучшать качественные показатели развития, использовать в должном объеме новые информационно-вычислительные технологии, которые бы могли существенно упростить бюрократическую систему планирования, стали переориентироваться на поставку сырья.

И результаты не заставили себя долго ждать. Так, если в 1970 году доля машин в советском экспорте составляла 21,5%, то к 1987 году она сократилась до 15,5%. Если говорить про импорт, то там доля машин

¹ Глушков В. М. Введение в АСУ. К.: «Техника», 1972; Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: «Статистика», 1975; Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. «Наука», 1982 г; Глушков В. М. Электронные вычислительные машины и их значение для развития народного хозяйства// Кибернетика на транспорте. Киев : Изд-во РДНТП. 1961; Глушков В. М., Валах В. Я. Что такое ОГАС? «Библиотечка „Квант“». Выпуск 10.

² См. подробнее о проекте Ретинский Станислав. Общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации (ОГАС) Проект ОГАС: несбывшееся грядущее [электр. ресурс]. URL: <http://www.krasnoetv.ru/node/17142> (дата обращения 13.03.15.); Самарский А. ОГАС (Общегосударственная Автоматизированная Система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством СССР) [электр. ресурс] URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/72058/> (дата обращения: 12.05.15); Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. М.: ЛЕНАНД, 2014.

поменялась с 35,6% до 41,4% соответственно. В то же время резко выросли поставки сырья на Запад. Если в 1970 году экспорт топлива составлял 15,6% от советского вывоза, то к 1987 году он возрос до 46,5%¹. К 1979 году доля энергоресурсов в экспорте стран СЭВ составила уже 58,8%, в то время как в 1971-1975 гг. аналогичный показатель составлял лишь 14,5%². Переход на сырьевой путь развития являлся следствием отсутствия намерений у руководства СССР приближаться к бесклассовому общественному строю, а оно, в свою очередь, стало опять же результатом чрезмерно длительной задержке на этапе формального обобществления.

Увеличение экономических связей и экономической зависимости стран СЭВ от стран Запада, а, следовательно, ростков социализма от мирового капитала, что не могло не ослаблять коммунистическую тенденцию и усиливать тенденцию капиталистическую.

Стоит отметить, что проблема «нефтяной иглы» стоит и сегодня перед Россией и серьезно замедляет темпы ее инновационного развития, а, следовательно, ослабляют конкурентоспособность на мировом рынке. В условиях санкций Запада, Россия столкнулась с проблемой само обеспечения продовольствием, промышленным производством, недостаточно сильным развитием высоких технологий. Думается, что альтернатива, вставшая перед Советским Союзом в 1970-е годы и сегодня актуальна для современного политического руководства российского государства: либо «сырьевой придаток» Запада, либо самодостаточная экономика, внедрение новейших технологий, развитие промышленности. Опыт СССР показывает нам, что без ставки на научно-технический прогресс, развитие отечественного производства, будет проблемным обеспечить конкурентоспособность государства, а, следовательно, и его политическую дееспособность на мировой арене.

¹ СССР в цифрах в 1987. М. 1988. С. 32-33.

² Экономические отношения стран СЭВ с Западом. М.: Наука, 1983. С. 128-129.

Тормозил формальный характер обобществления и увеличение производительности труда. Как сообщает М.В. Попов, «в 1950 г. Советский Союз по сравнению с США, Францией, Англией, ФРГ и Японией занимал пятое место по производительности труда в промышленности, уровень которой составлял 30% уровня, имевшегося в США.

Благодаря тому, что с 1951 по 1960 г. темпы прироста производительности труда в промышленности СССР составляли в среднем 7,3% в год, уже к 1960 г. Советский Союз вышел на третье место в мире по этому показателю, обогнав Англию и ФРГ и сохранив значительное превышение по сравнению с Японией (в СССР — 44% уровня США, а в Японии — лишь 22%).

В следующее десятилетие (с 1961 по 1970 г.) среднегодовые темпы прироста производительности труда в нашей промышленности составили 5,6%. Эти темпы позволили известное время удерживать достигнутые позиции, хотя разрыв в показателях между СССР и ФРГ стал сокращаться»¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что темпы прироста производительности труда на уровне около 5,5% в год, хотя и позволяли продолжать догонять США, но были явно недостаточны, чтобы удержать лучшее место в соревновании по данному показателю, в сравнении с ФРГ и Японией.

С 1971 по 1975 г. темпы прироста производительности труда удерживались в среднем как раз на уровне 6% в год, тем не менее в 1975 г. мы оказались уже не на третьем, а на четвертом месте, пропустив вперед ФРГ»².

Если принять уровень производительности труда в промышленности США в 1980 г. за 100%, то на втором месте оставалась Франция (92,3%), на третьем — ФРГ (65,9%), на четвертое место вышла Япония (61,2%). Наша

¹ Попов М.В. Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. Ленинград, Изд-во Ленинградского государственного университета, 1986. С. 93.

² Там же, С. 94.

страна с 1975 г. имела более 55% американского уровня.³ То есть, Советский Союз смог достигнуть относительно неплохого уровня производительности труда для капиталистической страны, но не смог добиться того, о чем говорил Ленин, – создать более высокую производительность труда, чем в развитых капиталистических странах.

Весьма показательное формальное обобществление показало себя в особенностях становления и развития товарного производства в советском обществе. На эту тему в Советском Союзе проходило множество дискуссий сторонников и противников развития товарно-денежных отношений при социализме. Да и по сей день в различных кругах исследователей специфики советского общества вопрос о товарном производстве при социализме вызывает полемику, в ходе которой есть как сторонники широкого применения товарно-денежных отношений в условиях социализма (Ацюковский В.А., Бударин В.А., Братищев И.М., Босенко В.А., Клоцвог Ф.Н., Славин Б.Ф., Семенов В.С.), так и противники (Казеннов А.С., Косолапов Р.И., Попов М.В., Пихорович В.Д., и другие). Вместе с этим очевидно, что считать товарным производством обмен, осуществляемый в рамках одной формы собственности, было бы неправильно, ведь главная суть товара и состоит в отчуждении продукта от одного собственника другому, притом отчуждении за деньги. И формально товарного производства в рамках государственного сектора в СССР действительно не было. Товарным производством было лишь по форме обмена (деньги, форма наймничества и пр.). Фактически же из-за недостаточного уровня обобществления труда и производства (формального обобществления) товарное производство постоянно давало о себе знать вопреки социалистической системе хозяйства. Продажа «налево», приписки к плану, «корректировки» планов, расхищения общественной собственности, появление «теневиков» - все это процессы, происходившие из-за недостаточно тесной связи между предприятиями государственного сектора, из-за сильного группового элемента, который

³СССР в цифрах в 1985 г. М., 1986. С.51.

часто ставился выше общенародного, иными словами, из-за длительного сохранения формального обобществления. Эти явления хотя и преследовались по закону, происходили вопреки социалистической системе хозяйства, но были вполне закономерны в условиях чрезмерного обособления предприятий и недостаточного уровня обобществления, а законы общественного развития, как известно, всегда берут верх над юридическими нормами.

Феномен «теневой экономики» в СССР исследовался как отечественными¹, так и западными² учеными. По данным некоторых авторов³, «годовая стоимость нелегально произведенных товаров и услуг в начале 1960-х годов составляла примерно 5 миллиардов рублей, а в конце 1980-х годов достигала уже 90 миллиардов рублей. В текущих ценах ВВП СССР составлял (в миллиардах рублей): в 1960 году – 195; в 1990 году – 701. Таким образом, экономика СССР за тридцатилетие выросла в 3,6 раза, а теневая экономика – в 14 раз». Эти цифры означают, что в 1970-е годы несоциалистический уклад усилил свои позиции в 14 раз, тогда как социалистический лишь в 3,6 раза. Также «к концу 1970-х годов удельный вес лиц, занятых во «второй экономике», доходил до 10-12% общей численности рабочей силы в СССР», а «в 1974 году на долю работы на частных и приусадебных участках приходилась уже почти треть всего рабочего времени в сельском хозяйстве. А это составляло почти 10% всего рабочего времени в экономике СССР»⁴.

¹ Сигов В.И., Смирнов А.А. Теневая экономика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов 1999; Еремин А.М. В дебрях реставрации капитализма (от перестройки к деградации экономики) // «Изм». № 2 (13). 1997. С. 3-140; Катасонов В.Ю. Теневая экономика в СССР: с чего все началось [электр. ресурс] URL: <http://www.km.ru/economics/2014/02/03/istoriya-sssr/731316-tenevaya-ekonomika-v-sssr-s-chego-vse-nachalos> (дата обращения: 12.05.15).

² Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР. Массово-политическое издание. М.: Алгоритм, 2010. Советский проект.

³ Катасонов В.Ю. Теневая экономика в СССР: с чего все началось [электр. ресурс] URL: <http://www.km.ru/economics/2014/02/03/istoriya-sssr/731316-tenevaya-ekonomika-v-sssr-s-chego-vse-nachalos> (дата обращения: 12.05.15).

⁴ Там же.

Возникновение подобных явлений вкупе с отрывом партийно-государственной верхушки от рабочего класса приводило к появлению параллельной экономической реальности, которая все больше и больше вступала в противоречие с задачами развития социалистических отношений. С одной стороны, функционировала формально (а отчасти и реально) общенародная собственность на средства производства, с другой стороны, из-за недостаточного обобществления труда и производства шли процессы возникновения поначалу подпольного, а затем и поощряемого на высшем уровне, развития товарно-денежных отношений в тех сферах, где по логике системы социализма должны были действовать социалистические механизмы. Оторванная от масс партийная верхушка (или, как ее еще называют, «номенклатура») превратилась в социальный слой, отличающийся особым местом в системе общественного производства. Для того, что бы стать классом, этому слою необходимо было превратиться еще и в собственника средств производства, то есть стать новой буржуазией. Подобная ситуация нам показывает, что в таких условиях смычка подпольных миллионеров («спекулянтов») с определенной частью партийно-государственно-хозяйственной номенклатуры была неизбежна. Думается, что «теневая экономика» наиболее наглядное проявление **противоречия между формальным и реальным обобществлением**. В этой связи остановимся подробнее на эволюции социальных классов и отношений между ними в советском обществе

§ 3. Развития социально-классовых отношений и государства в советском обществе: тенденции и противоречия

Прежде чем начинать рассмотрение социально-классовую структуру и динамику ее изменения в советском обществе, обратимся к самой категории «класс». В современной литературе существует несколько подходов к пониманию класса. Среди основных можно выделить марксистскую теорию

классов и теорию социальной стратификации, которую разработали такие ученые, как М. Вебер и П.А.Сорокин.

Первая концепция была господствующей в Советском Союзе, вторая получила серьезное распространение в РФ после реставрации капитализма как попытка создать альтернативу марксистско-ленинской теории классов. Суть теории социальной стратификации в том, что классы делятся по нескольким критериям, среди основных можно назвать: уровень дохода, профессиональную деятельность, образования, отношение к власти. Важным элементом этой теории является учение о социальной мобильности и «социальных лифтах», которые позволяют человеку перемещаться из одного класса в другой. К таким социальным лифтам относят образование, работу, армию, политику и др. Несмотря на то, что данный подход к рассмотрению классов получил достаточно большое распространение в литературе, с нашей точки зрения, он не лишен недостатков и часто наталкивается на противоречия с жизнью. Так, к примеру, люди с одинаковым уровнем образования и одинаковой заработной платой могут, тем не менее, занимать отнюдь не одинаковое место в системе общественного производства. К примеру, наемный инженер и хозяин небольшой фирмы может получать примерно одинаковый доход и обладать одинаковым уровнем образования, тем не менее, в одном случае перед нами пусть не большой, но собственник средств производства, который может распоряжаться своим предприятием и рабочей силой, которая на этом предприятии работает. В другом случае наемный работник с совершенно иным набором прав и обязанностей. Не меньше вопросов вызывает так называемый «социальный лифт», который доступен отнюдь не всем слоям населения в одинаковой степени. Так, если мы сравним возможность поступить в престижное высшее учебное заведение, то окажется, что у выходца из состоятельной семьи (при равных способностях) она выше, чем у выходца из семьи низкооплачиваемого работника. Безусловно, не стоит игнорировать положительный вклад в социологию представителей теории социальной стратификации, который

состоит в подробном рассмотрении прослоек, социальных групп внутри самих классов. Но, вышеуказанные возражения приводят к тому, что часть современных исследователей при характеристике классов, обращается к марксистской теории (А. С. Казеннов, Б.Ю. Кагарлицкий, Р. И. Косолапов, М. В. Попов, В. Д. Пихорович, В. В. Трушков и другие).

Классическое марксистское понятие «класс» дал В.И. Ленин в работе «Великий почин». Он писал, что «*классами* называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹.

Таким образом, исходя из ленинского определения, можно выделить *признаки класса*: место в системе общественного производства; отношение к средствам производства; роль в общественной организации труда; способ получения доли общественного богатства; размер получения доли общественного богатства.

При этом обращаем внимание, на то, что в марксизме эти признаки класса находятся в тесной взаимосвязи между собой. Так, если говорить о месте в системе общественного производства, которое может быть господствующим и подчиненным, мы неизбежно приходим к критерию отношения собственности на средства производства, ведь именно этот признак класса позволяет четко отделить подчиненные классы от господствующих. С точки зрения марксизма, классы трудящиеся являются эксплуатируемыми и, как правило, лишены собственности на средства производства, а эксплуататоры ею, напротив, только и владеют.

Соответственно и **роль в общественной организации** труда у них разная. Здесь можно наблюдать интересное единство противоположностей. С

¹Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 15.

одной стороны, господствующие классы осуществляют владение, управление и распоряжение средствами производства, подчиненные же классы выступают в роли исполнителей. С другой стороны, именно подчиненные классы занимаются непосредственным созданием материальных и духовных ценностей, то есть без трудящихся классов класс собственников не сможет присваивать прибавочную стоимость. Зачастую класс собственников самоустраняется и от управленческих функций, делегируя их наемному персоналу управленцев.

В конечном счете, все эти признаки определяют и **способ получения доли общественного богатства** теми или иными представителями общества, что является одним из ключевых признаков класса. На наш взгляд, способов получения доли общественного богатства при капитализме можно выделить три: присвоение результатов чужого труда посредством покупки рабочей силы при наличии собственности на средства производства; продажа своей рабочей силы при отсутствии собственности на средства производства; работа на себя при наличии собственности на средства производства.

Способ получения доли общественного богатства существенно влияет на классификацию классов. К примеру, того, кто продает свою рабочую силу и работает за зарплату, можно считать пролетарием, того же, кто покупает рабочую силу и недоплачивает рабочему, владеет собственностью на средства производства, принято называть капиталистами. Те же, кто работает, но при этом владеет средствами производства и присваивает прибыль (или часть прибыли) принято называть колеблющимися элементами, мелкой буржуазией, самозанятыми, которые сочетают в себе как труженика, так и собственника, а, следовательно, потенциального эксплуататора.

Следует четко понимать, что в современных условиях характер труда (физический, умственный, производительный, управленческий и пр.) не влияет определяющим образом на классификацию классов. Ведь пролетарии могут продавать свой товар – рабочую силу, как в сфере физического труда,

так и в сфере умственного, что не может влиять на их пролетарскую сущность. В этом смысле интересны позиции современных авторов, рассматривающих пролетариат в более широком смысле, как всех наемных работников как физического, так и умственного труда.

Размер доли получения общественного богатства является логическим следствием всех вышеперечисленных признаков класса. Если в теории социальной стратификации уровень доходов является одним из ключевых, то в марксистской теории классов этот критерий является производным из критерия отношения собственности на средства производства.

Взглянем с указанных методологических позиций на социально-классовую структуру советского общества.

Как мыслили основоположники марксизма, социализм должен был ликвидировать классовые различия, что означает «не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками»¹. Таким образом, исходя из вышеуказанного положения, *уничтожения классов в социально-экономическом смысле необходимо не только ликвидировать эксплуатацию человека человеком, но и выйти на качественно новый уровень развития производительных сил, который бы помог преодолеть разделения труда на умственный и*

¹ Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 15.

физический, а также противоположность между городом и деревней. В этой связи интересно было бы взглянуть на новую классовую структуру советского общества и динамику ее развития.

Особенности изменения классовой структуры в советском обществе к моменту построения «основ социализма» выделил И.В.Сталин. По его мнению, в Советском Союзе не стало эксплуататорских классов (помещиков и капиталистов), а остались два класса и одна прослойка: рабочий класс, класс крестьян и интеллигенция. Характеризуя каждый из этих классов отдельно, Сталин показывал качественные отличия этих классов в эпоху социализма от того, что они из себя представляли в эпоху капитализма. Так, говоря о рабочем классе, Сталин замечает, что в силу отсутствия капиталистической эксплуатации «пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма»¹. Таким образом, пролетариат перестал в СССР быть пролетариатом в классическом капиталистическом смысле слова.

Эволюционировало и крестьянство, превратившись из класса единоличников (мелкой буржуазии) в класс, ведущий хозяйство на основе коллективной собственности. Хотя здесь стоит отметить, что говорить о полном тождестве классовой природы колхозного крестьянства и рабочего класса в Советском Союзе все же было бы преждевременно. Как справедливо отмечал Р.И. Косолапов, «отличие колхозников от рабочих состоит в том, что, получая плату за труд в общественном хозяйстве, они

¹Сталин И.В.О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года //Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 123.

продолжают еще вести и личное подсобное хозяйство, продукты которого используются на нужды семьи и отчасти идут на рынок»¹.

Поменялось отношение и к интеллигенции. Если раньше интеллигенция рекрутировалась, как правило, из господствующих классов (помещиков и капиталистов), то теперь она плоть от плоти связана с трудящимися (рабочими и крестьянством). Аналогично изменилась роль интеллигенции и по направленности деятельности: раньше это был слой если не враждебный, то настороженно относящийся к советской власти, то теперь интеллигенция превратилась в опору Советской власти.

Эта сталинская интерпретация социальной структуры советского общества, состоящего из двух дружественных классов (рабочего класса и крестьянства) и одной прослойки (интеллигенции), прочно вошла в советские учебники. С этой точки зрения, советскому обществу была свойственная тенденция сближения классов. Собственно, в партийных документах разных лет, где выражалась официальная точка зрения, это было достаточно полно отражено. Так, в материалах XXVI съезда КПСС указывалась цель: «создание общества, в котором не будет деления людей на классы. И можно сказать определенно: мы постепенно, но уверенно продвигаемся к этой великой цели».² Именно союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, по мнению советских обществоведов, являлся социальной основой СССР. Юридически этот союз был закреплен в Конституции СССР 1977 года.³ В современной литературе эта интерпретация социальной структуры советского общества зачастую подвергается критике.

Так, известный советский социолог М.Н. Руткевич пишет в 2004 году, что «сталинская формула «2+1» неточно отражала реальную социально-классовую структуру общества. Например, колхозное крестьянство,

¹ Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М.: Изд-во «Мысль», 1975. С. 431.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. С. 52.

³ Конституция развитого социализма. /Главный ред. Кудрявцев В.Н. М.: Политиздат, 1978. С. 19.

численность которого в послевоенный период уменьшилась, могло обеспечить продуктами питания население страны только с учетом продуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве, доля которых в потребительском списке советских людей постоянно увеличивалась». Отсюда исследователь делает вывод: «советское сельское хозяйство – это гибрид общественного и личного хозяйства».¹ Данное замечание весьма значимо, так как содержит в себе понимание противоречия личной и общественной собственности, которые хоть и не вступают в антагонистические отношения, но и не могут отождествляться. Наличие личной собственности в виде личного подсобного хозяйства – экономическая база для того, что в марксизме принято называть «мелкобуржуазным» сознанием, когда интересы личного противопоставляются общественному и ставятся выше последнего.

Некоторые социологи и философы (З.Бауман, В.Веселовский, С.Новак), которые представляли социальную структуру СССР и государств социалистического блока как иерархическое общество с размытыми границами.² Зарубежные социологи и политологи (Д.Бернхем, М. Джилас, Б.Рицци)³, изучая социальную структуру советского общества, нередко делали вывод о двухклассовой системе: зависимые, лишенные собственности работники и господствующая номенклатура. Аналогичную позицию занимают и некоторые российские исследователи социальной структуры советского общества (М. Восленский, Ю.И. Семенов, С. Д. Хайтун, В.П. Макаренко⁴). Так, к примеру, автор концепции «политарного способа производства» Ю.И. Семенов писал, что советское общество делилось на две большие части: владельцев средств производства и тех, кто, будучи лишен средств производства, работал на их собственников. Собственниками же средств производства, по мнению Семенова, «являлись люди, входившие в

¹Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа, 2004. С.115.

² Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.

³Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

⁴ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989.

состав государственного аппарата»¹. Есть и другие разновидности подобной точки зрения (Заславская Т.И., Никонова С.И.). Так, Т.И. Заславская выделяет уже три класса в социальной структуре советского общества, но господствующим непременно определяет номенклатуру. Она пишет, что «социально советское общество поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой. Но это не те классы, и не та прослойка, записанные в Конституции СССР. Высший класс составляет так называемая номенклатура, объединяющая высшие слои партии, военной, государственной и хозяйственной бюрократии...Низший полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывает рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Социальная прослойка между высшим и низшим классами советского общества многочисленна и гетерогенна. Ее образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, помогающие ей, удовлетворяющие ее многообразные потребности»².

С нашей точки зрения, вышеуказанные позиции зачастую путают понятие социального класса и социального слоя, оттого, советское общество зачастую преподносится как общество, в котором господствует номенклатура. На наш взгляд, номенклатура не является классом, в противном случае возникает вопрос, почему господствующая номенклатура в большинстве своем приветствовала переход к рыночной экономике, если они и так были господствующим классом? Зачем нужно было вводить частную собственность на средства производства? Здесь же можно выделить еще одно противоречие советского общества, а именно – **противоречие между интересами части правящего слоя и социалистическим строем.**

Говоря о социальной структуре советского общества и динамике ее изменения, стоит отметить, что за время строительства социализма почти

¹ Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2011. С. 137.

²Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельно-структурная концепция. М.:ИД «Дело», 2002. С. 96-98.

полностью исчезли единоличники в сельском хозяйстве и существенно сблизились остальные слои общества. Так, в результате преобразований в 1930-е годы доля рабочего класса выросла с 9 до 24 млн. человек (стала составлять 33,7% от общей численности населения СССР). Городское население за годы первых пятилеток выросло с 26,3 млн. человек в 1926 году (что составляло почти 18% от общей численности населения) до 56,1 млн. человек в 1939 году (то есть более чем в 2 раза) и составило почти 33% к общей численности населения СССР. Число же занятых в сельском хозяйстве, напротив, уменьшилось со 120,7 млн. человек (82% от общей численности населения) в 1926 году до 114,5 млн. человек (67,1% от общей численности населения) в конце 1939 года¹. В 1934 году удалось победить безработицу. Росла и численность работников умственного труда (интеллигенции и служащих). С 2,9 млн. человек в 1926 году она увеличилась до 14 млн. в 1939 году и составила 16,5%. В то же время численность единоличников и кустарей составляла всего 2,6%².

В дальнейшем развитии советского общества тенденция становления социально однородного общественного строя продолжалась. Численность рабочих увеличилась с 23,9 млн. в 1940 году до 82,1 млн. в 1987. Доля колхозного крестьянства, которое в кратчайшие сроки вытеснило единоличников, напротив, сократилась с 29 млн. в 1940 году до 12,2 млн. в 1987. Сильно наметился рост служащих (куда обычно включали работников умственного труда). Этот слой увеличился с 10 млн. в 1940 году до 36,5 млн. в 1987 году³. Продолжали увеличиваться и реальные доходы населения вместе с развитием социальной сферы. Исходя из вышеприведенных цифр, идея бесклассового общества в СССР далеко не такая утопичная, как иногда кажется. Действительно, в Советском Союзе одной из тенденций развития

¹СССР в цифрах. Статистический сборник. М.:Государственное статистическое издательство, 1958. С. 7.

2

Курс отечественной истории IX-XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе. / Под ред. Ольштынского, Л.И. М.: ИТРК, 2002. С. 329-331.

³Труд в СССР: статистический сборник. М., 1988. С. 26.

социальной структуры и межклассовых отношений было сближение различных классов и стирание межклассовых различий. Вместе с этим, преждевременно было говорить о полном единстве интересов и отсутствии классовой борьбы.

Выросли и реальные доходы населения. Так, в сравнении с самым успешным дореволюционным годом - 1913-м, к 1940 году реальные доходы рабочих увеличились в 2,5 раза, а крестьян в 2,3 раза¹. Росло и потребление продуктов питания. Так, как сообщает бельгийский историк ЛюдоМартенс, «потребление колхозников в 1938 году увеличилось по сравнению с потреблением крестьян при прежнем режиме по хлебу и муке на 125 процентов; картофелю - на 180 процентов; по фруктам и овощам - на 147 процентов; по молоку и молочным продуктам - на 148 процентов; по мясу и колбасе - на 179 процентов»².

Из этого можно сделать вывод, что к концу 1930-х годов сформировался индустриальный тип производства с усиливающейся тенденцией формирования однородной социальной структуры. Стоит отметить, что не все авторы исследователи одинаково интерпретируют данную тенденцию. Так, Ю.С. Пивоваров считает, что В СССР в 1950-1980-е годы был создан многочисленный советский «средний класс», который стал претендовать на больший доступ к информации, участие в принятии решений и т.п.³ С ним соглашается А. Г. Караткевич, дополняя эту мысль выделением конкретных социальных слоев, по его мнению, входящих в «советский средний класс». Так автор относит к ним многочисленные группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, объединенные общественно-значимыми целями и представляющими серьезную политическую силу, которая не была принята в расчет существовавшей в то время властью⁴. То есть здесь

¹ См. там же. С. 332.

² Людо Мартенс. Запрещенный Сталин. М : Яуза: Эксмо, 2012. С. 129.

³ Пивоваров Ю.С. И в развалинах век // Полис. 2011. № 6. С. 73.

⁴ Караткевич А.Г. Трансформационные процессы в постсоветских обществах: системный диалог как основа политической стабильности (на примере России и Беларуси). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М. 2013. С. 22.

основное противоречие в советском обществе усматривается между так называемым «советским средним классом» и номенклатурой. С нашей точки зрения, при правильности в констатации отдельных внешних проявлений этого противоречия, этот подход в тоже время не лишен и недостатков. Основным недостатком этой позиции, по нашему мнению, в методологическую ограниченность самой категории «средний класс», о которой мы уже говорили выше. К так называемому «среднему классу» относились как в Советском Союзе, так и в современной России очень разные социальные слои, представляющие неоднородные политические взгляды. Так, к примеру, если мы возьмем гуманитарную и «творческую» интеллигенцию, то значительная ее часть была настроена более чем критически в отношении не только «номенклатуры» и советского общества, но и самой идеи построения социализма и коммунизма. Это хорошо проявилось при переходе к рыночной экономике, когда многие вчерашние пропагандисты «развитого социализма» быстро «переквалифицировались» в сторонников либерализма и «правового государства». Но ведь была и другая часть «среднего класса», которая восприняла «перестройку» и дальнейшие рыночные реформы в штыки. Прежде всего, сюда можно отнести инженерно-техническую интеллигенцию, активно проявившую себя в протестном движении 1990-х годов, которое носило прокоммунистический и просоветский характер. Да и определенная (не самая многочисленная) часть гуманитарной интеллигенции также осталась на позициях марксизма и вошла в оппозиционное антикапиталистическое просоветское движение в 1990-е годы. Таким образом, при определенных внешних противоречиях между «средним классом и номенклатурой», важно давать четкие критерии того, о каких именно отрядах «среднего класса» и номенклатуры (которая тоже далеко не однородна) идет речь.

Что бы точно выделить основные тенденции в межклассовых отношениях советского общества, важно правильно ответить на вопрос о том, что являлось характерным для советского общества направлением:

классовая борьба или морально-политическое единство советского народа? И если классовая борьба, то кого с кем? Исходя из вышеприведенных цифр, может показаться, что советское общество было свободно от каких-либо классовых противоречий. Рассмотрим вопрос несколько подробнее.

Для начала отметим, что классовая борьба есть результат классово-антагонистических противоречий в обществе, противостояние господствующего класса и эксплуатируемого. В работе «Что делать»¹ Ленин выделял несколько форм классовой борьбы: экономическую, политическую, теоретическую (или, как еще ее называют, идеологическую). Каждая из этих форм соответствует определенной степени зрелости. Так, экономическая форма классовой борьбы ведется, как правило, в рамках капиталистического строя и состоит в завоевании более выгодных условий для продажи своей рабочей силы. Эту борьбу ведут профессиональные союзы. Политическая борьба ведется за государственную власть, сопряжена, как правило, с революционными процессами, когда борьба ведется не за улучшение своего положения в рамках системы, а против самой системы. Теоретическая (идеологическая) борьба ведется посредством идеологического противостояния различных классов, что выражается в борьбе идеологий, философских теорий, религиозных и атеистических учений и пр.

Таким образом, мы видим, что классовая борьба - явление многостороннее и не сводимое только лишь к прямым столкновениям между классами.

Вопрос о классовой борьбе в условиях становления и развития социализма дискутировался *на рубеже 1920-1930-х годов*. Основной спор тогда был между точками зрения Сталина и Бухарина. Полемика, безусловно, носила политический характер, но в данном случае нас интересует именно теоретическая сторона самого спора.

¹См. Ленин В.И. Что делать? // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1963. Т. 6. С. 26-27.

Так, Бухарин заявлял: «основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа... кулацкие кооперативные гнезда будут... вращаться в эту же систему»¹. Н. И. Бухарин считал, что «кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься»², и поэтому они сами собой начнут «вращаться» в систему социалистических отношений. С точки зрения Бухарина, нэп в том виде, каким он был к концу 1920-х годов с эволюционным путем развития, и должен был стать магистральным путем к низшей фазе коммунистической формации. Из этой точки зрения автоматически вытекал и тезис о затухании классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Действительно, если социализм приводит к сближению различных классов, к становлению социально однородного общественного строя, то чем ближе к социализму, тем дальше от классовой борьбы, а значит можно говорить и о демократизации политической системы, снижении темпов промышленного роста, да и вообще сворачивании мобилизационной модели развития.

Иную точку зрения представлял Сталин. Он, напротив, считал, что «уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления»³. Здесь логика была примерно такой: в условиях, когда советская власть только что перенесла Гражданскую войну (прошло всего чуть более 10 лет, что по историческим меркам крайне мало), имела вокруг себя враждебное окружение и внутреннюю опору этого окружения (кулачество), классовые противники из всех сил стараются и будут стараться ослабить ее и восстановить старые порядки. Именно поэтому, если мы хотим построить социально однородное общество, то сначала должны пережить этап ожесточенной классовой борьбы с теми, кто будет этому препятствовать.

¹ Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 375-376.

² Там же.

³ Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. // Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 211.

И эта позиция понятна, когда речь идет о переходном периоде. Но как быть, если «эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность утверждена как незыблемая основа»¹, в результате чего «мы имеем теперь новую, социалистическую экономику»²? Ведь именно так было охарактеризовано советское общество к середине 1930-х годов.

Сталин давал следующий ответ на этот вопрос: чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будет сопротивление со стороны международного капитала и его агентуры в СССР³. С первого взгляда, это утверждение имеет мало общего с логикой. Вроде бы антагонистических классов нет, а классовая борьба обостряется. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении, становится понятным, что данное положение вытекает из широкого понимания классовой борьбы. По Сталину, классовая борьба будет обостряться и при социализме в силу того, что хоть внутри страны антагонистических классов и нет, но капиталисты всего мира не будут мириться с развивающейся Советской республикой и всячески будут ей вредить, используя внутреннюю агентуру.

После смерти Сталина его воззрения относительно обострения классовой борьбы при социализме были подвергнуты ожесточенной и, во многом, несправедливой критике. Н.С.Хрущев в своем докладе «О культе личности и его последствиях» говорил, что тезисом об обострении классовой борьбы была сделана попытка «теоретически обосновать политику массовых репрессий»⁴. Такая характеристика, данная Хрущевым, на долгие годы стала определяющей для значительной части обществоведов. Подобную же позицию высказывали в самых известных партийных учебниках по «Истории КПСС», «Основам марксистской философии» и пр. Так, в учебнике В. Г.

¹Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 548.

²Там же.

³ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников //Слово товарищу Сталину. / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 139.

⁴Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях // Неделя №16 (1516). 1989.

Афанасьева утверждает, что «глубоко ошибочным является тезис об обострении классовой борьбы по мере роста сил социализма... этот тезис, сформулированный в то время, когда в СССР уже были ликвидированы эксплуататорские классы и построен социализм, оправдывал грубейшие нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни»¹. В не менее известной «Истории КПСС» говорится, что «ошибочным был выдвинутый И. В. Сталиным на февральско-мартовском Пленуме ЦК, когда в СССР уже победил социализм, тезис, будто по мере упрочения позиций социализма... классовая борьба в стране будет все более и более обостряться. В действительности... после того как социализм победил.., тезис о неизбежности обострения классовой борьбы является ошибочным»².

В годы «перестройки» такая оценка сталинской теории классовой борьбы повторялась в еще более ожесточенных формах. Так, к примеру, А.А. Гусейнов, В.М. Межуев, В.С. Степин, В.И. Толстых утверждали относительно сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в условиях наступления социализма следующее: «как только возникала опасность изменения этой (имеется ввиду сталинской) системы, сразу же включался механизм защиты: заявлялось об обострении классовой борьбы, после чего любая критика системы расценивалась как нападки на социализм»³. Е.В. Семенов в работе «Классовый каннибализм или взаимодействие классов» считает, что сталинское положение о классовой борьбе при социализме является карикатурным вариантом марксизма⁴.

¹ Афанасьев В. Г. Основы философских знаний. М. Изд-во «Социально-экономической литературы», 1962. С. 270.

² История КПСС. Под ред. Пономарева, Б. Н. М., 1984. С. 424.

³ Степин В.С., Гусейнов А.А., Межуев, В. М. Толстых, В.И. Общечеловеческое и классовое // Диалог. №13. 1990. С. 20; Е. Семенов. Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. 15/1990. С. 24.

⁴ Семенов Е.В. Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. №15. 1990. С. 32.

Увы, данный стереотип сохраняется и в настоящее время. Так, например, Б. Ю. Кагарлицкий пишет, что «со времени Сталина теоретические построения уже не служили практике, а обслуживали ее»⁵.

На наш взгляд, сводить положение о классовой борьбе при социализме к способу оправдать репрессии, как минимум, упрощение. Тем более, что классовая борьба действительно происходила и по-своему обострялась. Иное дело, что изменились ее формы, но само явление никуда не делось. Стоит отметить, что негативная трактовка сталинского понимания классовой борьбы при социализме разделяется не всеми российскими и зарубежными исследователями. Так в работе уже упомянутого выше бельгийского историка ЛюдоМартенса «Запрещенный Сталин» приводится другая точка зрения, согласно которой Сталин был прав, а «царь Борис в 1992 году является памятником сталинской мудрости»². Замечание о связи усиления классовой борьбы в советском обществе с реставрацией капитализма в начале 1990-х, с нашей точки зрения, обосновано. Действительно, переход к рыночной экономике, развал Советского Союза как единого государства является результатом существования различных форм классовой борьбы социализма и капитализма, проходившей как в советском обществе, так и мире в целом.

Официальная статистика СССР не учитывала «теневого экономики», не позволяла определить точное число слоя высших руководителей. Между тем, в 1970-80 годах именно эти слои набирали силу, результатом чего стала их смычка: с одной стороны, номенклатура, перестала быть заинтересована в социалистическом способе производства (так как он мешал ей превратиться из социального слоя в социальный класс капиталистов), с другой стороны, возникали частнособственнические уклады в виде так называемой «теневого экономики», а вместе с ними и социальные слои, являющиеся носителями этих укладов.

⁵Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2006. С. 59.

²Людо Мартенс. Запрещенный Сталин. М. : Яуза: Эксмо, 2012. С. 14.

Важно понимать и идеологический характер классовой борьбы. Далеко не все мелкобуржуазные по сознанию элементы рекрутировались из «теневого» экономического уклада. Среди самих рабочих и крестьян были также распространены буржуазные и мелкобуржуазные черты мышления, что выражалось в вещизме, стремлении «жить как на Западе», бытовом национализме (конечно, этот «национализм» не идет ни в какое сравнение с той проблемой, которая стоит перед нами сегодня, но сам факт наличия подобных настроений также нельзя не учитывать). Думается, можно констатировать, что *в советском обществе шло два параллельных процесса, а именно: процесс отмирания классов и процесс возникновения новых частнособственнических элементов. Противоречие между этими двумя процессами является ключевым в сфере межклассовых отношений.*

Поэтому, если опираться на марксистскую методологию в понимании классовой теории, то сталинская характеристика социальной структуры в основе своей соответствует действительности. Классовое расслоение и вправду во многом преодолевалось, а классовая борьба в широком ее понимании усиливалась, прежде всего, в форме «холодной войны», а также посредством образования паразитических элементов в самом СССР. Иное дело, что сталинский подход не учитывал других внеклассовых социальных слоев. Ведь если посмотреть на то же место в системе общественного производства, то далеко не всегда различия в этом приводя к различиям классовым. Так, к примеру, и инженеры и рабочие промышленного производства тоже занимают разное место в системе общественного производства, однако с точки зрения отношения к средствам производства они составляют различные отряды одного класса. Недостаточный учет социальных слоев и возможных противоречий между ними в рамках одного класса, привел к тому, что преждевременно был провозглашено «морально-политическое единство советского народа», а позже и возможность

классовой борьбы в советском обществе. Кроме классов могут образовываться различные социальные слои, которые отличаются между собой по некоторым отдельным признакам класса (к примеру, по размеру в получении доли общественного богатства), но при этом еще не составляют отдельных классов в силу отсутствия различия в отношениях собственности на средства производства. Также сталинский подход грешил тем, что усматривал основной источник возникновения классовой борьбы преимущественно во внешнеполитическом воздействии со стороны стран Запада. Этот аспект было бы неверным преуменьшать, вместе с тем, ошибочно его и абсолютизировать. При всем способствовании капиталистических стран реставрации капитализма в Советском Союзе, процессы классового расслоения преимущественно зрели в советском обществе изнутри. Поэтому и классовая борьба была связана не только с внешнеполитическим противостоянием двух систем, но и внутренней эволюцией советского общества.

В этой связи мы можем констатировать наличие в советском обществе все тех же двух тенденций, которые закономерно вытекают из формального характера обобществления, недостаточной развитости непосредственно общественной собственности, а, следовательно, и сохраняющегося отчуждения труда (пусть и не связанного с капиталистической эксплуатацией в виде присвоения прибавочной стоимости). Эти две тенденции в социальном развитии советского общества можно определить как: **противоречие** между *тенденцией становления социально-однородного общества и тенденцией образования новых социальных слоев, заинтересованных в реставрации капиталистических отношений*. Отсюда вытекает и в определенной степени еще одно **противоречие**: *противоречие между морально-политическим единством советского народа и тенденцией к обострению классовой борьбы в условиях социализма*. Эти явления сосуществовали в одно и то же время, в разные периоды развития поочередно брали верх. В итоге верх взяла тенденция новых социальных

слоев, заинтересованных в реставрации капиталистических отношений, результатом чего стала «перестройка» и последующий переход к рыночной экономике. Социально-классовые противоречия советского общества проявлялись и в политической сфере, а именно в становлении и развитии новой государственности советского типа.

Рассмотрев социально-экономический аспект формального обобществления в советском обществе, динамику развития его социально-классовой структуры, обратимся к политической составляющей этого же явления, а именно - к специфике развития Советского государства в СССР.

Под **государством** в данной работе понимается политическая организация экономически господствующего класса, имеющая своей целью охранять существующий порядок и подавлять сопротивление других классов.

С этой точки зрения, в марксистской литературе традиционно выделяют следующие типы государства: рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические.

Говоря о государстве переходного типа, мы имеем в виду весь период существования Советского государства как государства общества формального обобществления, а не только этап «явного» переходного периода (когда решался вопрос ликвидации враждебных Советской власти классов).

Социалистическое государство, по мысли основателей научного социализма, должно было быть не просто старой формой с новым содержанием, а отрицанием всей предыдущей государственно-правовой традиции эксплуататорских обществ.

Мы имеем в виду положение Маркса-Ленина о сломе всей государственной машины буржуазии. Действительно, не в простом захвате государственной власти и ее обращении на пользу трудящихся, как считали социал-демократы¹, а в ее абсолютном сломе и замене новой

¹ См. Бернштейн Э. Условия и возможности социализма и задачи социал-демократии. М.: УРСС, 2011

государственной машиной пролетарской диктатуры состоит понимание этого вопроса. То есть не приход в буржуазный парламент представителей рабочего класса, а создание альтернативных структур власти самими рабочими и овладение управлением страной этими пролетарскими структурами (во Франции это были коммуны, в нашей стране - Советы) – вот тот магистральный путь, который предложил Маркс и развил Ленин. К этому выводу Маркс впервые пришел в своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта»¹. В своих последующих работах Маркс неоднократно обращался к своему положению о не просто завоевании, но именно о *сломе* государственной машины буржуазной формации. В работе о Парижской Коммуне мы читаем, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»².

В письме Л. Кугельману в 1871 году Маркс писал, о том, что надлежит «не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте»³.

Новое государство пролетарской диктатуры, по этой логике, должно было стать (и не могло не стать) государством отмирающим, ибо в высшей фазе коммунистической общественно-экономической формации государство как аппарат подавления и принуждения должно закономерно уйти в прошлое в силу бесклассового характера изменившегося общества⁴.

Вместе с этим было бы ошибочно считать, что идея слома государственной машины означала стремление уничтожить государство как таковое. Речь шла именно о сломе *буржуазного* государства и замене его на

¹ Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957, Т. 8, С. 206.

² Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960, Т. 17. С. 339.

³ Письмо К. Маркса к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1964, Т. 33. С. 172

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 21. С. 173.

политическую систему диктатуры пролетариата. Ф. Энгельс писал, что «единственная организация, которую рабочий класс застает в готовом виде после своей победы, — это именно государство. Правда, это государство требует значительных изменений, прежде чем оно станет выполнять свои функции. Но разрушить его в такой момент — значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный рабочий класс может осуществлять только что завоеванную им власть»¹.

Когда социализм стали строить на практике, то вскоре данную модель пришлось диалектически переосмыслить и развить применительно к конкретно-историческим условиям созидания. Так, Сталин в знаменитой речи на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) «Итоги первой пятилетки»¹ выдвинул на первый взгляд противоречащий марксизму тезис об «отмирании государства через его усиление»². Позже, на XVIII съезде ВКП(б) Сталиным был выдвинут даже тезис о возможности сохранения государства на высшей стадии коммунизма, в случае, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение. Это положение разделялось не всеми его соратниками, в частности В.М. Молотов, вспоминая, заявлял: «...При коммунизме нет государства, это Сталин допустил при [коммунизмегосударство](#). Это абсурд, с точки зрения ленинизма...»³.

Подобные противоречия в трактовках государства при коммунизме, с нашей точки зрения, связаны с трудностью и противоречивостью самого процесса развития общественных институтов государства переходного от капитализма к коммунизму периода, со сложностью и изменчивостью переходных форм.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. 1957. М.: Госполитиздат. Т. 8. С. 9.

1

²См. Сталин И. В. Итоги первой пятилетки // Сочинения. Т. 13. М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 211

³Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 491.

В соответствии с постулатами классического марксизма, именно государство как продукт классовых противоречий возникает **«там, тогда и поскольку, где, когда и поскольку классовые противоречия не могут быть примирены»¹**, и понимается как **«машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»²**. В коммунистическом обществе государству суждено отмереть, так как надобность в нем отпадет, исчезнут классы, станет некого подавлять, а, следовательно, исчезнет и государство как аппарат классового принуждения и **«на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»³**.

Путь в такое общество лежит через длительный период диктатуры пролетариата, которая сама по себе уже станет **«отмирающим государством»** и, не утрачивая своей структуры, не может не быть таковым.

Уже даже в теории государство должно постепенно отмирать, но при этом на тот период, пока оно сохраняется, его задачей остается выполнение функции **«строжайшего контроля»** и соответственного **«усиления государства»** как такового. То есть, **еще только на этапе теоретического исследования предполагается, что государство диктатуры пролетариата содержит в себе изначальное противоречие, с одной стороны, органа отмирающего, с другой стороны, на известном (причем длительном) этапе неизбежно усиливающегося.**

Новое, пролетарское государство поэтапно вовлекает максимальное число трудящихся в управление, подвергая производство и обмен всемерному учету и контролю, вырабатывает у общества привычку подчиняться нормам социалистического права, прообраза будущих норм коммунистического общежития. Именно неперенное соучастие в управлении государством, повышение грамотности и сознательности смогут

¹ Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 33. С. 7

² Ленин В. И. О государстве // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 75

³ Там же.

выработать у трудящихся привычку добровольно подчиняться нормам коммунистического общежития без насилия. При этом на этапе, когда уже построены основы социализма, государство все еще не может не освободиться от «родимых пятен» предыдущей общественно-экономической формации. Главным противоречием государственно-правовой надстройки «раннего» советского социализма, по нашему мнению, является *противоречие между тенденцией всеобщего вовлечения трудящихся в решение больших и малых задач управления (ведущей по линии отмирания государства) и тенденцией монополизации управленческих функций узким кругом партийно-государственной номенклатуры*. Как мы уже писали, реальность перехода к социализму была такова, что в силу сложившихся суровых условий (таких, как внешнеполитический фактор, незавершенная классовая борьба в обществе, необходимость быстрого подъема промышленного производства в стране) в государственно-правовом развитии СССР образовалось две тенденции: бюрократическая (буржуазная) и демократическая (коммунистическая). Необходимость в кратчайшие сроки оснастить техникой промышленность и сельское хозяйство, увеличить производительность труда, создать новые отрасли экономики, обрести экономическую независимость и подготовиться к неизбежной войне с империалистическим миром - все это требовало организации сильной централизованной государственной власти. Потребность же в централизации закономерно порождала образование привилегированного слоя управленцев-аппаратчиков и опасность застойной бюрократизации советской государственной власти, отрыва ее от рабочего класса, тоталитарного режима, который проявлялся в отсутствии разделения властей, тотальном контроле государства практически за всеми сферами жизни общества. Государственная власть, таким образом, отрывалась от класса, которому она призвана служить. В идеологической сфере это проявлялось в монопольной государственной идеологии и жесткой цензуре, которая распространялась не только на прямо антикоммунистические идеологические

течения, но и на все, что противоречило партийному пониманию. Мы далеки от метафизического понимания тоталитаризма как «абсолютного зла», прежде всего, потому, что политический режим является составляющей формы, а не сущности государства. Но, как известно, содержание и форма взаимодействуют и дополняют друг друга. Форма на одном этапе может развивать систему вперед, а на другом стать главным тормозом прогресса. Аналогичные процессы произошли и с государством в СССР.

На этапе становления социализма, пока номенклатура не была оторвана от трудящихся, сверхцентрализация носила, несмотря на все перипетии ее практической реализации, прогрессивный характер, но в дальнейшем монополизация власти сделалась тормозом на путях перехода на более высокие новые ступени коммунистической формации, привела к фактическому отчуждению человека от управления, потере у простых трудящихся «чувства власти», а у чиновников и партийных функционеров - кровной связи с массами. Еще Ленин говорил, что «государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный, — как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода»¹. Мало того, сказав это, Ленин делает далеко идущий политический вывод: «наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для **защиты рабочих от своего государства** (курсив наш) и для защиты рабочими нашего государства»². Ленин формулировал эту мысль по отношению к послереволюционному Советскому государству, когда демократическая тенденция еще была сильна. Что говорить о более поздних временах, когда Советы были фактически подменены партийными руководящими структурами.

Социалистическое государство как государство «отмирающее» должно проявлять себя во все большем привлечении к государственному управлению

¹ Ленин В.И. О профессиональных союзах // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42. С. 208.

² Там же.

трудящихся и, по мере преодоления классовых противоположностей, в перерастании его в «управляющую производственным процессом массовую организацию». Но, как уже было замечено, усиление государства на период перехода от капитализма к социализму требует его жесточайшей централизации, а иногда и усиления его репрессивности в отношении явных и скрытых классовых противников, что, как нетрудно догадаться, неизбежно должно привести к определенной отстраненности и обособлению социальной страты управленцев. *Таким образом, централизм и «тоталитаризм» становятся, с одной стороны, эффективными механизмами для поднятия производительных сил общества и построения социализма, но, с другой - таят в себе опасность консервации и перерождения управленческих кадров, в руках которых неизбежно концентрируется огромная власть, что со временем приводит к возможной реставрации частнособственнических отношений.*

В СССР это противоречие ощущалось в реальности советского строительства. Так, в Конституции РСФСР 1918 года статьей 65 эксплуататорские слои населения, лица, живущие на нетрудовые доходы, бывшие служащие и агенты царской полиции, священнослужители лишались всех избирательных прав. Во всех советских конституциях и на практике государственного строительства мы имели советскую систему государственной власти, то есть классовую ориентацию на трудящихся, добровольный характер депутатской работы, выборы по производственному признаку (до 1936 года), возможность отозвать депутатов всех уровней в любой момент. Все эти элементы социалистической государственности, несмотря на то, что они подчас подвергались извращениям, не были пустыми декларациями. Если мы возьмем даже позднесоветский период, то увидим, что производительный работник доминировал в Советах (в 1977 году в них вошли 43,3% рабочих, 26,1% колхозника)¹. Отзывы депутатов, хоть и

¹Конституция развитого социализма / Главный ред. Кудрявцев В.Н. М.: Политиздат, 1978. С. 188.

применялись не так часто, как следовало бы, но тоже были не просто декларацией. Так, за десять лет до принятия Конституции СССР 1977 года, из Советов разных уровней, включая Верховный, было отозвано около 4 тыс. депутатов¹. В условиях буржуазной демократии это немислимо. Депутаты получали наказы избирателей, проводили встречи с ними. Есть цифры, подтверждающие, что и это не было просто ритуалом. Так, в 1977 году из 769 тыс. наказов избирателей² только за полгода было выполнено 700 тыс., что вовсе не мало. Можно говорить о том, что в те годы система давала сбои и Советы во многом не играли решающей роли, что их часто подменяли руководящие органы КПСС, но эта организация, даже при всех ее непоследовательностях, все-таки привлекала трудящихся к управлению.

Отдельно хотелось бы сказать о производственном принципе выборности в Советы, который был заменен в Конституции СССР 1936 года территориальным принципом. Здесь мы не можем останавливаться подробно на этом. Тем не менее, важно коротко прояснить этот вопрос. Как отмечает В.А. Тюлькин, «Советы сильны тем, что они опираются на объективную материальную основу жизненного устройства общества – организованность людей в процессе труда»³. То есть рабочие избирают своего представителя из среды своего трудового коллектива, зная на практике деловые и моральные качества потенциального депутата, что крайне затруднительно в условиях территориального принципа деления. Перейдя от производственного принципа к территориальному, по сути, был сделан шаг в сторону от тенденции поголовного вовлечения трудящихся в управление государством. По мнению некоторых современных исследователей социалистического Советского государства, «переход с 1936 года к территориальному, по сути

¹Там же, С. 196.

² Там же, С. 195.

³Тюлькин В.А. Что такое Советская власть, или за что борются коммунисты? [электр. ресурс] URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/9748/82/> (дата обращения: 10.03.15).

буржуазному, избирательному принципу положил начало буржуазному перерождению Советской власти»¹.

Противоречие между государством «отмирающим» и государством бюрократическим является закономерным следствием базисных противоречий между динамично-обновленческой (тенденцией снятия отчуждения) и консервативно-реставраторской (тенденцией возврата отчужденных форм) тенденциями развития общества, только что вышедшего из частнособственнической формации, остановившегося на этапе формального обобществления.

Бюрократическая тенденция развития Советского государства пагубно сказалась и на политической сознательности масс. С одной стороны, культивировалось иждивенчество и надежда на «сильную руку», которая дает бесплатное образование, медицину, доступный отдых, гарантированный труд и пр., с другой - укоренялось мнение, что «все решает политбюро», что Советы и рядовой состав КПСС должны просто «одобрять» спущенные сверху решения. Как справедливо отмечают Тюлькин В.А. и Попов М.В., «от Советов оставались названия, но сущность их стала размываться»². Такое положение дел в корне противоречило самой природе Советской власти и порождало тенденцию отчуждения трудящихся от власти и собственности, что в дальнейшем сыграло трагичную роль. Вспомним, что в 1991 году не нашлось организованных сил, которые бы вышли против Ельцина на защиту советского конституционного строя, напротив, многомиллионная партия проявила странную пассивность, дав простор антикоммунистическим настроениям.

В классовом смысле Советское государство как «отмирающее» не могло быть ничем иным, как диктатурой рабочего класса, ибо именно он более других заинтересован в уничтожении классов вообще. С другой

¹Казеннов А.С., Попов М.В. Советы как форма власти. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013.

²Тюлькин В.А., Попов М.В. Ленинизм и ревизионизм в основных вопросах теории и практики социализма // Марксизм и современность №1-2 (47-48). 2011. С. 35.

стороны, как писал Ленин, «пролетариат, как особый класс, один продолжает вести свою классовую борьбу. Государство лишь = орудие пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка»¹. То есть диктатура пролетариата в то же время является и продолжением классовой борьбы в новых условиях.

В реальности же дело обстояло куда сложнее. Пока Советское государство было по факту «отмирающим», оно называлось диктатурой пролетариата, но к концу 1950-х годов поэтапно пошел крен в сторону надклассовой его оценки, что выразилось как итог в отказе от диктатуры пролетариата на XXII съезде КПСС.

Обращаем внимание, что надклассовый крен проявил себя именно в тот момент, когда образовалась та самая номенклатура со своими особыми интересами стать новым господствующим классом. Таким образом, есть все основания полагать, что теория «общенародного государства» являлась идеологическим обоснованием экономической политики, подготавливающей переход к частнособственническим отношениям.

Таким образом, следует рассматривать Советское государство не как абстракт «тоталитаризма», а как совмещение противоположностей отмирающего государства и государства усиливающегося, как единство тенденции вовлечения трудящихся в управление и монополизации власти высшими управленческими кадрами, - только при таком диалектико-материалистическом подходе мы сможем понять многие вопросы современности. Как раз Советское государство показало нам воочию, что централизация управления, которая является мощным средством для развития индустрии, одновременно может заложить тенденции деструктивного сценария развития социалистического общества. Ведь именно пример Советского государства показал нам, что демократия и диктатура - понятия относительные. Они всецело зависят от классовой

¹Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 261—262.

ориентации и материальных условий своего существования, ибо не стоит забывать, что противоречие между государством отмирающим и государством усиливающимся есть выражение в государственно-политической форме противоречия между коммунистической и капиталистической тенденциями.

Говоря о современном этапе развития российского общества, несмотря на все принципиальные различия современной социально-экономической системы и советской системы, думается, правомерно провести некоторые аналогии. Отметим, что значительная часть постсоветской российской элиты формировалась из партийной, советской и хозяйственной «номенклатуры». Это наложило определенные особенности на современный российский капитализм и его социальных носителей – постсоветскую крупную буржуазию. К таковым особенностям, на наш взгляд, можно отнести криминально-номенклатурный характер источников первоначального накопления капитала, что проявилось в «растаскивании» общенародной собственности на средства производства и спаду в развитии производства; тесную смычку современного крупного капитала с государственно-номенклатурным слоем, породившая особую категорию крупной буржуазии – олигархию; слабость малого и среднего бизнеса.

В идеологическом отношении наследие советского прошлого во многом обусловило имперский характер современного русского национал-патриотизма (отнюдь не тождественного этническому национализму и тем более неонацизму, которые тоже имеют место быть), который в отличие от национализма «окраин» развернут скорее «во вне» и ставит в центр «государство», а не «нацию». Такой национал-патриотизм скорее может эволюционировать в шовинизм и поддержку отечественного империализма, нежели в идею национального государства. Конечно, существует проблема и этнического русского национализма, но этнический национализм является лишь одной из ветвей в современном спектре националистических идеологических ответвлений.

Проблема централизации власти сегодня, как и в советском обществе, несет в себе две взаимоисключающие тенденции: тенденцию укрепления государственности и предпосылок подъема отечественного производства и тенденцию застоя и бюрократизации. В 1990-е годы слабость государства привела к сильнейшему росту преступности, зависимости России от стран Запада (и, прежде всего, США), усилению центробежных тенденций, ослаблению конкурентоспособности страны на мировом рынке, падение военного потенциала. Это создавало реальную угрозу распада России как единого государства. Укрепление «вертикали власти», начавшееся 15 лет назад, существенно улучшило позиции России как на международной арене (Россия превратилась из полуколониальной сырьевой страны в одного из крупных игроков современной геополитики), так и сказалось на улучшении уровня жизни внутри страны. Вместе с этим, стоит признать слабость гражданского общества и чрезмерно сильную «опеку» над ним со стороны государства, отсутствие сильной оппозиции, усиление консервативных тенденций в идеологии (прежде всего, клерикализации светского пространства). Следствием этого является определенное, сохранившееся с советских времен, социальное иждивенчество, надежда на государство, отсутствие школы борьбы за свои права. Подобная ситуация при стабильном развитии кажется весьма благоприятной, но в случае обострения социальных противоречий она может приводить к катастрофическим последствиям для государства и общества. Атомизация социума, отчужденность граждан от политической сферы (которую они традиционно отдавали на откуп государственной власти), неразвитые институты гражданского общества и отсутствие понимания коренных интересов у значительной части трудящегося населения приводят к обострению социальных конфликтов при отсутствии ясных целей борьбы. В такой ситуации подчас даже пробудившаяся активность граждан не приводит к конструктивным изменениям в общественной системе и выливается в события деструктивного порядка. Примером подобных событий являются так называемые «цветные

революции», волнения на национально-религиозной почве, либо просто уличные погромы, не приводящие к коренным изменениям условий общественной жизни, но серьезно бьющие по стабильности развития экономики, социальных взаимоотношений и духовно-нравственному климату в обществе. Думается, что это явно не ведет к поступательному развитию общественной системы. Советский опыт может стать для нас хорошей школой, показывающий относительную и противоречивую природу такого процесса, как укрепление государства.

Заключение

В ходе исследования было установлено, что развитие социализма в СССР носило усеченный и неполный характер. Становление социализма в СССР шло в условиях ожидания не свершившейся мировой революции и слабо развитого в капиталистическом отношении базиса. Это привело к тому, что новые производственные отношения стали формироваться на неадекватной им технико-технологической основе в достаточно сложных внешнеполитических условиях. Формально подчиненный капиталу труд, обобществлялся, как правило, формально, что, конечно, не исключало, определенного распространения реального обобществления. Все это приводило к утверждению в определенных сферах обобществления на деле, что выражалось в бесплатных фондах общественного потребления, социальных гарантиях, а также ряде производственных отраслей (как правило, в оборонке). Но, имелось и большое количество производственных сфер, где широко применялся тяжелый ручной труд, который, как было показано в работе, представлял материальную базу сохранения технического отчуждения, что в свою очередь затрудняло полное снятие социального

отчуждения и приводило к отдельным рецидивам последнего. Особенно сильно формальность обобществления выразилась в распространенности «теневой экономики» и соответствующих ей несоциалистических социальных элементов.

Диалектика формального и реального обобществления в советском обществе приводила к развитию двух противоположных тенденций: тенденции продвижения к низшей (а в перспективе и высшей) фазе коммунизма, то есть продвижения к бестоварному, социально однородному обществу. Условно эту тенденцию можно назвать *тенденцией поэтапного снятия социальных форм отчуждения*; тенденции реставрации капиталистических частнособственнических отношений. Эту тенденцию можно назвать *тенденцией и усиления отчужденных форм*. В экономике она выражалась в усилении группового интереса и местничества, развитии несоциалистических укладов, торможении темпов роста в 1970-80-е годы. В социальной сфере шли процессы образования паразитических элементов. В культурно-образовательной сфере давало о себе знать мещанское (мелкобуржуазное) сознание.

Исходя из этого, мы можем выделить систему основных противоречий советского общества.

Главным является противоречие между тенденцией отмирания частнособственнических отношений и тенденцией их реставрации. Это базовое противоречие выражалось в различных сферах жизни советского общества:

1. В экономической сфере как противоречия между формальным и реальным обобществлением; между господствующим социалистическим укладом и сохраняющимися частнособственническими элементами в экономике (личные подсобные хозяйства, «теневой экономики»); между групповым и личным интересом с одной стороны и общенародным с другой;

2. В сфере управления народным хозяйством: противоречие между плановостью и стихийностью;

3. В социальной сфере как противоречия между тенденцией становления социально-однородного (бесклассового) общества и продолжающих существовать классах; между рабочим классом и частнособственническими элементами; между основами социалистических производственных отношений и интересами значительной части номенклатуры; между тенденцией сглаживания социальных противоречий и обострения скрытых форм классовой борьбы;

4. В политической сфере как противоречие между тенденцией массового вовлечения трудящихся в управление обществом и монополизацией власти номенклатурой;

5. В духовной сфере как противоречие между декларирующейся коммунистической моралью и проявлению частнособственнических стремлений отдельных категорий граждан.

Таким образом, подтвердилась выдвинутая нами гипотеза, согласно которой, советское общество рассматривается как переходное от капитализма к низшей фазе коммунизма (социализму). По нашему мнению, были построены лишь «основы социализма» как системы организации народного хозяйства, но не было еще полного социализма как низшей фазы коммунистической формации. «Основы социализма» касались, прежде всего, производственных отношений в их распределительной части, производительные же силы были адекватны скорее капитализму, чем низшей фазе коммунизма, отчего социалистические отношения носили неустойчивый характер и часто несли на себе отпечатки предшествующей эпохи. В ряде современных исследований данный феномен справедливо именуют «ранним социализмом». Социализм так и не смог развиваться на своей собственной основе.

Эта неустойчивость и переходность – ключ к пониманию причин реставрации капитализма в СССР и странах бывшего «социалистического лагеря». С этой точки зрения иначе представляются и причины гибели Советского Союза.

Формальное обобществление в экономической сфере позволило в кратчайшие сроки создать индустриальное общество, а также достигнуть сопоставимого с развитыми капиталистическими странами уровня производительности труда, но сделать уровень производительности труда выше, чем в высокоразвитых странах Запада не получилось. Вместе с этим чрезмерно долгая остановка на формальном обобществлении приводила к недостаточно эффективному функционированию преимуществ общественной собственности, искажению ее институтов, что особенно сильно проявилось в сбоях работы плановой системы, которая должна была обеспечивать систематический учет и контроль над производством и потреблением. Все это, в итоге, привело к экономическому и политическому «застою» в советском обществе, что являлось одним из факторов разрушения советской системы.

Недостаточный уровень развития непосредственно общественной собственности приводил с одной стороны, к заполнению формально обобществленных сфер частнособственническими отношениями, что выражалось в формировании так называемой «теневой» экономики и ее социальных носителей в лице подпольных миллионеров, которые являлись капиталистическими элементами. С другой стороны, сверхцентрализация государства, необходимая на этапе быстрого преодоления технической отсталости от передовых капиталистических стран Запада, затянулась на более длительный срок. Это привело к появлению особого слоя партийно-хозяйственно-государственной номенклатуры, который имел отличные от рабочего класса интересы, а сам рабочий класс, привыкший к тому, что государство решает основные проблемы его социального существования, был лишен необходимой школы борьбы с нарастающими несоциалистическими элементами.

Все это приводило к постепенному зарождению в рамках социалистической системы хозяйства несоциалистического экономического уклада (а вместе с ними и его носителей), основанного на, пусть пока

скрытой, но частной собственности, что не могло не подрывать достигнутый уровень развития социалистических отношений. В социальном развитии это выражалось в становлении социальных слоев-носителей частнособственнических укладов, которые могли в скором времени превратиться в социальные классы капиталистов. А поскольку в политическом отношении не были реализованы на практике преимущества советской демократии, эти процессы проходили в латентной форме. Чрезмерно долгая задержка на этапе формального обобществления, приводила к усилению тенденции реставрации сначала частнособственнических, а потом и капиталистических общественных отношений.

Таким образом, основной причиной реставрации капиталистических отношений в нашей стране, по нашему мнению, является незавершенный характер социализма как низшей фазы коммунизма. «Основы социализма» в СССР были созданы, но не было адекватной новым постулируемым социальным отношениям технико-технологической базы с одной стороны, и необходимого для реального обобществления уровня развития демократических институтов с другой. Это неизбежно означало лишь формальное, а не реальное преодоление частной собственности. А это, в свою очередь породило тенденцию развития капиталистических элементов (и даже целых укладов) в рамках социалистической экономической системы и социальных слоев, эволюционирующих в класс буржуазии, что после достаточно длительного процесса существования в рамках социалистической экономики, не без воздействия внешнеполитических сил (внешний фактор сыграл хоть и не решающую, но существенную роль в реставрации капитализма), привело к реставрации капиталистических отношений.

Россия сегодняшнего дня намного слабее и менее самодостаточна, чем СССР, существенно ухудшено и положение с социально-экономическими правами человека, но внешняя и внутривнутриполитическая обстановка складывается таким образом, что говорить о «спокойном развитии» не

приходится, необходимо адекватно реагировать на новые вызовы, с которыми приходится сталкиваться в начале XXI столетия. В условиях неразвитых институтов гражданского общества, отсутствия длительной школы борьбы за свои права у подавляющего большинства населения, а также отсутствия того, что называется «классовым самосознанием», любое обострение социальных противоречий может приводить к деструктивным процессам, чреватым социальными катаклизмами вплоть до распада единого государства. Негативные последствия подобных явлений мы можем наблюдать на примере Украины и других стран, в которых произошли так называемые «цветные революции», являющиеся следствием неорганизованности трудящихся масс, отсутствию у массы населения осознания своих коренных интересов, что позволяло во всех случаях олигархическим силам использовать народное возмущение в своекорыстных интересах.

В этой связи интересной представляется концепция комплексно-гуманистической оптимизации общественной системы, выдвигаемая Р. И. Косолаповым¹, которая, на наш взгляд, могла бы стать хорошим ценностным ориентиром для гражданского общества и впоследствии государства. Можно выделить следующие постулаты оптимизации: единая хозяйственная система, функционирующая в планомерном режиме; действия, направленные на сглаживание социального разрыва, социального неравенства; гуманизм как система взглядов и действий, исходящих из признания человеческой личности главной целью общественного развития. Особенно хотелось бы остановиться на гуманизме, категории, которую необходимо конкретизировать.

Основные положения концепции комплексно-гуманистической оптимизации общественной системы исходит из того, что именно человек как социальное и трудящееся существо должен стать главной целью и ценностью общества. Другими словами, речь идет о системе, при которой

¹См. Косолапов Р.И. Оптимизация общественной системы. М., 2014.

человек может реализовать себя как личность, раскрывая свой потенциал. Подобная постановка вопроса заставляет по-новому взглянуть на другую проблему, а именно - потребность в труде как имманентно свойственную человеческой природе потребность.

Думается, что вышеуказанные концептуальные положения, при более детальной их разработке и внедрении в практику способны вывести Россию из кризиса. Вместе с этим, без активного содействия со стороны структур гражданского общества не коммерческой, а филантропической ориентации (в данном случае мы имеем в виду трудовые коллективы, просветительские и некоторые политические организации), вряд ли можно рассчитывать на их реализацию.

Опыт решения данных проблем был наиболее ярко представлен в практике советского социализма: осуществление всеобщего бесплатного образования, общедоступная система здравоохранения, опыт жилищного строительства, развитие культуры и массового народного творчества, спорта. Социализм – первая социальная система, которая, несмотря на все сложности ее становления, провозгласила главной целью общественного развития всестороннее развитие личности. В этом смысле социально-философское исследование сущности и противоречий советского общества отнюдь не исчерпало себя, а нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении с точки зрения прошедших за последние годы событий.

Список литературы

1. 20 лет Советской власти (Статистический сборник) ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б), Москва, 1937 // Великая страна СССР. URL: http://www.great-country.ru/content/sssр_stat/20_let_sov_vlasti/20let.php
2. 21 век: братание белых и красных. Выступление участников Изборского клуба // Завтра. № 2 (999). 9 января 2013 год. URL : <http://zavtra.ru/content/view/xxi-vek-bratanie-krasnyih-i-belyih-2013-01-09-000000/>
3. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2—13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. М. : Политиздат, 1990. 623 с.
4. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М. : Астрель, 2012. с. 473.
5. Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. 602 с.
6. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. Изд. 3-е. М. : Норма, 2008. 240 с.
7. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юридическая литература, 1971. 223. с.

8. Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. — 1988. 13 марта // Библиотека газеты «революция». URL : <http://www.revolucia.ru/nmppr.htm>
9. Антипенко Л.Г. Сталин: отношение к марксизму // Сталин и современность / Под ред. Д.В.Джохадзе и Р.И. Косолапова. М. : УРСС., 2010. С. 174-184.
10. Архангельская Н.О. О некоторых причинах реставрации капитализма в СССР. Производственные отношения в СССР в 1960-1980-е гг. // Марксизм и современность № 1-2. 2008. С.11-19.
11. Афанасьев В. Г. Основы философских знаний. Изд. 2-е, перераб. и дополненное. М.: Изд-во «Социально-экономической литературы», 1962. 400 с.
12. Ацюковский В.А. Два лица социализма //Марксизм: Очерки марксистской политической экономии / Под ред. А.А. Ковалева, А.П. Проскурина. М. : «Канон+», 2013. 292 с.
13. Ацюковский В.А. Исходные положения современной коммунистической теории. М.: Изд-во «Петит», 2009. 91 с.
14. Ацюковский В.А. Основы коммунистической идеологии и современность. М. : ИДСП, 2004. 448 с.
15. Багатурия Г.А. Вклад Энгельса в марксистскую теорию // Марксизм и будущее цивилизации. В 2-х томах. Том 1. / Ответственный редактор Джохадзе Д.В.М.: Изд. «ВИУ», 2006. С. 34-46.
16. Бакунин, М.А. Государственность и анархия // Портал либ.ру. URL : http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0050.shtml
17. Батов А.С. Организационный вопрос и современные коммунисты // Сайт Российской Коммунистической Рабочей Партии (РКРП-КПСС). URL :<http://www.rkrp-rpk.ru/content/view/5296/>
18. Батов А.С. Феномен «левого антикоммунизма» на примере отношения к Сталину // Сталин и современность. Под ред. Д.В. Джохадзе и Р.И. Косолапова М. : УРСС, 2010. С. 324-330.

19. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.
20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
21. Беляев Л.С. Очерки политической экономии социализма. Иркутск: Сибирская книга, 2013. 368 с.
22. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
23. Бернштейн Э. Условия и возможности социализма и задачи социал-демократии. М.: УРСС., 2011. 242 с.
24. Бетельхейм Ш. Классовая борьба в СССР // Портал Маоизм. Ру: URL:<http://maoism.ru/authors/%D1%88%D0%B0%D1%80%D0%BB%D1%8C-%D0%B1%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%85%D0%B5%D0%B9%D0%BC>
25. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
26. Босенко В.А. Диалектика мстит за пренебрежение к ней. Киев, 2010. 368с.
27. Братищев И.М. Социализм – неизбежность или случайность? // сайт «Экономической и философской газеты». URL:<http://www.eifgaz.ru/bratitshev49-12.htm>
28. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003. 656 с.
29. Бузгалин А.В. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практики социального освобождения / Под общей ред. Славина, Б.Ф. М.: УРСС, 2013. С. 80-170.
30. Бузгалин А.В. Ренессанс социализма: курс лекций, прочитанных в Молодежном университете современного социализма. Изд. 2-е, стереотипное. М.: УРСС, 2007. 512 с.

31. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: УРСС, 2003. с. 160.
32. Буренко В.И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. №8. С. 228-232.
33. Бутенко А.П. Откуда и куда идем: взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990. 288 с.
34. Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения. М. : Экономика, 1990. С. 338-423
35. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Избранные произведения. М. : Экономика, 1990. С. 81-216.
36. В.И. Ленин в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Разлив, 22 апреля 2014 года / под ред. д-ра филос. наук М.В. Попова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 128 с.
37. Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении. М.: Политиздат, 1988. 387 с.
38. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991. 301 с.
39. Викторов Э. М. Феномен отчуждения // Философские исследования. 2001. № 2. С. 201-211.
40. Водомеров Н.К. Тенденция к росту общественного характера производства основная тенденция развития современных производительных сил // Политико-экономические основы управления социалистической экономикой. М.: Высшая школа, 1982. С. 16-22.
41. Воейков М.И. «Государственный социализм» в России: уроки XX века // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин,

- Троцкий, Сталин. / Под общей редакцией И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.:ЛЕНАНД, 2011. С.108-164.
42. Воскобойников А.Э., Урсова О.К. Историческое и логическое как философские категории и формы познания // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 107. 2009. С. 3-23.
 43. Воскобойников А. Э. Бессознательное и сознательное в уединении и на миру // Знание. Понимание. Умение. 2012., № 2. С. 119- 125.
 44. Воскобойников А.Э. Солидарное противостояние насилию и агрессивности // Политика и Общество. № 7. 2012. С. 72-79.
 45. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. 624 с.
 46. Гавриленко И. Н. Отчуждение личности при капитализме средствами образования и воспитания. Киев-Одесса: «Вища школа», 1986. 160 с.
 47. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006 (2-е изд., 2007). 226 с.
 48. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997. 224 с.
 49. Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: «Статистика», 1975. 160 с.
 50. Глушков В. М., Валах В.Я. Что такое ОГАС? — «Библиотечка „Квант“». Выпуск 10. М.: Наука, 1981. 160 с.
 51. Глушков, В. М., Как «погас» ОГАС (отрывок из воспоминаний) // Сайт «Ситуация в России и мире». URL: http://www.situation.ru/app/j_art_333.htm
 52. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышления для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1988. 271 с.
 53. Гудима Т.М. Культурный выбор России (о новых подходах к известным проблемам в «Основах государственной культурной политики»). Социокультурные факторы национальной безопасности России. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015.С. 25-32.

54. Гуров А. Организованная преступность в СССР/ Погружение в трясины. М. 1991. С. 174-185.
55. Денисов А. И., Раджабов, С. А. Социалистическое общенародное государство. Душанбе: «Дениш», 1982. 353 с.
56. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.
57. Дойчер И. Незавершенная революция. М.: Интер-Версо, 1991. 125 с.
58. Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Уроки и перспективы социализма в России. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 142 с.
59. Долгих Ф.И. Переход к многопартийной системе в СССР на рубеже 1980–1990-х годов и начало формирования правовой основы деятельности политических партий современной России //Концептуал: сборник научных трудов кафедры Философии и истории / сост. А.В. Матюхин. М. : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. С. 224-235.
60. Дунаевская Р. Марксизм и свобода: с 1776 года и до наших дней. М.: НПЦ «Праксис». 2011. 481 с.
61. Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М. : Слово, 2004. 500 с.
62. Дяченко В. К. Марксистская теория труда и научный социализм. М. : Изд-во СГУ, 2011. 358 с.
63. Ельмеев В.Я. Воспроизводство общества и человека. М. : «Мысль», 1988. 240 с.
64. Ембулаев В.Н. Социализм как общественно-экономическая формация. Научно-популярное издание. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2008. 70 с.
65. Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2007. 656 с.
66. Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. М.: Вече, 2007. 576 с.
67. Еремин А.М. В дебрях реставрации капитализма (от перестройки к деградации экономики). Журнал «Изм». № 2 (13). 1997. С. 3-140.
68. Есипов В.М. Теневая экономика. М. 1997. 123 с.

69. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 4-е испр. и доп. М. : УРСС, 2011. 384 с.
70. Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М.: ИД "Дело", 2002. 568 с.
71. Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: марксистский анализ советского общества. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : УРСС, 2006. 160 с.
72. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 500 с.
73. Зиновьев А.А. Логическая социология. Изд. 2-е, дополненное. М.: Издательство Московского Гуманитарного университета, 2003. 400 с.
74. Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 160 с.
75. Зюганов Г.А. Сталин и современность. М.: Молодая гвардия, 2008. 286 с.
76. Зюганов Г.А. Идеино-теоретические основы партии. М.: ИТРК, 2013. 353 с.
77. Зюганов Г.А. Россия - родина моя. Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996. 336 с.
78. Зюганов Г.А. Святая Русь и кашеево царство. М., 2003. 260 с.
79. Иванченко В. Совершенствование планового руководства экономикой // Вопросы экономики. 1980. №10. С.132–133.
80. Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» // Философия и культура. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2010. С.240-257.
81. Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Философия и культура Москва-Воронеж: Издательство Московского Психолого-социального института, 2010. С. 264-290.

82. Ильенков Э.В. О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Штаффа (о книге А. Штаффа «Марксизм и человеческий индивид») // Философия и культура Москва-Воронеж: Издательство Московского Психолого-социального института, 2010. С. 290-341.
83. Ильинский И.М. Великая Отечественная Война: правда и факты против мифов. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 180 с.
84. Историки спорят / Под ред. Лельчука, В.С. М.: Политиздат, 1988. 510 с.
85. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. : Госполитиздат, 1945. 352 с.
86. История КПСС. Под ред. Пономарева, Б. Н. М.: Политиздат, 1984. 784 с.
87. Исходные положения современной коммунистической теории. ИП 1 М.: Петит, 2010. 368 с.
88. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2006. 480 с.
89. Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: Полиграф-Информ, 2013. 256 с.
90. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2011. 456 с.
91. Казеннов А.С., Попов М.В. Советы как форма власти. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 129 с.
92. Казеннов А.С. Диктатура пролетариата: термин, понятие, идея, проблема // Фонд рабочей академии. URL: <http://www.rpw.ru/public/Kazenn3.html>
93. Караганов С.А. Роман с тираном без конца? // Сайт Совета по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/news/2724/>
94. Кара-Мурза С.Г. Социализм и коммунизм в России: история и перспективы // Информационно-дискуссионный портал «Новый

- социализм XXI век». URL : <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/>
95. Кара-Мурза, С.Г. История советского государства и права. М. : Издательство «Былина», 1998. 192 с.
 96. Кара-Мурза, С.Г. Крах СССР. М.: Алгоритм, 2013. 448 с.
 97. Кара-Мурза С.Г. Плодотворные ошибки Ленина// "Наш современник", N10, 1999. URL: <http://www.kara-murza.ru/Lenin/LeninOshibki.html>
 98. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х кн. М.: ЭКСМО, 2011. 1200 с.
 99. Караткевич А.Г. Трансформационные процессы в постсоветских обществах: системный диалог как основа политической стабильности (на примере России и Беларуси). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М. 2013.43 с.
 100. Караткевич А. Г. К вопросу о сущности политических процессов в переходных обществах // Труд. Профсоюзы. Общество. 2011. № 1. С. 65-67.
 101. Караткекив А.Г. Политические аспекты устойчивой системной трансформации в переходных обществах // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 70-74.
 102. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
 103. Катасонов В.Ю. Теневая экономика в СССР: с чего все началось // КМ. РУ. URL :<http://www.km.ru/economics/2014/02/03/istoriya-sssr/731316-tenevaya-ekonomika-v-sssr-s-chego-vse-nachalos>
 104. Каутский К. Большевизм в Тунике. М. : Антидор, 2002. 314 с.
 105. Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР. Массово-политическое издание. М. : Алгоритм, 2010. 304 с.
 106. Кириченко В. О некоторых вопросах дальнейшего совершенствования планирования и управления хозяйством // Плановое хозяйство. 1982. №9. С.58;

107. Клиф, Т. Государственный капитализм в России. Л., 1991. 286 с.
108. Клоцвог Ф.И. Общественная система Советского Союза как ранний социализм // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.:Алетейя, 2011. С. 51-63.
109. Клоцвог Ф. Н. Социализма. Теория, опыт перспективы. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: УРСС, 2008. 200 с.
110. Клоцвог Ф.Н. К развитию марксистско-ленинской теории социализма // Марксизм и будущее цивилизации. В 2-х томах. Том 1. / Ответственный редактор Джохадзе Д.В. М.: Изд. «ВИУ», 2006. С. 64-72.
111. Колганов А.И. Теория социализма и практика СССР // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин/ Под общей редакцией И.Г. Абрамсонв, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.:ЛЕНАНД, 2011. С. 59-99.
112. Колганов А. И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: УРСС., 2011. С. 407.
113. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
114. Конституция развитого социализма. /Главный ред. Кудрявцев В.Н. М.: Политиздат, 1978. 255 с.
115. Коровина З.П. План, технический прогресс, стимулы. М. : Экономика, 1986. 256 с.
116. Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М., 1996. 207 с.
117. Косолапов Р.И. О самом главном: Коммунистическая идея в современном мире. Работы разных лет. №110. Изд. 3-е, М.: УРСС, 2015. 370 с.
118. Косолапов Р. И. Коммунистический труд: природа и стимулы. М.: Мысль, 1968. 88 с.
119. Косолапов Р., Мочалов В. Сталин: беседы с идеологами. М., 2014. 40 с.
120. Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь: Изд-во «Северная Корона», 2004. 672 с.

121. Косолапов Р.И. Социализм: к вопросам теории. М.: Мысль, 1975. 476 с.
122. Косолапов Р.И. Оптимизация общественной системы. М., 2014. 40 с.
123. Косолапов Р.И. Официальное опровержение Хрущева. М., 2014. 36 с.
124. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 4. стереотипное. М.: УРСС. 2008. 352 с.
125. Кронрод Я.А. К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Изв. АН СССР, Сер. Экономическая. 1971. №3. С.97.
126. Куделин Е.Г. Труд потребность и радость жизни. М. : Мысль, 1966. 197 с.
127. Кузьминов И.И. Очерки политической экономии социализма. Процесс социалистического производства. М. : Мысль 1980. 284 с.
128. Курс отечественной истории IX-XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе / Под ред. Ольштынского, Л.И. М.: ИТРК, 2002. 544 с.
129. Лактионова Н.Я. Реабилитация советского периода как необходимое условие укрепления российской государственности // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. Под ред. М.И. Воейкова. СПб.:Алетейя, 2011. С.63-93.
130. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 384 с.
131. Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1969. Т.38. С. 327-372.
132. Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 1-129.
133. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. 311 с.

134. Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1963. Т. 6. С. 212-235.
135. Ленин В.И. О профессиональных союзах // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42. С. 202-228.
136. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1969.Т. 27. С. 299-426.
137. Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета // Полное собрание сочинений. Т.36. М.: Издательство политической литературы. 1974. С. 327-345.
138. Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 221-229.
139. Ленин В. И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 369-377.
140. Ленин В. И. О лозунге соединенных штатов Европы // Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 351-355.
141. Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 38. С. 353-354.
142. Ленин В.И. Карл Маркс // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1969. Т. 26. С. 43-93.
143. Ленин В.И. Наказ от СТО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям. Проект //Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1970. Т.43. С. 266-291.

144. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С.283-314.
145. Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 261—262.
146. Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. С. 378-382.
147. Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1967. Т. 1. С. 67-122.
148. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т.3.792 с.
149. Ленин В.И. Что делать? // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1963. Т. 6. С.1-192.
150. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1967. Т. 1. С. 125-346.
151. Лозинский Е.И. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). Издание 2-е, стереотипное. М.: УРСС, 2003. 263 с.
152. ЛюдоМартенс. Запрещенный Сталин. М.: Яуза: Эксмо, 2012. 416 с.
153. Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М. : Московский философский фонд, 2002. 304 с.
154. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. 368 с.
155. Маневич Е.Л. Вопросы труда в СССР. М.: Наука, 1980. 216 с.

156. Мао Цзедун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М.: Издательство «Правда», 1957. 50 с.
157. Мао Цзедун. О новой демократии // Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. С. 133-182.
158. Мареев С.Н. Э.В. Ильенков: социализм как теория и практика // Мыслить... (избранные статьи последних лет. М.: Издательство СГУ, 2011. С. 502-527.
159. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения в 9 томах. Том. 2. М. : Издательство политической литературы, 1985 С. 5-509.
160. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 9-32.
161. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957, Т. 8. С. 115-217.
162. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960, Т. 17. С. 317-370.
163. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. Т. 13. С. 1-167.
164. Маркс К. наброски ответа на письма В.И. Засулич // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 19. С.400-421.
165. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. М. : Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. 365 с.
166. Маркс К. Письмо К.Маркса к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1964, Т. 33. С. 172-173.

167. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т.42. С. 1-174.
168. Маркузе, Г. Критическая теория общества. М.: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.
169. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ: Москва, 2009. 331 с.
170. Материалы XXVI съезда КПСС. М. : Политиздат, 1981. 223 с.
171. Матюхин А. В. Основные параметры идеологических проектов в России // Обозреватель-Observer. 2008. №12. С. 36-49.
172. Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
173. Милтон Ф. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
174. Михайлов Н.Н. Социализм и разумные потребности личности. М. : Политиздат, 1972. 191 с.
175. Мишин В.И. Новое мышление и противоречия при социализме. М. : Знание, 1989. 63 с.
176. Мухин Ю.И. Сталин – хозяин СССР. М.: Алгоритм, 2008. 288 с.
177. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1958. 555 с.
178. Народное хозяйство СССР в 1973 году. М.: Статистика, 1974. 880 с.
179. Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М. Политиздат. 1977. 335 с.
180. Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Норма, 1997. 644 с.
181. Никитин В.С. От творческого развития марксизма к обновленному социализму XXI века» // Сайт Коммунистической Партии Российской Федерации (КПРФ). URL: http://kprf.ru/party_live/111525.html
182. Никонова С. И. Социальная структура советского общества в 1965-1985 г.г.// Проблемы современной экономики, N 1/2 (17/18), 2006. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1005>

183. Огородников В.П. Коммунизм – прошлое, будущее и его фальсификаторы // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин. / Под общей редакцией И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.:ЛЕНАНД, 2011. С.488-506.
184. Орлов Я. Промышленность и торговля: партнёрство должно быть равноправным // Коммунист. 1984. №11. С.49-59.
185. Осин Р.С. Десталинизация или декommунизация: что стоит за планом Федотова-Караганова? (марксистско-ленинский анализ) // Сайт «Революционного Коммунистического Союза Молодежи (большевиков)» (PKCM(б)).URL : <http://rk smb.org/articles/ideology/destalinizatsiya-ili-dekommunizatsiya-ch/>
186. Осин Р.С. Кто такие левые, коммунисты и возможно ли их единство? // Сайт «Революционного Коммунистического Союза Молодежи (большевиков)» (PKCM(б)). URL : <http://rk smb.org/articles/ideology/kto-takie-levyie-kommunistyi-i-vozmozhno-4/>
187. Осин Р.С. Сталинская теория мировой революции и идеология советского патриотизма: теория, современность, перспективы // Сталин и современность. Под ред. Джохадзе, Д.В. и Косолапова, Р.И. М., 2010. С 389-417.
188. Осин Р.С. Противоречия социализма // Экономическая и философская газета №15-16. 2011. URL : <http://www.eifgaz.ru/osin16-11.htm>
189. Осин Р.С. Творческое развитие или полный разрыв с марксизмом? (по поводу статьи В.С. Никитина «От творческого развития марксизма к обновленному социализму XXI века») // Марксизм и современность. №1-2. 2013. С. 103-115.
190. Основы марксистской философии. Константинов В.Ф. (руководитель), Берестнев В.Ф., Глезерман Г.Е. и др. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1964. 671 с.

191. Печенев В.А. Социалистический идеал и реальный социализм. М. : Политиздат, 1984. 367 с.
192. Пивоваров Ю.С. ...И в развалинах век // Полис. 2011. № 6. С. 52-78.
193. Пихорович В.Д. Взгляды Э. В. Ильенкова на экономическую природу социализма в контексте экономических дискуссий 60-х гг // Научно-популярный журнал «Пропаганда». URL: <http://propaganda-journal.net/533.html>
194. Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. М. : ЛЕНАНД, УРСС, 2014. 264 с.
195. Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1989. 255 с.
196. Плетников Ю.К. Исторические судьбы социализма. М. :ИФ РАН, 2004. 327 с.
197. Плеханов В.Г. Год на родине // От первого лица. М., 1992. 560 с.
198. Плеханов В.Г. Наши разногласия // Избранные философские произведения в 5 томах. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 115 – 371.
199. Плеханов В.Г. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения в 5 томах. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 51-115.
200. Покрытан А.К. Особенности производственных отношений социализма // Экономические науки, 1979. №1. С.12-20.
201. Политическая экономия. Учебник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 639 с.
202. Полемика о генеральной линии международного коммунистического. URL : http://library.maoism.ru/Great_Polemic/
203. Попов М.В. Изменение характера производства в процессе строительства и развития социализма // Марксизм и Современность. №3-4 (41-42).2007. С. 49-55.
204. Попов М.В. Ленинские критерии левизны // Сайт «Красного Телевидения» (Красного ТВ). URL: <http://www.krasnoetv.ru/node/21918>

205. Попов М.В. Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. Ленинград : Изд-во Ленинградского государственного университета, 1986. 175 с.
206. Попов М.В. Развитие Лениным учения Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата // Ленин в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. 22 апреля 2013 года, Разлив / под ред. д-ра филос. наук М.В. Попова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 92-98.
207. Попов М.В., Герасимов, И.М. Противоречия развития социализма и реставрация капитализма в СССР // Марксизм и современность №1-2. 2001. С. 24-31.
208. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т.2. Время лжепророков Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, 1992. 487 с.
209. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.
210. Пыхалов И.В. Время Сталина: факты против мифов. Киевская область, Боярка-3, 2007. 220 с.
211. Резолюция 18-го Съезда КПГ по Социализму. Февраль 2009 года // Сайт «Коммунистической Партии Греции» (русскаяязычная страница) URL: <http://ru.kke.gr/ru/articles/-18/>
212. Реклю Э. Эволюция, революция и идеалы анархизма. Издание 2-е. М.: УРСС, 2009. 104 с.
213. Ретинский Станислав. Проект ОГАС: несбывшееся грядущее // Сайт «Красного Телевидения» (Красного ТВ). URL: <http://www.krasnoetv.ru/node/17142;>
214. Россия. XX век: История. Мифы. Память. Отв. ред. Алексеев С.В. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2014. 144 с.
215. Русский интеллектуальный клуб: Стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 5 /Под науч. ред. И. М. Ильинского. М.: Социум, 2006. С. 6-118.

216. Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа, 2004. 272 с.
217. Руткевич М.Н. Становление социальной однородности. М.: Политиздат, 1982. 334 с.
218. Рыжков Н. Некоторые вопросы планового руководства экономикой // Плановое хозяйство. 1982. №8. С.11;
219. Рютин М.Н. На колени не встану / Сост. Б.А. Старков. М.: Политиздат, 1992. С. 113-252.
220. Самарский А. ОГАС (Общегосударственная Автоматизированная Система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством СССР) // Сайт «Война и мир». URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/72058/>
221. Сахаров В.А. На распутье. М.: Издательский Центр «Аква-Терм», 2012. 336 с.
222. Семенов В.С. Социализм и революция XXI века: Россия и мир. М. : УРСС, 2009. 656.
223. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. Изд. 2-е, дополненное. М.: УРСС, 2011. 376 с.
224. Семенов, Е. Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. №15 (1990). С. 30-37.
225. Сергеев, А.А. Структура производственных отношений социализма. М.: Наука, 1979. 240 с.
226. Сигов В.И., Смирнов А.А. Теневая экономика. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. 98 с.
227. Сквиков А.К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. 2010. № 6. С. 199–202.
228. Славин Б.Ф. Социализм и Россия. М.:URSS, 2004. 432 с.

229. Славкина М.В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР. М.: Наука, 2002. 224 с.
230. Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. Под ред. В.И. Купцова. М.: «Высшая школа», 1989. С. 76-94.
231. Смирнов Г.Л. Формирование коммунистических общественных отношений. М. : Госполитиздат, 1962. 55 с.
232. Соловьев А.В. Этюды о капитализме России XX века. Кострома. 1996. 108 с.
233. Солопов Е.Ф. Социализм. XXI век. М.: ВИУ, 2005. 156 с.
234. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
235. Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4. С. 196.
236. СССР в цифрах в 1987. Краткий статистический сборник. М.: Статистика, 1988. 338 с.
237. СССР. Незавершенный проект. / Под общ. Ред. Бузгалина А.В. М.: УРСС. 2013, 528 с.
238. Сталин И. В. VII расширенный пленум ИККИ // Сочинения. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 3-61.
239. Сталин И. В. Вопросы и ответы: речь в Свердловском университете 9 июня 1925 года // Сочинения. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 156-211.
240. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М.: Госполитиздат, 1952. 651 с.
241. Сталин И. В. Заключительное слово по докладу «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» // Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 298-356.

242. Сталин И. В. Итоги первой пятилетки: Доклад на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 161-215.
243. Сталин И. В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии // Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 234-297.
244. Сталин И. В. К итогам работ XVI Конференции РКП(б). Сочинения. Т.7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 90-132.
245. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников // Слово товарищу Сталину. / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 121-163.
246. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 119-147.
247. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 95 с.
248. Степанян Ц.А. Развитие В. И. Лениным и И. В. Сталиным учения о социализме и коммунизме. М. : изд-во «Академия наук СССР», 1952. 484 с.
249. Степин В., Гусейнов А., Межуев В. ,Толстых В. Общечеловеческое и классовое // Диалог. №13. 1990. С. 18-29.
250. Семенов. Е. Классовый каннибализм или взаимодействие классов // Диалог. №15. 1990. С. 30-36.
251. Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки / Под ред. В.И. Купцова. М.: «Высшая школа», 1989. 704 с.
252. Смирнов И.К., Попов М.В. Диалектика капитализма и социализма. СПб, 2015. С. 389.

253. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1992. 413 с.
254. Тарасов А. Н. Суперэтатизм и социализм // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://sceptsis.net/library/id_102.html
255. Теоретико-методологические основы гуманитарных исследований: учеб. пособие / отв. ред. Костина А.В., Осипова Н.О. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. С. 6-44.
256. Теория и практика социализма и перспективы его в XXI веке. Коллективная монография. Составитель Братищев И.М. М.: Издательство ИТРК, 2009. 560 с.
257. Титаренко А.И. Антиидеи. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1984. 478 с.
258. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
259. Троцкий Л. Д. Перманентная революция. М.: АСТ, 2005. 570 с.
260. Труд в СССР: статистический сборник. М., 1988. 302 с.
261. Тюлькин В.А. Что такое Советская власть, или за что борются коммунисты? // Сайт «Российской Коммунистической Рабочей Партии» (РКРП-КПСС). URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/9748/82/>
262. Тюлькин В.А., Попов М.В. Ленинизм и ревизионизм в основных вопросах теории и практики социализма // Марксизм и современность №1-2 (47-48). 2011. С. 35.
263. Тюлькин, В.А. Великая Октябрьская Социалистическая революция: всемирно-историческое значение // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин/ Под общей редакцией И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицера, Б.Ф. Славина. М.:ЛЕНАНД, 2011. С. 99-105.
264. Тюлькин В.А. Защита И.В.Сталина от «державников», «патриотов», «истинно верующих» и прочих немарксистских элементов //Марксизм и будущее цивилизации. В 2-х томах. Том 2. / Ответственный редактор Джохадзе Д.В. М.: Изд. «ВИУ», 2006. С. 47-53.

265. Фарберов Н. П. Общепародное государство - закономерный результат развития государства диктатуры пролетариата // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 14 – 24.
266. Федосеев П.Н. М. : Издательство политической литературы, 1982. 433 с.
267. Ферр Г. Антисталинская подлость. М. : Алгоритм, 2008.
268. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2012. 314 с.
269. Фромм, Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2012. 284 с.
270. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011. 446 с.
271. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с.
272. Фурсов А. И. **О некоторых западных теориях «реального социализма»** // Знание. Понимание. Умение. №3. 2014. С.81-94.
273. Фурсов А. И. **О некоторых западных теориях «реального социализма»** // Знание. Понимание. Умение. №4. 2014. С.81-99.
274. Фурсов А.И. «Десталинизация: тайные коды» // Завтра. URL :<http://zavtra.ru/content/view/2011-05-2422/>
275. Фурсов А.И. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма // Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб». URL: <http://rikmosgu.ru/publications/3559/4349/>
276. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
277. Ходжа Энвер. Империализм и революция. Ленинград, 1997. 151 с.
278. Ходжа Энвер. Хрущевцы. Ленинград, 1996. 159 с.
279. Хорина Г.П. Идеология в системе культуры. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2007. 304 с.
280. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., N 3. URL:<http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>
281. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М. :Госполитиздат, 1962. Т.III. 608 с.

282. Цаголов Н.А. Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 368 с.
283. Ципко А.С. Истоки сталинизма. URL : <http://tsipko.ru/2010/01/18/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0/>
284. Ципко А.С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983. 216 с.
285. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.
286. Шабров О.Ф. Политическая ответственность как обратная связь // Политическая ответственность: нормативно-правовые решения: материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2014. С. 68-71.
287. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. 1994. № 5. С. 116-125.
288. Шагнахаров Г. Х. Социализм и будущее. М. : Наука, 767 с.
289. Шибанов А. Ф. Советское социалистическое общенародное право, М.: Изд. Университета дружбы народов, 1963. 147 с.
290. Экономические отношения стран СЭВ с Западом. М.: Наука, 1983. 223 с.
291. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. Т. 20.С. 5-343.
292. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. Т. 4. С. 322-339.
293. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 21.С. 28-178.

294. Энгельс Ф. Эмигрантская литература. О социальном вопросе в России // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 18. С. 501-548.
295. Юнь О. Развивая плановый механизм хозяйствования // Коммунист. 1985. №13. С.32-50.
296. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1927). Избранные статьи. М.: Начала-Пресс, 1996. 423 с.
297. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 298 с.
298. Callinicos A. The Revenge of History: Marxism and East European Revolution. Cambridge, 1992. 176 p.
299. Nove. A. The Economics of Feasible Socialism Revisited, Harper Collins Academie, 1991, 288 p.
300. Ludo Martens, L'URSS et la contre-révolution de velours Antwerp: EPO, 1991, 215 p.
301. Kornai I. The Socialist System: The Political Economy of Socialism, Oxford, 1992. 672 p.
302. Bergson A. Planning and Performance in Socialist Economies. Boston, 1989. 304 p.
303. Ernest Mandel: Beyond Perestroika. The Future Gorbachev's USSR. Verso, London-N.Y., 1989. 214 p.
304. M. van der Linden. Western Marxism and the Soviet Union. A Survey of Critical Theories and Debates Since 1917. Brill: Leiden-Boston, 2007. 380 p.
305. Ellman M. The Fundamental Problem of Socialist Planning // Oxford Economic Papers. 1978. Vol. 30. № 2. P. 152–159
306. Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspectives. Princeton, 1961. 278. p.